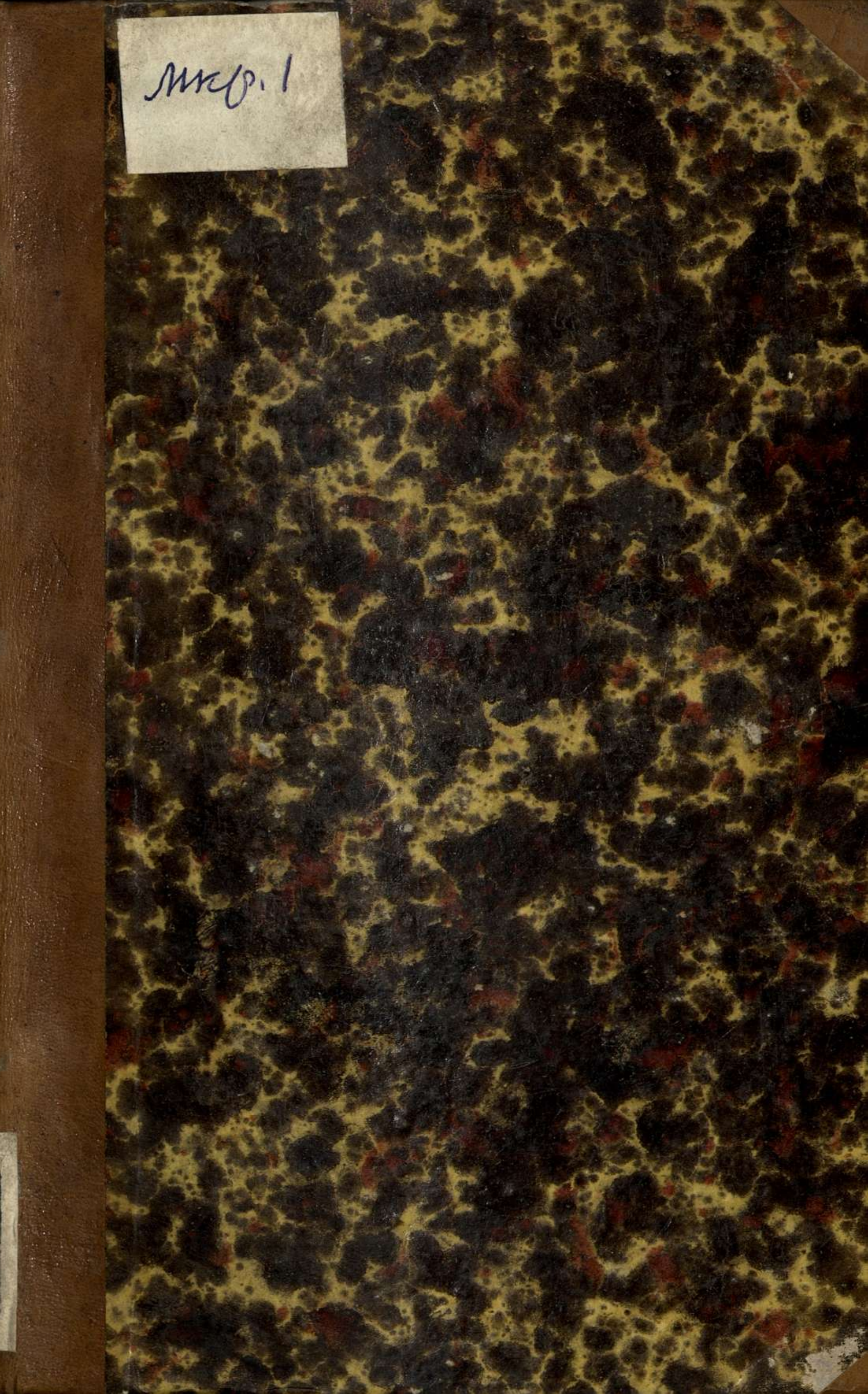

Мкф. 1

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

КАЗАНСКИМЪ УНИВЕРСИТЕТОМЪ.

1842.

КНИЖКА III.

КАЗАНЬ,

печатано въ университетской типографіи.

1843.

Печатано съ одобренія издательнаго комитета, учрежденнаго при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

I. MAMMALE.

LAGOMYS ATER, Ev.

L. Totus aterrimus, auriculis concoloribus.

Eadem statura, qua reliquæ hujus generis species, etiam aurium proportione non differt, sed, ut videtur, animalculum omnes Lagomyes vincit magnitudine, cum plerumque paulo major est quam L. alpinus. — Corpus totum coeruleo-atrum, solummodo plantæ grisescentes.

Habitat in montibus Altaicis eadem loca cum L. alpino; e. gr. circa pagum Uimon non raro occurrit.

—

II. AVES.

VULTUR CINEREUS auctor.

Temm. Man. d'Orn. I. p. 4. — Naumann Naturg. der Vögel Deutschl I. p. 155. — Gyps cinereus Keyserl. u. Blasius Wirbelth. Europ. p. 135. n. 4. —

V. fusco-niger, capite fusco-lanuginoso, collo dimidio superiore nudo albo-coerulescente, — collari plumaceo obliquo, postice adscendente, antice jugulum plumosum includente, — tarsis seminudis, — cauda rectricibus duodecim.

Vultur hic omnibus exacte convenit cum Vulture cinereo auctorum recentium, in Naumanni filii Ornithologia l. c. descripto et picto, — nec non critice separato a Vulture Percnoptero Pall. Zoogr. I. p. 375. in opere supra citato cel. Keyserlingi et Blasii; qua de causa Vultur noster cum Vulture Percnoptero Pall., pro quo antehac habuerunt, non confundendus est. — Vulturis cinerei nomen pessime electum, cum tota avis nihil cinerei coloris habeat, sed ubique fusco-nigra est.

Descriptio. Omnium avium nostratium terrestrium maxima: a rostri apice ad caudæ apicem 4 pedes Parisior.; expansio autem alarum 9 pedes superat. Rostrum ab angulo oris ad apicem 3¾ poll. longum, et fere duos pollices altum, — nigrum, aut coerulescenti-nigrum; cera e luteo livida; nares rotundæ, pone ceræ marginem anticum in medio positæ. Tarsus paululum ultra medium plumosus; pedis pars nuda sordide carneo-flavescens. Caput lanugine molli fusca tectum; regio ophthalmica et colli pars superior nudæ, albo-coerulescentes; ingluvies et gula plumulis minutis pilosissimis vestitæ, apertura auris plumulis pilosis rigidis excentrice cincta; supercilia pilosa; palpebræ setis vel pilis longis rigidis ciliatæ. Collare, e plumis longis lanceolato-acuminatis fusco-nigris formatum, a sterno

antico oblique ad auchenium adscendit et partem colli inferiorem, et præcipue anticam, plumulis brevibus fusco-nigris vestitam a pectore et dorso disjungit. Reliquum totum corpus ubique obscure fuscum, seu fusco-nigrum, exceptis remigibus primariis atris. Dum avis in terra ingreditur, caudæ rectrices, quarum duodecim, usu plerumque tali modo deteruntur, ut rhachides nudæ longe exstent.

Habitat in promontoriis Uralensibus australibus et occidentalibus, in montosis inter fluvios Sacmaram et Ic, nec non in montibus silvosis Obtschei-Syrt altioribus, qui jugo Uralensi proximi. Nidificat in altissimis arboribus. Femellam, in plumarum mutatione occupatam, a nido evolantem occidit mensis Iulii 15-to die, anno 1836, nobilissimus, excellentissimus D. Perovsky, provinciæ Orenburgensis præfectus militaris. Postea jubente Perovsky complnria individua, cadavere inescata, occisa sunt, quorum duo possideo.

—

VULTUR FULVUS Briss.

Brisson Orn. I. p. 462. n. 7. — Naumann Vögel Deutschl. I. p. 162. —

V. ferrugineo-fuscescens, sordidus, capite et collo plumulis minutis lanuginosis albidis æqualiter vestitis,—collari dimidiato auchenii, plumis elongatis pilosis formato.—

cauda rectricibus quatuordecim, — tarsis nudis basi plumosis.

Descriptio. Paulo minor quam Vultur cinereus. — Caput et collum plumulis minutis lanuginosis et pilosis, lutescenti sordide albidis ubique æqualiter tecta. Auchenium collari dimidiato, e plumis elongatis pilosis ferrugineo-albidis formato, a dorso separatum. Stragulum ferrugineo aut griseo fuscum, sordidum; gastræum sordide fusco-ferrugineum. Alarum tectrices ultimæ nigro-fuscæ. Remiges et rectrices fusco-atræ. Cauda alis complicatis longior, rectricibus 14. Pedes nudi pallide et sordide lividi; tarsus in pagina antica triente superiore plumulis lanuginosis tectus.

Habitat eadem loca promontoriorum Uralensium cum Vulture cinereo, et videtur majore copia adesse, quam ille. Victitat cadavere, quo inescatur.

—

FALCO (FALCO) CENCHRIS Naum.

Naum. Vögel Deutschl. I. p. 318. — F. Tinnunculoides Natt. in Tomm. Man. d'Orn. I. p. 31.

F. maxilla ante apicem utrinque argute dentata, — pedibus, orbita ceraque flavis, — unguibus pallide flavescentibus; — dorso ferrugineo, abdomine ferrugineo-albido, nigro-maculato.

M a s: dorso læte ferrugineo, immaculato,—capite, pteromate, remigibus secundariis caudaque nigro - terminata cinereis.

F e m: supra ferruginea, transverse nigro - maculata, — cauda cinerea, nigro-fasciata fasciaque terminali lata.

Habitat in collibus et campis herbidis promontoria Uralensia australia ambientibus, nec non in campis herbidis ad fluvium Irtysch.

—

FALCO (CIRCUS) CINERACEUS Montagu.

Montagu Trans. of the Linn. Soc. IX. p. 188. — Naum. Vögel Deutschl. I. p. 402.

F. rostro mutico, — alis longissimis caudæ rotundatæ fasciatæ apicem attingentibus, — remige tertia reliquis longiore.

M a s: cineraceus, abdomine femoralibusque albis, ferrugineo - lituratis, — remigibus primariis fasciaque secundariarum nigris.

F e m: supra sordide fuscescens, vertice ferrugineo, nigro-striolato, — subtus alba, ferrugineo-liturata.

Iuv: supra fuscus, uropygio albo, — subtus brunneo-ferrugineus immaculatus, — gena nigra, maculam infraorbitalem triangularem albam includente.

Habitat in provinciæ Oreuburgensis campis herbidis, in promontoriis Uralensibus humilioribus, nec non in campis herbidis orientalibus ad fluvium Irtysch.

—

GARRULUS BRANDTII Ev.

G. capite colloque læte ferrugineis, ambitu oculorum maculisque pilei nigris, vitta utrinque mystacali atra, — tergo cinereo, abdomine rufescente, uropygio crissoque albis, alarum tectricibus remigumque intermediarum basi coeruleo nigroque fasciatis, — pedibus fuscis.

Descriptio. Statura et colorum distributio omnino, ut in G. Glandario, ita ut ejus varietatem crederes, qua de causa descriptionem prolixam evitabo et solummodo signa discretoria exhibebo. — Quinta aut sexta parte minor est quam Glandarius. Caput et collum læte rufo-ferruginea, qui color etiam interscapulii partem anteriorem occupat et cum reliquo dorso cinereo parum diluitur. Regio ophthalmica, lora, plumulæ mastacales nares tegentes et maculæ scapinæ pilei nigra; vitta autem mystacalis atra non differt ab ea Glandarii. Ro-

strum paulo gracilius et magis acuminatum est, quam in Glandario, et maxillæ apex minus inflexus. Pedes fusci, non pallidi. — Cetera cum Glandario congruunt.

Habitat in montium Altaicorum altiorum silvis Pini Cembræ et victitat ejus seminibus; etiam hyeme ea loca non relinquit. Evulsione nucleorum rostrum saepe deteritur et lævigatur, qua re areolæ nitidæ formantur; interdum rostri indumentum corneum tali modo defricatur, ut magna maxillæ osseæ pars nudetur. — Incolis Altaicis hæc avis K u k s c h a auditur,

Nomen dedi in honorem celeberrimi Academici Brandt, cuique fama sat noti.

SYLVIA FLUVIATILIS Wolf.

Meyer u. Wolf Tascheub. I. p. 229. — Naum. Vögel Deutschl. III. p. 694. — Salicaria fluviatilis Keyserl. u. Blas. Wirbelth. p. 180. n. 197. —

S. supra olivaceo-fusca, immaculata, — subtus olivaceo-fuscescens, abdominis medio gulaque albidis, hac fusco-liturata, — remige prima tectricibus breviore, remige secunda reliquis longiore.

D e s c r i p t i o. Rostrum, quo ad formam, ad Sylviam Phragmitis accedit, sed ante nares paulo magis contractum est,

ibique fere æque latum ac altum; maxilla fusca, ejus tomia et mandibula sordide flavesceutia. Pedes fortiusculi, sordidi carnei coloris. — Supra avicula obscure olivaceo-fusca, unicolor, — obscurius colorata est, quam e. gr. S. arundinacea, palustris, etc.; uropygium dorso concolor, aut paulo minus olivaceum; lora et palpebræ vix capite pallidiora. Ingluvies et gula albidæ, lituris fuscis dilutis maculatæ; jugulum et pectus olivaceo-fuscescentia, obscurius liturata, abdomen medio albidum lateribus sensim olivaceo-fuscescit; subcaudales fuscescentes, apice lato albido. Alarum tectrices superiores dorso concolores, remiges fuscæ. Remex prima minuta acuminata, tectricibus superioribus multo brevior; remex secunda reliquis longior. Cauda rotundata, aut gradata, rectricibus fuscis.

Sylvia fluviatilis inhabitat fruticeta riparia humida, verno tempore inundata, provinciæ Casanensis, Orenburgesis borealis et promontoriorum Uralensium; prata humida, arbusculis et fruticibus vestita, maxime amat, pariter autem non reformidat convalles promontoriorum Uralensium silvosas, rivulis irrigatas, et betuleta adjacentia. Nullibi rara est, et abundat in monticulorum Obtschei-Syrt orientalium declivitate australi, ad fluvium Sacmaram in eamque influentes Ic, Sureen, Taschla, etc. Cantu animum advertente facile indicatur, sed raro videtur; semper enim in fruticibus densissimis versatur et cantillat; cantu finito in frutice per ramulos adscendit et tunc videri potest, sed momento tantum temporis, cum statim in fruticem propinquum transvolat et iterum occultatur. Hominem adpropinquantem timet, præcipue in frutice minus denso sedens. Cantus maxime

similis ei Locustarum, et vix distingui potest nisi sono fortiore, unde avicula aucupibus Casanensibus **Swertschok** (Acheta domestica) auditur. Cantillat praecipue matutino et vespertino tempore, sed etiam medio die, alio quoque tempore; cantum monosonum per sat longum tempus continue profert, et post breve silentium denuo incipit. Ante Iulium extremum jam cessat cantare, et, ut videtur, citius nos relinquit quam reliquae Sylviae.

—

SYLVIA ARUNDINACEA Briss.

Curruca arundinacea Brisson Orn. III. p. 378. — Sylvia arundinacea Lath. Ind. Ornith. p. 510. — Naumann Vögel Deutschl III. p. 614. — Salicaria arundinacea Keys. u. Blas. Wirb. p. 181. n. 200.

S. supra e griseo et olivaceo fusca, immaculata, — subtus albida, lateribus ferruginosa, vitta superciliari albida, — remige tertia reliquis longiore, remige prima minuta, tectricibus subæquante.

Descriptio. Sylvia hæc magnitudine, colore et remigum proportione simillima S. palustri, sed statura minus gracili. — Rostrum paulo robustius, longius et latius est quam in S. palustri; maxilla fusca, ejus tomia et mandibula flavescentia. Pedes sordide carneo-flavescentes. — Avicula supra e griseo et olivaceo fusca, sed multo minus olivacea quam S. palustris; uropygium autem in olivaceum vergit; vitta superciliaris palli-

de et sordide ferrugineo - albida. Gastraeum e ferrugineo sordide albidum, lateribus obscurioribus, vel ferrugineo - fuscescentibus, gula alba; alarum et caudæ tectrices inferiores sordide ferrugineo - albidæ. Alæ et cauda rotundata sordide fuscæ, remigibus rectricibusque vix pallide marginatis. Remex prima tectricibus superioribus plerumque paulo longior; remex secunda æquatur quintæ; tertia omnibus longior.

Una cum S. palustri abundat in promontoriis Uralensibus et in collibus campisque adjacentibus: in montibus Obtschei-Syrt, ad fluvios Ural superiorem, Samaram, Saemaram, Salmysch, Jc, etc. — Amat aquarum ripas fruticibus et arbusculis vestitas, uliginosas, vel sine arundine, vel ea intermixta. Autumno inter ultimas avolantes videtur.

—

SYLVIA SCITA Ev.

S. supra olivaceo - fusca, immaculata, striga superciliari albida, — subtus albida, ferrugineo mixta, — remige prima tectricibus longiore, remige secunda sextam adæquante, tertia reliquis longiore, — cauda rotundata.

Sylvia hæc, quæ Salicariis Keys. et Blasii adnumeranda est, coloribus ad Sylviam palustrem proxime accedit, differt

autem corpore dimidio minore, rostro graciliore et remige prima tectricibus multo longiore.

Descriptio. Rostrum gracile ante nares æque latum ac altum, maxillæ fuscæ tomiis mandibulaque tota flavescentibus. Pedes plumbei coloris, seu sordide coerulescentes, pallidi. — Supra avicula e griseo fusca, in olivaceum vergens, immaculata, eodem colore, quo Sylvia palustris, uropygio paululum in ferruginosum vergente, lora et oculorum circulo sordide albidis; — subtus ferrugineo-albida, ingluvie et gula albis, jugulo et pectore magis ferrugineis aut rufis. — Sylviæ palustris color gastræi in luteum vergit; Sylviæ scitæ gastræum rufescit. — Alarum tectrices inferiores e ferrugineo luteo-albidae. Remiges supra fuscæ, margine externo rufo diluto; subtus griseo-fuscæ, sericeæ, margine interno lato carneo, sericeo. Remex prima $2\frac{1}{3}'''$ longior quam tectrices superiores; remex secunda æquat sextam et $2\frac{1}{8}'''$ brevior est quam tertia, quæ est longissima. Cauda rotundata, supra remigum colore fusco, subtus griseo-fusca, sericea, fasciis seu lineis transversis pluribus (10—14) obscurioribus obsoletis.

Rivulorum ripæ, arbusculis et fruticibus variis obsitæ, in campis et collibus promontoria Uralensia proxime limitantibus hospitio excipiunt hanc aviculam venusculam, quæ fere eadem loca fruticosa humidiuscula una cum S. palustri frequentat; maxime autem amat virgulta humiliora passim plantis altioribus intermixtis ad fruticetorum margines, pratis limitatos. Minus agilis est quam reliquæ Sylviæ: e frutice abacta directione ad ri-

vulum non longe avolat, in alio frutice locum capit et plerumque in loco capto aliquod tempus remanet, ita ut facilis dejectu sit. Paulo tardius, ut videtur, nos relinquit, quam reliquæ Sylviæ: abit sub finem Augusti et initio Septembris.

Mensurae:

Longitudo totius avis a rostri apice ad caudæ apicem usque $4'' \; 8'''$ Parisior:

caudæ $1'' \; 11'''$

tarsi $8\frac{3}{4}'''$

digiti medii sine ungue $5\frac{1}{3}'''$.

culminis rostri $4'''$.

Latitudo et altitudo rostri ante nares $1\frac{1}{4}'''$.

Cauda alis complicatis longior $1''$.

—

SYLVIA ICTERINA Vieill.

Vieillot Nouv. Dict. d'hist. nat. XI. p. 194. — Ficedula icterina Keys. u. Blas. Wirbelth. Europ. p. 105. n. 218. —

S. supra olivacea, vitta superciliari flavida, — subtus flavescenti - alba, tectricibus alarum inferioribus flavis; — remige prima tectricibus longiore, secunda quintam subæquante; — pedibus fuscis.

Simillima S. Trochilo et S. rufæ eademque statura et magnitudine; a S. Trochilo differt pedibus fuscis pelmateque flavissimo, a S. rufa autem differt remigum proportione, gastraeo albiore, nec non pectore et gula magis flavis.

Habitat in provincia Casanensi et Orenburgensi boreali. Amat fruticeta herbis variis intermixtis ad rivulorum ripas; pariter amat prata fruticibus vestita et convalles humidas promontoriorum Uralensium. Nidum construit e graminum culmis in fruticibus densis, circiter duos pedes, aut plus, supra terram. Ponit ovula 4 — 5 coerulescenti - viridula, punctis crebris et maculis nonnullis sat magnis griseis et fuscis adspersa. Mas, in nidi propinquo sedens, perpetuo profert cantum maxime monosonum, qui fere instar syllabarum ten - tin - ten - tin - etc. auditur, qua de causa aucupes Casanenses avem dicunt Tenkovka et a S. Trochilo eam bene distingunt.

—

SYLVIA RUFA Lath.

Latham Ind. Orn. II. p. 516. — Naum. Vögel. Deutschl. III. p. 581. — Ficedula rufa Keys. u. Blas. Wirbelth. p. 185. n. 219. —

S. supra olivacea, subtus flavescenti - albida, tectricibus inferioribus flavis; — remige prima tectricibus longiore, — secunda septimam æquante, — a tertia ad sextam vexillo externo angustato, — pedibus fuscis.

Eadem magnitudine et statura, qua S. Trochilus eique simillima, cognoscitur autem remigum proportione diversa et pedibus fuscis. — Rostrum gracile ut in Trochilo, sed paulo minus; maxilla fusca; mandibula flavescens. Corpus supra olivaceum, uropigio lætius colorato, vitta superciliari flavida; — subtus albidum, obsolete flavo mixtum, jugulo hypochondriisque e fusco flavescentibus; tectrices alarum inferiores et campterium flava; rectrices, remiges et alarum tectrices superiores ultimæ fuscæ. Cauda emarginata. Pedes fuscæ, pelmate flavo.

Habitat in provinciæ Casanensis salicetis humidis, ad fluviorum ripas, etc. — Venit et abit cum congeneribus.

—

SYLVIA ATRICAPILLA Briss.

Curruca atricapilla Brisson Orn. III. p. 380. — Naum. Vögel. Deutschl. II. p. 492. —

S. subtus cinereo-albida, lateribus obscurior, — supra ex olivaceo fusco-cinerea, collo cinereo, pileo maris atro, feminæ brunneo; — remige prima tectricidus longiore, remige tertia omnibus longiore.

Inter Sylvias magna, sed paulo minor quam S. Nisoria; facile cognoscitur capitis cucullo atro aut brunneo. — Rostrum nigrum; pedes coerulescenti-plumbei. Capitis pars superior in

mare atra, in femina et juvene brunnea; cervix cinerea; stragulum e cinereo fusco-olivaceum; gula cinereo-albida; jugulum, pectus et abdomen e fuscescenti sordide albida, lateribus obscuriora; crissum sordide albidum. Alarum tectrices superiores ultimæ, remiges et rectrices unicolores griseo-nigrae, aut fuscæ; tectrices alarum inferiores sordide albidæ, griseo-lituratæ. Cauda emarginata.

Habitat in provincia Casanensi et Orenburgensi boreali, in promontoriis Uralensibus, ad aquarum ripas silvosas, arboribus altis (Salicibus et Populis) et fruticibus intermixtis; sed nullibi frequens est, semper in spatio sat extenso unius nidi familia tantum reperitur.

—

COLUMBA FERRAGO Ev.

C. fronte cana, vertice schistaceo, cervice rufa: coloribus dilutis, — gutture pectoreque fusco-rufescentibus, abdomine albo, — macula colli utrinque atra: lunulis caesio-coerulescentibus; — pennis scapularibus tectricibusque superioribus late ferrugineo-marginatis, — rectricibus apice albis, exceptis duabus mediis totis albis.

Columba hæc simillima C. Turturi, sed quarta vel tertia parte longior, ergo mole fere duplo major, et eadem magni-

tudine, qua Columba Oenas Briss., nisi, ob caudam longiorem, paulo longior. Coloris distributio perfecte ut in C. Turture, cujus varietatem perfunctoria contemplatione crederes: qua de causa prolixa descriptione omissa solummodo ejus signa discretoria exhibebo.

Rostrum coloratum, vel fuscum vel rubrum (in exemplar exsiccato ejus color dignosci non potest, patet autem non esse nigrum); in Turture nigrum. — Pedes rubri, duplo fortiores quam in Turture, æque fortes ac in C. Oenade, digiti autem paulo longiores quam in Oenade. — Frons pallide et sordide lutescens, vertex coerulescens, sinciput nigro-schistaceum, cervix fusco-ferruginea: coloribus sensim confluentibus et dilutis; in Turture omnes hæ partes corulescentes, concolores. — Jugulum et pectus fusco-rufa; in Turture vinacea. — Plumulæ colli laterales atræ coerulescenti-cæsio marginatæ; in Turture albo-marginatæ. — Tergum et uropygium nigro-schistacea; in Turture schistacea. — Reliqui colores parum differunt ab iis Turturis.

Columba ferrago inhabitat Songariæ loca montosa et rupestria, e. gr. in montibus Tarbagatai, una cum Turture et Columbæ Liviæ varietate rupicola Pall. Zoogr. I. p. 562, quæ, occasione oblata sit monitum, verosimillime est propria species: medium tenet inter C. Liviam et Oenadem, et cognoscitur corpore gracili Oenadis, tergo albo Liviæ et fascia lata alba caudae, ei propria.

—

STERNA CANTIACA Gmel.

Gmel. M. S. d. 606. n. 15. — Naum. Vögel Deutschl. X. p. 50. —

St. rostro nigro, apice flavescenti-pellicido, — pennarum scapis albis, — cauda forficata, — remigibus supra canis, vexillo interno dimidiatim albo.

Longitudo avis 15 — 16 poll. Parisior., rostri ad frontem 2 poll.; tarsi 1. poll. — Rostrum acuminatum nigrum, apice flavescenti-pellucidum. Pedes nigri, pelmate luteo. Capitis pileus et occipitis plumulae elongatæ, nucham tegentes, atra; reliquum collum, gastræum, tota cauda et alae subtus candida; tergum et alæ supra cana; remiges primariæ canæ, scapo vexilloque interno albis, hoc juxta scapum dimidiato longitudinaliter nigro-cano. Cauda forficata usque ad tres pollices bifida, rectrice utrinque extima longissima acuminata. Alae longissimæ, cauda paulo longiores.

Juvenes differunt corpore nigro-fuscoque maculato, nec non pileo fuscescente, albo-vario.

Habitat littora maris Caspii et aquas vicinas circa Rhymni fluvii ostia.

—

DER VEITSTANZ

KEINE KRANKHEIT.

=

(Ord. Pr. F. v. Erdmann).

—

In jeder Wissenschaft giebt es gewiss einzelne Partieen, welche, nach vorgefassten und daher ihrem Einflusse nach schädlichen Ideen beurtheilt, während einer langen Periode hindurch einem fortwährend stärker oder gelinder anhaltenden Paroxismus unterworfen sind. Die Symptome werden oft so mannigfaltig und eben dadurch so verwickelt, dass es schwer wird, sich aus dem Gewirre hinauszufinden, und die rechte Bahn einzuschlagen. Keiner will den einmal betretenen Weg gerne verlassen, und sieht sich nicht um, weil er zu straucheln fürchtet, oder wagt sich nicht umzusehen, weil das Gebot der Nothwendigkeit oder der Coriphäen ihm den Schlendergang auferlegt. Ein lichter, selbst den Vorschriften der letztern nicht zusagender Gedanke, eine glückliche, ihrem Gehirn nicht entsprungene Cambination, und der Paroxismus führt zu einem neuen, kraftvollen Leben.

So bildet sich die Geschichtforschung im Allgemeinen sowohl, als für die besondern ihrem Reiche unterworfenen Provinzen. Der Coloss, um den sie sich dreht, ist der Mensch, in seiner Subjectivität sowohl, als Objectivität gedacht, der Mensch, als materielles und intellectuelles Wesen betrachtet. Hat dieser ein für allemal den der gesunden Vernunft und allen Zeugnissen der Erfahrung entsprechenden Grundsatz aufgestellt, dass nicht Provinzen den Gesetzcodex eines Reichs abfassen, sondern dass dieses den Zügel der letztern mit gewaltiger, umsichtsvoller Rechte lenkt, so hat er auch für seine eigene, der Geschichtforschung im Allgemeinen angehörende Definition in den verschiedenen Perioden seines Daseyns gewiss dieselben Gesetze vorgeschrieben. Der Mensch kann sich, historisch gedacht, daher nur durch die Objectivität Aufschlüsse über sich selbst ertheilen. Deswegen würde es schlimm um die Geschichtforschung im Allgemeinen stehen, wenn sie nach vorgefassten subjectiven Ideen den Maassstab für ihre zu fassenden Gesetzsbeschlüsse anlegen, wenn sie einem Phantome huldigen wollte, welches sie durch seine Schminke zu berücken, und durch eine ihr gelegte Schlinge in Tausend andere Fallstricke zu verwickeln vermöchte. Eben daher auch diese Menge von Vor- und Nebenkenntnissen; diese durch beständiges, mannigfaltiges Forschen geläuterten Ansichten; diese lichten, sie stets begleitenden Momente; diese glücklichen, ihr stets zu Gebote stehenden Combinationen, ohne welche sie eben so wenig gedacht, als unternommen werden kann. Aus derselben Ursache unterwirft sie von dem objectiven Standpuncte aus die ihrem Bereiche unumgänglich einverleibten Gegenstände einer beständigen Controlle und schlägt während

der Berathung mit ihnen, gleich Systemen, die sceptisch-eclectische Methode ein. Sie ist auf diese Weise aus dem Sumpfe der früher oft ihr entgegentretenden Irrlichter herausgetreten, und irrlichtert nicht mehr.

Zum Belege für die Wahrheit dieser meiner so eben aufgestellten Prämissen habe ich eine Untersuchung über den Veitstanz, als eine Krankheit, erwählt, und stelle die Beprüfung sowohl der erstern, als des letztern dem weitern Ermessen meiner Leser anheim. Der Veitstanz (1), als Krankheit gedacht, war bey den alten Griechen und Römern nicht bekannt. In Europa kam er zuerst im Iahre 1021 bey der Klosterkirche von Kolbig unweit Bernburg, dann im I. 1237 in Erfurt, im I. 1278 in Utrecht (2), im I. 1354 in England, und dann wieder im I. 1373 eben dort, als eine epidemische Tollheit zur Sprache, und verbreitete sich im folgenden Iahre über Brabant und Nieder-Deutschland, besonders Utrecht, Spaa, Aachen, Kölln, Strassburg u. s. w. in dem ganzen übrigen

(1) Vgl. u. a. Dictionnaire des Sciences médicales. Paris 1815 Tom. V pg. 149 flgde. De Chorea St. Viti, auctore St. Bulmerincq. Dorpati Livon. 1829. Частная Терапія по запискамъ покойнаго Рихтера u. n. изд. Е. Высотской. Москва 1830. Т. VII стр. 330 слѣд. Die Tanzwuth, eine Volckskrankheit im Mittelalter. Nach den Quellen bearbeitet von Dr. I. F. C. Hecker. Berlin 1832 Historisch-pathologische Untersuchungen. Als Beiträge zur Geschichte der Volckskrankheiten. Von Dr. H. Haeser. Dresden und Leipzig. 1839. Th. I. pg. 136 flgde.

(2) Hecker a. a. O. pg. 14. 15.

Europa (1). Man hielt die Kranken für Anhänger einer besondern Secte, welche vom Teufel besessen sey, und trieb den Dämon durch Sprüche der Bibel aus (2). Von demselben wurden Männer und Weiber, Iünglinge und Mädchen befallen. Sie tanzten, sich oft auf die unsittlichste Weise entblössend, nach dem Tacte der Musik, besonders der Türkischen Trommeln und Pfeifen, durch welche sie sich in einen Zustand von Verzückung versetzt fühlten (3), mit Kopfs-, Gesichts-, und andern Körper-Verzuckungen besonders in der Nähe von Kirchen und Wallfahrtsorten bis zur Ohnmacht, stürzten bewusstlos zu Boden, aber wurden, wenn sie wieder zu sich gekommen waren, von derselben Manie ergriffen, bis ihre ganz erschöpften Kräfte sie wieder zu Boden warfen. Während dieser ihrer Exstase krächzten sie gewisse Worte oder Geister-Namen (denn für solche hielt man die undeutlichen Worte) hervor, und sahen in ihrer Verzückung den Himmel offen, mit dem thronenden Heiland und der Mutter Gottes (4). Sie hatten einen besondern Abscheu vor, oder eine grosse Vorliebe zu gewissen

---

(1) Schnurrer's Chronik der Seuchen. Tübingen 1825 pg. 346.

(2) Vgl. K. Sprengel Versuch einer pragmatischen Geschichte der Arzneykunde. Halle 1823 Th. II, pg. 606 Hecker a. a. O. pg. 5. 84.

(3) Vgl. Hecker a. a. O. pg. 7. 25.

(4) Nach der Köllnischen Chronik sangen sie, während sie raseten: Here sent Iohan, so so, vrisch ind vro, here sent Iohan. Hecker a. a. O. pg. 2. not. 2. pg. 41. 84.

Farben, als der rothen, gelben, schwarzen, grünen, und weissen ([1]). Die Schriftsteller stimmen auch darin überein, dass sich Betrüger zu einem solchen künstlichen Mittel verstanden hätten, um das Vermögen anderer an sich zu bringen; dass der Veitstanz sogar von der Clerisey gemissbraucht worden sey, um ihr eigenes und der Päpste Ansehn in den Augen der Laien zu heben, und dass man endlich für Verbrecher dieser Art die nöthigen Strafen festgesetzt habe. So wurden schon im Iahre 1381 zu Augsburg zwey Beghardeu und ein Baarfüsser-Mönch verbrannt, weil man sich überzeugt hatte, dass ihre Exstase künstlich dargestellt sey ([2]). Französische Aerzte haben gleichfalls die Fälle, welche Horstius für den Veitstanz anführt, für jongleries ridicules erklärt ([3]). Der Veitstanz hiess anfangs (ja selbst noch im 17-ten Iahrhunderte) Iohannistanz, und später erst wurde die Benennung: Veitstanz allgemeiner. Er erhielt solche Benennungen nicht, weil man diesen Heiligen einen besondern Bezug zu der sogenannten Krankheit andichtete, sondern weil der Ausbruch dieser sogenannten Krankheit am häufigsten in die Iahrszeit fiel, in welcher gerade die Wallfahrten ihre Richtungen zu den Capellen der Heiligen, deren Namensfest begangen wurde, nahmen ([4]). Sonderbar genug wurden selbst noch im 17-ten Iahr-

---

(1) Hecker a. a. O. pg. 23. 39. 40.

(2) Schnurrer a. a. O. Bulmerincq a. a. O. pg. 9. Hecker pg. 7.

(3) Vgl. Dictionnaire des Sciences medicales a. a. O.

(4) Daher ist es falsch, wenn einige Gelehrte, als Richter, die Franzö-

hunderte alljährlich gegen den St. Veitstag (1) Weibspersonen von einer solchen Tanzlust befallen, dass sie jedes Mal zu einer in der Nähe Ulm's befindlichen Kapelle eilten, und dort bis zur Erschöpfung tanzten, worauf sie das ganze Iahr hindurch wieder gesund und unangefochten blieben. Diese Epidemie schleppte sich also zum wenigsten drey Iahrhunderte, sage drey Iahrhunderte, wenn nicht länger hindurch, und soll noch in unsern Tagen Spuren derselben zurückgelassen haben. Schlage man alle über den Veitstanz vorhandenen therapeutischen und pathologischen Schriften auf, und sehe man sich in denselben nach einer scharf bestimmten Definition um, man wird finden, dass keine einzige dieselbe als einer besonders für sich bestehenden Krankheit genügend zu ertheilen im Stande ist. Sie sagen gewöhnlich nur dies, dass der Veitstanz sich entweder bey den Personen einstelle, welche in das Alter der Mannbarkeit treten, oder, dass er eine Folge einer andern Krankheit,

---

sischen Aerzte u. a., den Zeugnissen eines Sprengel's, Schnurrer's u. a. zuwider, behaupten, der H. Veit habe die Veitstänzer von ihrer Krankheit herstellen sollen. Auch Hecker behauptet (a. a. O. pg. 8 flgd.) dasselbe, ohne sich jedoch in eine kritische Würdigung der ihm widersprechenden Quellen eingelassen zu haben. Dieser Behauptung, welche nur auf einer precären Legende des 15 Iahrh. beruht, widerspricht schon, anderer zu geschweigen, der Umstand, dass die Veitstänzer, selbst in 16-ten Iahrh. noch, auch zu der St. Iohannis-Kapelle bey Wasenweiler wallfahrteten. Vgl. pg. 24.

(1) Nach Richter a. a. O. pg. 531. im May, nach Bulmerincq und Hecker (a. a. O. pg. 7) d. 15 Iunius a. St., also den 3 Iunius n. St. cll. Furchau's Arkona. Berlin 1828 pg. 157. 422.

als Apoplexie, Lethargie, Eclampsie, Gicht, Podagra, Gehirnsverletzung u. s. w. sey. Folglich haben sie die Krankheiten genau genug bestimmt, unter welche die einzelnen Fälle, welche übrigens dem ursprünglichen Veitstanze nicht im geringsten ähnlich sehen, zu rubriciren wären. Der Veitstanz, wie er sich im 13-ten nnd folgenden vier Iahrhunderten darstellt, existirt jetzt in der aufgeklärten Medicin nicht mehr, und kann auch füglich in derselben nicht mehr existiren, weil eine Epidemie sich schwerlich über fünf Iahrhunderte in dem einzigen Europa umherschleppen, und selbst nur bey einer Kapelle erzeugt werden konnte. Damit sind auch die gelehrten Mediciner wohl vollkommen einverstanden. Aber sonderbar genug, dass kein einziger bis jetzt auf den Gedanken gekommen ist, dem Veitstanze in der Therapie und Pathologie die Thüre zu weisen, und ihn der gegebenen Definition zufolge nach den verschiedenen Symptomen unter die verschiedenen eigenthümlichen Krankheitsformen zu rangiren. Ich glaube durch diese meine Worte zugleich klar angedeutet zu haben, dass nach meiner Meinung eine Krankheit, Veitstanz genannt, nie existirt habe, und nie habe existiren können, und dieser Aeusserung zufolge habe ich mir die Verpflichtung auferlegt, die Beweise, welche mich zu derselben bestimmen, so genau und gründlich gelehrt, wie es immer geschehen kann, auseinanderzusetzen.

Die Frage, warum der Veitstanz nicht früher, als im 11-ten Iahrhunderte in Europa zur Sprache kam, kann hier mit vollem Rechte das Schiboleth zu meiner weitern Erörterung genannt, und als der Grundstein zu der sie begleitenden Wahr-

heit angesehen werden. Um dieselbe gründlich zu erörtern, müssen wir uns mit den historischen in diese Zeiten fallenden, wichtigen Ereignissen bekannt zu machen, so wie in den aus denselben sich entwickelt habenden Zeitgeist einzudringen versuchen.

Die Kreuzzüge, welche nach Ludwig's IX unglücklicher Unternehmung (1254), und mit dem Verluste der durch dieselben in Asien errungenen Eroberungen (1291), also am Ende des 13-ten Iahrhunderts als beendigt angesehen werden müssen, hatten bekanntlich zu der Stiftung verschiedener Orden, als der Iohanniter, der Tempelherrn, der Kreuzherrn und des heiligen Lazarus, so wie barmherziger Brüder- und Schwesterschaften, und durch den fast ununterbrochenen Verkehr mit Asien zu manchen andern sowohl günstigen, als nachtheiligen Folgen die nächste Veranlassung gegeben. Unter andern erregten die stolzen Anmaassungen der Päpste starken Widerspruch von Seiten der Fürsten, ihre übertriebenen Geldforderungen Missvergnügen selbst bey dem Clerus. Ihre Eingriffe in die Rechte der Staaten wurden nicht mehr geduldet; der erschlaffte, oder ganz darniedergedrückte Freyheitssin erwachte wieder, die Begriffe wurden heller, und das bisher in Fesseln geschlagene Nachdenken freyer und allgemeiner. Man lernte aus mannigfaltiger Erfahrung nur zu oft den wahren Werth der Päpste kennen, und eben dies gab Veranlassung zu antehierarchischen Ketzereyen. Bey zunehmenden Aberglauben wurden besonders auch die Nonnenklöster vermehrt, in welche entweder Mangel an Unterhalt oder Sehnsucht nach dem himmlischen Bräutigam, aber auch Sättigung sinnlicher Genüsse (wie z. B. im Magda-

lenen - Orden und bey den Reuerinnen) so viele frühe Wittwen und hoffnungslose Iungfrauen trieb. Robert von Arbrissel und Peter de Rossy förderten, der erste durch den Orden von Fontevraud zu Poitiers für Mönche und Nonnen zusammen, der andere durch eine ähnliche Anstalt in der Vorstadt St. Antoine zu Paris, diese zum Bedürfnisse gewordenen materiellen Richtungen, und stifteten ein wahres Märtyrerthum der Liebe. Ia es bildete sich selbst ein Orden fahrender Weiber und treibender Mägde.

Die Orden der Tempelherrn, der Iohanniter u. s. w. dürfen uns hier nicht weiter hinhalten, theils weil die mit der Gründung derselben verbundenen Zwecke allgemein bekannt sind, theils aber auch, weil sie auf den in Rede stehenden Gegenstand eben schon deswegen weiter keinen Einfluss äussern konnten. Doch verweilen wir etwas länger bey den letztern, mit unserm Veitstanze nach meiner Meinung in der engsten Verbindung stehenden, um so mehr, da sie unsere Uebersicht erweitern, und unser für das zu ziehende Schlussresultat unumgänglich nöthige Urtheil schärfen können.

Durch die Kreuzzüge hatte besonders das Missverhältniss beyder Geschlechter zu einander so zugenommen, dass man fast durchgängig sieben Weiber auf einen Mann rechnete. Durch die Kreuzzüge war eben daher die Unzucht zu einem so unglaublich hohen Grade gestiegen, dass keine mittelmässige Stadt sich ohne mehrere Frauen - oder Mädchenhäuser behelfen konnte, welche in allen Ländern des westlichen Europa's schon im

13-ten Iahrhunderte unter polizeiliche Aufsicht gestellt waren. Durch sie erzeugte sich unbedingt die Lustseuche (1). Robert von Arbrissel und Peter de Rossy hielten sich auf Eingebung des heiligen Geistes berufen, durch gewaltige Busspredigten diesem Scandale für künftige Zeiten zu steuern, und gaben durch die Gründung ihrer bald durch ganz Frankreich hin verbreiteten Orden, deren erster im Iahre 1098, der andere bald darauf gestiftet wurde, und welche die Bekehrung der ledigen Weiber zur Absicht hatten, eben sowohl die Veranlassung, als auch die beste Anleitung zur geistlichen Buhlschaft. Der im 13-ten Iahrhunderte zu Marseille gegründete und von dem Papste Nicolaus III und Ludwig dem IX unter dem Namen: filiae Dei bestätigte Magdalenen-Orden, welcher ähnlichen Ursachen seine erste Stiftung verdankte, zog alle des grobsinnlichen Genusses überdrüssigen Mädchen an sich, weil sie dort ihren sinnlichen Vergnügungen mit mehr Auswahl und Geschmack nachzuhängen vermochten. Der Mangel ehefähiger Mannspersonen gab dem weltlichen Orden der fahrenden Weiber oder treibenden Mägde im Anfange des 12-ten Iahrhunderts den ersten Impuls. Diese Mädchen zogen auf Iahrmärkten, Reichstagen, Kirchen-Versammlungen u. s. w. ihrer Nahrung nach, und dienten besonders den geistlichen Herrn unter dem Namen: focariae d. h. Köchinnen, oder Haushälterinnen, insgeheim zur Befriedigung ihrer sinnlichen Lüste. Sie waren gleichsam privilegirt, weil selbst solche Priester mit dem weiter keinen Anstoss erregenden Namen: focaristae belegt wurden (2).

(1) Sprengel a. a. O. Th. II, pg. 522.

(2) C. du Fresne, du Cange et Carpentarii Glossarium

So sah es also mit dem Zeitgeiste in den in Rede stehenden Iahrhunderten aus, welcher uns eine crass materialistische Richtung der Europaeischen Welt aufschliesst, auf welche auch die Vielweiberey der Asiaten gewiss einen nicht geringen Einfluss haben mochte.

Wenn wir uns jetzt die Frage aufwerfen, ob der Veitstanz nicht auch eben so, wie alle diese neuen, so eben genannten Stiftungen dem Oriente während der Kreuzzüge sein Daseyn verdankte, ob er nicht gleichfalls zur ungestörten Befriedigung sinnlicher Lüste gemissbraucht worden, und endlich an die Stelle seiner früher ihm ähnlichen Vorgänger getreten sey, so scheint diese Frage, erhohlen wir uns Raths bey den Geistesverirrungen Asiens, nur bejahend beantwortet werden zu können.

Muhammed's Reform hatte in Asien eine neue Welt hervorgerufen. Unter dem mit Blute getränkten Schwerdte seiner durch ihn zum Heroismus geweckten und mit Arabiens jugendlicher Kraft gestählten Nachfolger waren die morschen Trümmer der ob Altersschwäche kränkelnden und durch mannigfaltige Vergehungen zum Tode schon reifen Nachbarreiche entweder eingestürzt, oder doch zum wenigsten in den Zustand einer theilweisen oder gänzlichen Lähmung versetzt. In Persien besonders, welches während der Regierung des Chalifen Omar's durch dessen Feldherrn Saad Ibn Abi Wakkas im Iahre 637

---

manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis. Halae 1774. Tom. III, pg. 596.

n. Ch. (16 d. H.) unterjocht und später, nach der Trennung der beyden Muhammedanischen Hauptconfessionen der Sunniten und Schiiten, der Heerd mannigfaltiger Unruhen von Seiten dieser letztern geworden war, fühlte sich der Mensch durch das Ioch, durch welches die Strenge des allmächtigen Chalifen ihn niederdrückte, in seiner Freyheit so sehr beschränckt, dass er den vergänglichen Gütern dieser Welt entsagen und als Ersatz dafür sich für die himmlischen Güter jener Welt schon vorbereiten zu müssen, gleichsam gedrungen hielt. Auf diese Grundlage, und den Vorgang so mannigfaltiger im Chalifenreiche unter verschiedenen Farben und Formen bald nach Muhammed's Hinscheiden selbst gestifteten religieusen Orden, trat auch um das Iahr $\frac{815}{816}$ n. Ch. (200 d. H.) ein gewisser Abu Said Abu-l-chair mit einem Vermächtnisse an seine Iünger und Anhänger auf, welches wir gewöhnlich von dem wollenen Gewande der letztern den Orden der Sufi zu nennen pflegen. Dieser unter dem Schleier des Mysticismus verderbliche Lehren verbreitende Orden erhielt durch Dschuneid, der im Iahre $\frac{909}{910}$ n. Ch. (297 d. H.) starb, am Ende des 9-ten Iahrhunderts vorzüglich seine anfängliche weitere Ausbildung. Er gefiel sich besonders in dem Hauptdogma: dass man die menschliche Natur ausrotten, die sinnlichen Triebe unterdrücken, die Seele durch die erkannte Wahrheit mit sich in die höhern Regionen fortziehen, und so die innigste Vereinigung und Verschmelzung mit dem göttlichen Wesen hervorrufen müsse. Diese Lehre führte zum Quietismus, welcher schon viele Iahre vor Christi Geburt bey den Chinesen durch La-o-tse eingeführt, durch Fo-hi zum

Nihilismus umgeschaffen, und von dort nach dem westlichen Asien, so wie nach Egypten und Griechenland unter manchen anderweitigen Formen, als denen eines Philo's, Plotin's, Iamblich's und Dionysius verpflanzt worden war [1]. Die Sufi behaupteten weiter, dass nach der Ausrottung der sinnlichen Triebe, durch das ernste Bestreben, in die innigste Vereinigung mit Gott zu treten, die göttliche Kraft in ihrer ganzen Fülle vom Himmel auf das Gemüth des Menschen geheimnissvoller Weise sich herablasse, und dass das menschliche Wesen gänzlich von demselben absorbirt werde. Dieser, so wie ihren übrigen Lehren zufolge waren die Sufi daher einem objectiven Idealismus ergeben, durch den die nach Aussen hin wirkende göttliche Kraft der Materie eine Form verlieh, und ein solcher fand eben so schon bey den alten Chinesen und Indern statt. Sie erfanden aber noch, als Stützpuncte ihrer Ideen mehrere figürliche Ausdrücke, denen zufolge Gott unter dem Bilde eines Gemahls, eines Mädchens, einer Freundinn, einer Braut, und der Zustand der völligen Verschmelzung mit seinem Wesen als der eines fleischlichen Beyschlafs oder der ärgsten Berauschung dargestellt wurde [2]. In diesen Zustand der gänzlichen Verschmelzung oder der himmlischen Verzückung, welcher Feisz (die Fülle der Gottheit) [3] genannt wird, und welche sich aus

(1) Vgl. Sufismus illustratus a Tholuck. Berolini 1821 pg. 48, sqq.

(2) Vgl. Tholuck a. a. O. pg. 301 flgde.

(3) فيض Vgl. Tholuck a. a. O. pg. 101 Quatremère Histoire des Mongols de la Perse etc. pg. CLIII. So lesen wir z. B.

der Welt der Geheimnisse über sie ergiesst, musste sich der Sufi durch mystische, mit furchtbaren: Ia Allah [1], oder: Ia Hu Ia Hu [2] Geschrey, unmenschlichen Verzuckungen und dem Tacte der Tamburins und der Pfeifen begleiteten Tänze, wie sie schon in den älteren Zeiten bey den Sabaziern, den heiligen Bacchanten der Phrygier, bey den Indern und Therapeuten statt fanden, oder rasende Walzer an eigends für dieselben bestimmten, heiligen Versammlungsörtern zu versetzen suchen; und sie eben waren das Symbol der übersinnlichen mystischen Liebe, welche die Welt dreht, und Leib und Seele zu dem Urquell alles Seyns mit allmächtiger Kraft fortreisst.

Als in der letzten Hälfte des 13-ten Iahrhunderts der Lärm sogenannter barbarischer, gleich tobenden Meereswogen über

---

auch in dem Persischen Dichter Chudschu Kermani folgenden Vers:

چنان دانم که از فیض آلهی   بیابی هر تمنای که خواهی

So weiss ich doch, dass durch den göttlichen Feiss
Du alles, was du irgend wünschest, erreichst!

Vgl. نوروز وگل fol. ۲۴ recto.

(1) یاالله O! Gott!

(2) یاهو یاهو O! er der da ist! O! er der da ist!

einander sich daher wälzenden Völker vom fernen Osten Asiens laut erdonnerte; als schon die von den Hufen Mogholischer Rosse zerstampfte Erde gleich wie von einem heftigen Fieberschauder erzitterte; als schon die von den Flammen des allgemeinen durch die Mogholen gestifteten Brandes verzehrten, minder bedeutenden Reiche im eigentlichen Persien in das Nichts verschollener Grössen dahin schwanden, da mussten auch die schwachen und unter sich uneinigen Fürsten vor der Majestät des allgewaltigen Eroberers sich demüthigen und die Krone mit dem Loose der Sclaven vertauschen. Der alte ehrwürdige Thron der Chalifen stand noch, und schien auch diesen, so wie frühern ähnlichen Weltumwälzungen durch sein Greisesalter Achtung zu gebieten, und sein ferneres Daseyn sichern zu können. Aber auch er stürzte zusammen, und mit seinem vielleicht nicht geahndeten Sturze zerrissen alle Bande der menschlichen Gesellschaft. Schwere Sünden (1), durch welche die Menschheit den Fluch der Gottheit auf sich geladen habe, das waren, so schloss man, in stilles Nachdenken über sich und seine damalige Lage versunken, die Ursachen zu der exemplarischen Strafe, welche sie jetzt erlitt. Als Folge dieser Philosopheme kehrte der denselben entwöhnte Mensch nun zu seiner innern Lebensanschauung zurück, fühlte innige Reue, und reichte so freiwillig dem Mysticismus die Hand. Schon hatte die im 10-ten Iahrhunderte gereifte mystische Lehre der Sufi eine bedeutende Anzahl Anhänger erworben; schon hatte sie unruhigen Köpfen und Freigei-

(1) Vgl. Ala-ud-din Dschuweini in: Histoire des Mongols etc. par le Baron C. d'Ohsson. La Haye et Amsterdam. 1834. T. I. pg. XXIV flgde.

stern Veranlassung gegeben, sie als eine Maske des Unglaubens und herrschsüchtiger Zwecke zu missbrauchen, aber bey dem Allen war der Umfang ihrer Anhänger doch zu unbedeutend geblieben, um einen bedeutenden Einfluss auf die Urbanden der Asiatischen menschlichen Gesellschaft zu äussern. Als jedoch die Aussenwelt nur ein wildes Chaos von Eroberungssucht und Sclavenloss darbot, da erst gieng der philosophische Geist der Menschheit noch mehr in sich, und suchte im mystischen Genusse des beschaulichen Lebens Ersatz für die Bitterkeit des äussern Sinnenlebens. Die Lehrer jenes beschaulichen Lebens standen eben daher auch zu keiner andern Zeit in so grossem Ansehn, als eben jetzt. Ueberall zwar geehrt, wurden sie nirgends grösserer Ehrenbezeuzungen gewürdigt, als an dem Hofe der Seldschucken Kl. Asiens, welcher ihnen wegen seiner westlichen Entfernung von dem Haupttummelplatze blutiger Kriege einen sichern Zufluchtsort gewährte. Schon traten Tsenaji und Ferid-ud-din Attar [1] mit neuen mystischen Anklängen laut hervor; doch weit überstrahlte sie der hoch aufstrebende Genius des berühmten Dschelal-ud-din Rumi, welcher in der Kl. Asiatischen Stadt Kunijeh im Iahre 661 d. H. (1262 n. Ch.) sein Leben beschloss, durch die in seinem in dieser Hinsicht classischen Werke, Mesnewi, niedergelegten Betrachtungen moralisch-ascetischen und allegorisch-mystischen Inhalts die Lehre der Sufi auf die höchste Stufe der Vollendung führte, und den Orden der Mewlewi stiftete, dem mehrere andere, als der Nakschibendy, der Bek-

(1) Geb. im Iahre 613 (1216), gestorben im I. 727 (1326).

taschy, der Khalwety (im 14-ten Iahrh.), der Babaji, Beyramy, Eschrefy (im 15-ten Iahrh.), der Sünbüli, Gülscheny, Igith Baschy, Dschelwety, Euschaky (im 16-ten Iahrh.) u. s. w. nachfolgten [1].

Ohne mich in eine ausführliche Beschreibung der als gesetzlich festgesetzten Regeln dieser Orden einzulassen, welches mich theils zu weit führen, theils auch dem Zwecke dieser Untersuchung nicht angemessen seyn würde, hebe ich nur folgende Puncte hervor, welche zur gediegenen Erlaüterung der Erscheinungen des Veitstanzes und seiner Abarten nicht wenig beitragen, nämlich:

1.) Die Statuten aller dieser Orden fordern unbedingt, dass jeder Derwisch die sieben ersten Eigenschaften der Gottheit: a) Es ist kein Gott, ausser Gott (dem einigen); b) O! Gott! c) O! Er, der da ist! d) O! gerechter Gott! e) O! lebendiger Gott! f) O! vorhandener Gott g) O! rächender Gott! [2] des Tages oft wiederhohle. Diese Worte spielen auf die sieben Firmamente und auf die sieben göttlichen Lichter

---

(1) Vgl. Muradgea-d'Ohsson Allgemeine Schilderung des Othomanischen Reichs. Leipzig. 1793. Tom. II, pg. 518 flgde.

(2) a) لاالهالاالله b) يا الله c) ياهو d) ياحقّ e) ياحىّ f) ياقيّوم g) ياقهّار

an, aus welchen ihrer Meinung zufolge die sieben Hauptfarben: weiss, schwarz, roth, gelb, blau, dunkelgrün und hellgrün ausfliessen (1).

Dagegen werden die verschiedenen sinnlichen Hindernisse, welche der innigsten Vereinigung und Verschmelzung mit dem göttlichen Wesen in den Weg treten, als eben so viele Farben vorgestellt, während Gott, der das reinste Licht der Existenz ist, unfarbig genannt wird (2).

2) Die Sufi glauben während ihrer Verzückung, welche sie, als der Weg zu Gott und in Gott, geradezu in den offenen Himmel führt, Gott theils als Rauch, theils als Blitzstrahl, oder als Sonnenlicht, oder Crystall, oder als ein in der Nacht glänzendes Würmchen, oder unter irgend einem andern Geister-Bilde zu erblicken. Als Ausfluss der Gottheit ist diese ihnen der Ocean, das Geschöpf ein Tropfen. Dieses Meer besteht aus Tausenden von Wogen, diese Sonne enthält Tausende von Atomen, dieses eine Licht versengt Tausende von Faltern, welche, ihrer sich selbst aufopfernden, feurigen Urliebe zufolge, sich unaufhörlich demselben nähern, und von dem Gluthauche desselben verzehrt werden. Der Tropfen, die Woge, welche

(1) Vgl. Muradgea d'Ohsson a. a. O. Tom. II, pg. 525.

(2) Vgl. Tholuck a. a. O. pg. 186.

einzeln ohne das Meer, den Ocean, zu dem sie ursprünglich gehört, eben so wie der Falter ohne das Licht, nicht zu existiren vermag, sehnt sich daher unablässig nach dem Meere, und der innigen Vereinigung mit ihm zurück ([1]).

3) Die ihnen als unmittelbare Bedingung auferlegten Tänze, Feisztänze genannt, machen ein characteristisches Unterscheidungszeichen derselben aus. Diesen Vorschriften zufolge machen sie verschiedene Körperbewegungen oder Verzuckungen, walzen mit verschlossenen, zur Erde gerichteten Augen, bleichen Ansehns und stieren Blicks, wie toll umher, seufzen, schluchzen, vergiessen Thränen, schwitzen grosse Schweisstropfen, und stürzen wie entseelt zur Erde nieder. Nach einer Pause wieder zur Besinnung gekommen, nimmt dieses Rasen von Neuem seinen Anfang, und dauert mit wahrhaft stoischem Kaltsinne bis zu einer neuen gänzlichen Erschöpfung fort ([2]).

Doch fort von diesem Scheusal-Bilde, an dem wir uns gewiss zur Genüge gesättigt haben, und lassen wir diesen hei-

---

(1) Vgl. Tholuck a. a. O. pg. 97. 98. 163. 235.

(2) Vgl. Muradgea d'Ohsson a. a. O. T. II, pg. 515 flgde. Nach Dschelal-ud-din Rumi ist der Reigen: mit Seelenaugen seh'n das Paradies. vgl. Hammer's Geschichte der schönen Redekünste Persiens. Wien 1818 pg. 192.

lig - unsinnigen Schwärmern den erstaunlichen Muth, durch den sie sich das schönste Verdienst in den Augen der Gottheit erwerben, und sich in die innigste Verbindung mit derselben versetzen.

In einem solchen Zustande der Geistesverirrungen trafen also die Kreuzzügler besonders das von ihnen mit ihren Schaaren durchzogene Asien an, und brachten mit dem Guten auch das Schlechte in ihre Heimath zurück, welches bey ihnen hier und dort eingeführt, vielleicht auch wieder in ähnliche Formen umgegossen, Missbräuchen jeglicher Art Thüre und Thor öffnen musste.

Obgleich ich mich schon überzeugt halten dürfte, dass jeder meiner Leser in dem Asiatischen Feisztanze den Europäischen Veitstanz mit leichter Mühe wieder erkennt, so halte ich es doch für meine Pflicht, diese meine Untersuchung noch mit dem geziemenden Schlussresultate zu begleiten.

Ziehen wir zuvörderst eine Parallele zwischen den Erscheinungen, welche uns die Vergleichung des Europäischen Veitstanzes mit dem Asiatischen Feisztanze darbietet.

Hier heisst er Veitstanz, dort Feisztanz. Wende man mir doch nicht etwa dagegen ein, dass er auch Iohannistanz genannt worden sey, und dass gerade diese Benennung die zwischen beyden gezogene Parallele gleich auf der Schwelle vernichte. Das hatte ja auch seinen guten Grund, den ich bald

genauer auseinandersetzen werde. Der Europäische Veitstanz war im Verlaufe einiger Iahrhunderte grösstentheils nur an Oertern beobachtet worden, wo man höchstwahrscheinlich aus verschiedenen Absichten zusammenkam. Wie, um Gottes Willen, konnte aber mit der Zeit nur ein einziger Versammlungsort bey Weissenstein eine Krankheit der Art hervorbringen, welche, wenn man sich dort ausgeraset hatte, und denselben verliess, sich wieder verlor; oder versammelte man sich im Verlaufe von Iahrhunderten alljährlich eigends nur dort, um diese Krankheit zu bestehen. Man wäre ja wohl vernünftiger Weise, im Falle, dass man wusste, wie man es wissen musste, dass die Kapelle bey Weissenstein einen solchen Einfluss auf den menschlichen Körper ausübte, zu Hause geblieben, und hätte sich diesem verderblichen Einflusse nicht ausgesetzt. Die Leute, welche zu der Kapelle bey Weissenstein reiseten, kamen ja noch nicht als Veitstänzer an, und wollten auch nicht durch den H. Veit von dieser Krankheit hergestellt seyn. Wären sie dem Veitstanze vor ihrer Abreise wirklich schon unterworfen gewesen, wie konnte man sie, ohne sich den grössten Uebelständen auszusetzen, und namentlich in einer so grossen Menge dort hinschaffen. Warum zog aber diese Menschenmasse am Ende nur zu der Kapelle bey Weissenstein, wenn sie wirklich fühlte, dass sie dem Veitstanze in dieser Iahrszeit unterworfen seyn würde, warum nicht zu einer andern Kapelle? Der heilige Veit sollte ja nicht, ich wiederhohle es, sie von dieser Krankheit herstellen. Warum brachte man die Kranken, wenn man wirklich eine Wiederherstellung selbst von einem Heiligen erwartete, nicht zu dem nächsten Wallfahrts - oder Heiligen - Orte,

warum nicht zu dem im Geruche der Heiligkeit weit höher als der H. Veit stehenden St. Iohann? Steckt hinter den Kapellen des H. Veits bey Breisach und Weissenstein, so wie der oben angeführten, sehr precären Legende des 15-ten Iahrhunderts, nicht noch eine besondere Ursache, so widersprechen ja solche Wallfahrten, nach den oben angeführten Gründen, geradezu der gesunden Vernunft, und laufen schnurstracks allen vernünftigen Ideen zuwider, welche man sich von den Handlungen der Menschen sowohl, als von Menschenleben überhaupt, allen Erfahrungsprincipien zufolge, zu bilden gezwungen ist. Der Veitstanz konnte also schon deswegen keine Krankheit seyn, weil keiner von derselben wieder hergestellt werden sollte.

Die Europäischen Veitstänzer gebährden sich eben so wie die Asiatischen Feisztänzer, nur mit dem einzigen Unterschiede, dass für diese bestimmte Regeln, nach denen sie rasen mussten, festgesetzt waren, deren die Schriftsteller bey jenen nicht gedenken, und schwerlich gedenken konnten, wären sie wirklich vorhanden gewesen.

Man sah den Europäischen Veitstanz als eine Tollheit und die Veitstänzer als Anhänger einer vom Teufel besessenen Secte an. Das einzige Mittel, dessen man sich zur Wiederherstellung der letztern bediente, waren Bibelsprüche, durch welche man den Teufel auszutreiben suchte. Eine ganz Asiatische Ansicht, welche noch heutzutage in Bezug auf die Hysterie (1) und ähn-

(1) Vgl. V. Held Dissertatio de Hysteria. Casani 1832. Dorpater Iahrbücher 1833 pg. 214 flgd.

liche Krankheiten unter den Muhammedanern in Asien practisirt wird. Französische Aerzte haben den Veitstanz, namentlich bey der Kapelle in Dreffelshausen bey Weissenstein, für jongleries ridicules erklärt. Fast dasselbe wiederhohlen im Allgemeinen die Chroniken, aus denen man, als Quellenschriften, zu schöpfen vermag. Dessen ungeachtet ist er noch immer eine Krankheit.

Der Veitstanz ward zu vielen verbrecherischen Absichten selbst von der Clerisey gemissbraucht, und der mit demselben getriebene öffentliche Unfug am Ende so gross, dass er die Aufmerksamkeit und die Ahndung der Regierung auf sich ziehen musste und wirklich auf sich zog. Es fand also zwischen der Gesellschaft der Europäischen Veitstänzer und der Asiatischen Feisztänzer nur der einzige Unterschied statt, dass die der erstern, wie so manche andern Gesellschaften oder Orden, in denen der Scandal gewiss nicht weniger arg war, nicht privilegirt, die der zweyten privilegirt war.

Ist der Veitstanz also wirklich noch eine Krankheit? — Nein; und warum nicht? Aus den oben angeführten Gründen. Was war er denn? Der Deckmantel eines Ordens, einer geheimen Gesellschaft, oder welchen Namen man dem Dinge sonst noch geben will, und dies aus folgenden Gründen:

1) Der Orden der Asiatischen Feisztänzer bestand unter Oberherrlicher Sanction, und eben daher war und ist keinem

Sterblichen der Zutritt zu den verschiedenen öffentlichen Ceremonien derselben als Zuschauer versagt [1].

2) Der Orden der Asiatischen Feisztänzer existirte während des ganzen Zeitraums der Kreuzzüge, aber stand in der letzten Periode derselben in seiner vollsten Blüthe.

3) Die Kreuzzügler wurden während ihres Aufenthalts in Asien und namentlich in Kl. Asien gewiss mit dem Feisztanze der Sufi bekannt. Ihnen musste dieses Rasen derselben wunderlich vorkommen, und sie erkundigten sich gewiss nach den Ursachen desselben. Man bot ihnen als Antwort den Feisz, als das characteristische Hauptmerkmal, weil man ihnen nichts anders und nichts besseres bieten konnte. Den Namen behielten sie, die Sache selbst, wenn man sie ihnen auch auseinandersetzte, verstanden sie nicht, oder wollten sie nicht verstehen, weil sie dem Zeitgeiste zuwider lief. Oder auch sie behielten nur einzelne Brocken, welche sie in dem Europäischen Gewande zu Markte trugen.

4) Da bey den zurückgekehrten Kreuzzüglern die mit dem Sufischen Feisztanze verknüpfte Idee nicht statt finden konnte, so führten sie denselben auf Grundlage der damals vorherrschenden materialistischen Grundsätze anfangs wahrscheinlich in geschlossene geheime Gesellschaf-

(1) Vgl. Muradgea d'Ohsson a. a. O. T. II, pg. 551.;

ten ein (¹), weil er diesen ihren Grundsätzen vortrefflich zusagte, ja selbst unter der scheinbaren Maske eines fröhlichen oder unschuldigen Tanzes, den die Regierung ja nicht verbieten konnte, ihnen auch andere eben so unschuldige sinnlichen Vergnügungen gewährte.

5) Diese letzten unschuldigen Vergnügungen wurden später allgemeiner, denn sie entsprachen dem Zeitgeiste, und schlugen endlich in Excesse aus. Diese Excesse führten zu Verbrechen, welche die Ahndung der Regierung nach sich zogen.

6) Der Iohannistag, oder das Fest des H. Iohannis, welches mit dem Feste des H. Veits fast in dieselbe Zeit fiel, ward schon seit früher Zeit, wie auch noch heut zu Tage, auf eine ausgelassen frohe, selbst Bacchanalien ähnliche (²) Weise begangen. Es lieh daher anfangs

---

(1) Dies scheint namentlich der Veitstanz der zur Nachahmung der Aeltern geneigten Kinder, wenn man unter ihnen nicht junge Leute überhaupt verstehen will, im I. 1237 in Erfurt anzudeuten.

(2) Vgl. Hecker a. a. O. pg. 10. Haeser a. a. O. pg. 143. Hecker sagt ausdrücklich, dass der H. Iohann durchaus nicht der Schutzheilige der Veitstänzer gewesen sey. Warum begaben sie sich aber dann noch im 16-ten Iahrhunderte auch zu seiner Kapelle bey Wasenweiler? War er also nicht Schutzheiliger, warum soll und muss es denn der H. Veit allein nur gewesen seyn? Das ist ja ein offenbarer Widerspruch.

einen guten Vorwand zur Bemäntelung solcher Tänze. Daher wurde er der Iohannistanz genannt. Oder hat nicht etwa das so oft von den Asiatischen Feisztänzern wiederhohlte: Ia Hu! Ia Hu! welches dem Asiatischen Iahja (d. Europaeische Iohann) sehr ähnlich ist, aus Unwissenheit zu der Umwandelung in Iohann, und daher zu dem: Here sent Iohan, so wie endlich selbst zu der Benennung: Iohannistanz Veranlassung gegeben?

7) Die Gesellschaft, welcher Art sie auch seyn mochte, gewann an äusserer Ausdehnung. Die Mitglieder derselben wussten um die Benennung ihres Tanzes, als eines Feisztanzes, obgleich sie sich über die Urbedeutung desselben wahrscheinlich keine genaue Rechenschaft ablegen konnten (1). Man machte am Ende die Kapellen des H. Veits bey Breisach und besonders bey Weissenstein ausfündig, und versammelte sich nun dort, um den rechten Feisztanz zu treiben. So musste also der H. Veit, der, wie aus den oben angeführten Gründen deutlich hervorgeht, ganz unschuldig an der Sache war, nur

(1) Die von Hecker (a. a. O. pg. 7) mitgetheilten Aufschlüsse, als hätten die Tanzsüchtigen erzählt, wie sie geglaubt, „in einem Strome von „Blute zu stehen, und deshalb springen zu müssen, und wie sie die „Herrlichkeit Christi und des Himmels geschaut“ reden dem Asiatischen Feisztanze im Christlichen Sinne geradezu das Wort. Vgl. Haeser a. a. O. pg. 148.

den Namen zum Kinde, dem Asiatischen Feisztanze, hergeben.

8) Das Namensfest und die Wallfahrt zu den Kapellen des H. Iohannes und des H. Veits fielen in den Frühling, also wieder in eine Iahrszeit, welche zu hysterischen und ähnlichen Zufällen mehr wie eine andere inclinirt, und zur Befriedigung wollüstiger Begierden mehr als irgend eine andere auffordert. Sollten die den H. Iohannes oder den H. Veit besuchenden Weiber nicht ähnliche Anwandelungen in sich gefühlt haben? (1) Es war ja die öffentliche, schaamlose Befriedigung der Sinnlichkeit selbst bey der Clerisey zur Mode geworden. Wer hätte, durch ein so eclatantes Beyspiel aufgefordert, demselben zu folgen, sich nicht bewogen fühlen sollen? Dies geht ja auch aus den Aussagen der Chroniken deutlich hervor, obgleich die neuern Aerzte dieses Factum, ihrer Sache freylich ungewiss, zu bemänteln gesucht haben (2).

---

(1) Ganz gewiss, denn Hecker gesteht, dass die Hysterie und gewaltsamer Geschlechtsreiz an ihrem Zustande den entschiedensten Antheil hatten; dass sich einige Weiber 20 ja 32 Mal hintereinander zum St. Veitstag einstellten, woraus hervorgeht, dass es ihnen wohl entsetzlich viel Vergnügen gewährt haben muss; dass nur kräftige Männer, welche sich in ihre Haufen mischten, ihre Krankheit gänzlich zu stillen vermocht hätten, und dass es sich besonders bey unverheiratheten Weibern bald ausgewiesen habe, welche Gluth in ihnen gelöscht worden sey. Vgl. a. a. O. pg. 6. 23. 25. 49. 86.

(2) Vgl. Hecker a. a. O. pg. 6. 16. 86. Haeser a. a. O. pg. 147.

9) In Europa heisst er Veitstanz, in Asien Feisztanz. Dort, so wie hier, beginnen die rasenden Walzer mit unmenschlichen Verzuckungen, und enden mit gänzlicher Erschlaffung und Bewusstlosigkeit. Dort, so wie hier, werden dieselben zum Unfuge, zu verderblichen, die Ordnung der menschlichen Gesellschaft auflösenden Zwecken gebraucht. Dort, so wie hier, versammelt man sich an heiligen Oertern, um sein Unwesen zu treiben, zu heulen, zu schreien, sich auszurasen. Und dies Alles ist eitel Laune, nichtiges Spiel des Zufalls?

10) In Asien führte despotischer Druck und Sclavenloos die aufgeklärte Menschheit zum Feisztanze, in Europa brachte dagegen Entfesselung aus den Banden des eisernen Papismus die unwissende Volcksmasse zum Veitstanz. In Asien wollte man sich für den Himmel erziehen, in Europa, dem Himmel entlaufen, die Erde geniessen (1).

Hielt man daher mit Recht oder mit Unrecht die Auftreibung des Unterleibes bey den Weibern für Schwangerschaft? Vgl. ebend. pg. 149. Bey dem männlichen Geschlechte konnte sie immerhin tympanitischer Art seyn.

(1) Die gelehrten Mediciner konnten selbst nicht umhin, ohne die mit dem Asiatischen Feisztanze verknüpften Umstände zu kennen, den Europäischen Veitstanz des Mittelalters aus einer höchst gereizten Stimmung des Nervenlebens zu erklären, welche sich durch den vorhergegangenen schwarzen Tod und verheerende Pesten erzeugt habe und mystisch-religiösen Schwärmereyen ihren Ursprung verdanke. Vgl. a. a. O. pg. 137. 142.

11) Sind die Worte, welche die Europäischen Veitstänzer hervorkrächzten, eben weil sie unverständlich waren, nicht den ihnen unverständlichen der Asiatischen Feisztänzer entnommen?

12) Der Abscheu vor, oder die grosse Vorliebe zu den Farben, so wie die beständige, nicht zu vertilgende grosse Sehnsucht nach dem Meere bey den Europaeischen Veitstänzern erklärt sich ja auch auf eine sehr beifällige Weise durch die oben in den Statuten bemerkten Hauptartikel.

13) Warum bedienten sich die Europaeischen Veitstänzer ferner nur der Türkischen Trommeln und Pfeifen, wenn es nicht eine Nachahmung der Asiatischen Sitte war?

4) Die gelehrten Mediciner erklären, ohne den Asiatischen Feisztanz zu kennen, den Europaeischen Veitstanz als ein Analogon der Lykanthropie, des Tarantismus, des Tigretiers ([1]). Sie würden gewiss den Asiatischen Feisztanz diesen vorgezogen haben, wenn sie ihn gekannt hätten, was ihnen gewiss näher lag, und eine weit natürlichere Erklärung ist.

5) Sehen die von Hecker ([2]) aufgeführten Convulsionärs

Vgl. Hecker a. a. O. pg. 26 flgde 55. Haeser a. a. O. pg. 146.

Vgl. ihn a. a. O. pg. 74 flgde pg. 78. 79. 80.

in Franckreich, welche er mit den Derwischen im Vorübergehn selbst vergleicht, die Iumpers (Springer) in England, die Barkers in den Vereinigten Staaten Nordamerika's nicht den Asiatischen Feisztänzern ganz ähnlich? Will man jene auch nicht geradezu eine Ausgeburt dieser nennen, so deutet doch zum wenigsten diese Erscheinung ganz klar an, dass der Mysticismus in verschiedenen Weltregionen sich auf dieselbe Weise gestaltet.

16) Die unwissende Arzneikunde des Mittelalters, welche ähnliche Krankheitssymptome, vielleicht eine Missgeburt des Veitstanzes, noch nicht zu classificiren verstand, reihte sie daher alle unter den Veitstanz, als eine die ganze Europäische Welt mit Staunen erfüllende Erscheinung, welche man sich nicht zu erklären verstand. Daher blieb die Benennung bis auf den heutigen Tag. Viele rüttelten zwar am Veitstanze, selbst der hochberühmte und aufgeklärte Paracelsus der erste, aber keiner erkannte dieses Hirngespinst in seinem wahren Lichte, erkannte es nicht, ungeachtet der deutlichen und nicht zu bezweifelnden Zeugnisse der Chroniken. Ich bin fest überzeugt, dass, hätten die Kreuzzügler den Seiltanz, als treffliches Seitenstück zum Veitstanze, mit nach Europa übergeführt, und hätte dieser, das non plus ultra aller teuflischen Einflüsterung, eine solche Allgemeinheit, wie der nur der Erde anklebende Veitstanz erringen können, — die Medicin des Mittelalters uns eben so gut

mit Seiltänzern bedacht haben würde, wie sie uns nun mit ihren Veitstänzern im Verlaufe mehrerer Iahrhunderte abgequält hat. Beweises genug, dass die Medicin nicht einmal im Stande ist, sich selbst, geschweige denn andere Wissenschaften, historisch zu erklären, und dass sie eben deswegen der allgemeinen Geschichtsforschung untergeordnet werden muss.

Was war, was ist also der Veitstanz? — Eine aus Asien nach Europa übergetragene Mummenschanz, die wie dort, so hier den beiderseitigen, obgleich schnurstracks entgegengesetzten Richtungen der menschlichen Gesellschaft zur Realisirung ihrer imaginären Absichten die Hand bot, die mit heisser Begierde ergriffen, unter der abschreckenden Maske des Teufels, den Gott des Himmels und der Erde suchte, und wirklich gefunden zu haben in toller Vermessenheit wähnte.

Streiche man also das in der Pathologie, Therapie und der Geschichte der Medicin als einer Krankheit noch stehende Capitel über den Veitstanz ruhig und gelassen durch. Denn haben gleichwohl die mannigfaltigen, gelehrten Untersuchungen der Mediciner viel, unendlich viel für die Aufhellung und wahre Bestimmung der medicinischen Zergliederung und Verzweigung des sogenannteu Veitstanzes geleistet, so haben doch eben diese Leistungen mir zuerst, denn keiner hat es noch bis jetzt in Anregung gebracht, die Fackel aufgesteckt, um über den Veitstanz, als eine Krankheit, den Stab zu brechen.

ПОЛНОЕ ЗАТМѢНІЕ СОЛНЦА

ВЪ ПЕНЗѢ 26 ІЮНЯ 1842 ГОДА.

═

(*Отчетъ Орд. Проф. Лобачевскаго.*)

—

Полное солнечное затмѣніе по справедливости назваться можетъ явленіемъ примѣчательнымъ и рѣдкимъ. Если кому довелось разъ видѣть его въ своей жизни, то конечно въ другой уже не случится, развѣ захотѣлъ бы переѣхать для того весьма большое разстояніе. Это мнѣніе не должно казаться преувеличеннымъ, если прибавимъ къ тому необходимость условія, чтобы небо для мѣста наблюденія было безоблачнымъ. Вотъ почему полное солнечное затмѣніе почитается не во всѣхъ подробностяхъ еще до сихъ поръ изслѣдованнымъ. Въ особенности физикъ желаетъ слышать удовлетворительные отвѣты на многіе вопросы: охлажденіе въ воздухѣ, теплота солнечныхъ лучей, постепенность омраченія, свѣтъ прямой, отраженной, погибь лучей вокругъ лунной поверхности. Астрономъ дорожитъ своими наблюденіями въ этомъ случаѣ, какъ встрѣчею двухъ главныхъ для насъ свѣтилъ на небѣ, которыхъ пути до тѣхъ поръ изслѣдовалъ

онъ отдѣльно. Наконецъ любопытно для каждаго видѣть, какъ отсутствіемъ свѣта внезапно среди дня бываетъ поражено въ чувствахъ своихъ все то, что живетъ одушевленное въ природѣ. Г. Штруве представлялъ Академіи наукъ отправить для наблюденій въ Дубно, Черниговъ, Курскъ и Пензу. Въ послѣдній изъ этихъ городовъ, тоже на центральной чертѣ затмѣнія, предлагалъ онъ ѣхать Г. Симонову, съ инструментами Казанской обсерваторіи. Готовясь тогда къ отъѣзду за границу, Г. Симоновъ принужденъ былъ передать порученіе Г. Астроному наблюдателю Ляпунову, къ которому присоединились Г. Профессоръ физики Кнорръ и я, желая воспользоваться такимъ случаемъ для наблюденій физическихъ и чтобъ удовлетворить собственное любопытство. Г. Ляпуновъ отправился ранѣе насъ въ Пензу 10, я съ съ Проф. Кнорромъ 20 Іюня. Инструменты положены были для безопасности въ отдѣльномъ устроенномъ нарочно возкѣ: труба прохожденій, ахроматическая большая труба, двѣ малыхъ ахроматическихъ трубъ, секстантъ съ искуственнымъ горизонтомъ, хронометръ Бреге, магнитной инклинаторій и деклинаторій Гамбе, качательной магнитной снарядъ, нагрѣвательной снарядъ Пулье, психрометръ Августа, барометръ, небесной глобусъ и хронометръ Бреге съ мѣткой (à pointage).

Намъ желательно было съ Г. Кнорромъ наблюдать постепенность темноты и соединеннаго съ ней охлажденія, какъ въ атмосферѣ, такъ и въ самыхъ солнечныхъ лучахъ. Опредѣлять эту постепенность чрезвычайно затруднительно.

Всѣ до сихъ поръ извѣстные способы фотометрическихъ измѣреній весьма недостаточны, въ особенности тѣмъ, что не могутъ служить для наблюденій надъ явленіями мгновенными. Г. Штруве предлагалъ замѣчать, какъ будутъ показываться звѣзды различной величины. Соображаясь съ его желаніемъ, взяли мы съ собой небесной глобусъ, чтобы заранѣе познакомиться съ мѣстами на небѣ, гдѣ во время затмѣнія должно было ждать появленія планетъ и звѣздъ. Отказаться совсѣмъ отъ этого рода наблюденій мы не хотѣли, хотя не надѣялись, чтобы невольнымъ образомъ развлеченное вниманіе могло дозволить намъ улавливать съ вѣрностію тѣ мгновенія, когда звѣзды тамъ и сямъ на небѣ покажутся. Появленіе звѣздъ не только зависитъ отъ ихъ величины, но даже отъ ихъ возвышенія надъ горизонтомъ, и наконецъ отъ свѣта посторонняго, который во время затмѣнія бываетъ разлитъ весьма неровно въ атмосферѣ. Мы съ Г. Кнорромъ придумывали новые фтометрическіе способы, но, къ сожалѣнію, не могли достигнуть вполнѣ желаемой цѣли. Сначала надѣялись, что можно будетъ хорошо судить объ освѣщеніи по ясности въ кругахъ, начерченныхъ на бѣлой бумагѣ и раздѣленныхъ черными вырѣзками различной мѣры. Опытъ показалъ, что ясность въ раздѣленіи круговъ далеко не отвѣчаетъ той постепенности, въ какой свѣтъ уменьшается. Я предложилъ еще составить снарядъ изъ полупрозрачныхъ пластинокъ, которыхъ бы число, какъ скоро произведетъ уже совершенную темноту, могло служить мѣрой освѣщенія. Въ этомъ способѣ также заключался свой недостатокъ: свѣтъ поляризуясь въ первыхъ пластинкахъ, пріобрѣталъ способ-

ность проходить легче сквозь остальныя. Къ тому же трудно сдѣлать такой снарядъ вмѣстѣ ручнымъ, складнымъ и непроницаемымъ для посторонняго свѣта. Наконецъ въ томъ и другомъ способѣ, ко всѣмъ сказаннымъ уже недостаткамъ еще присоединяется главный тотъ, что глазъ нашъ, сначала ничего не примѣчая въ темнотѣ, скоро потомъ въ состояніи бываетъ уже видѣть и самый слабый свѣтъ.

Г. Ляпуновъ, прибывъ 15 Іюня въ Пензу, выбралъ удобное мѣсто для временной обсерваторіи, гдѣ и занимался предварительными наблюденіями для вѣрной установки своихъ инструментовъ, а потомъ опредѣленіемъ географическаго положенія. Пасмурная погода дозволила ему не прежде 21 испытать ходъ хронометра и поставить приблизительно трубу прохожденій. Съ 21 по 28 продолжалъ онъ наблюденія соотвѣтственныхъ высотъ и надъ прохожденіемъ звѣздъ чрезъ полуденникъ. Послѣ чего съ вѣрностію можно было полагаться на хронометръ, который однакожъ къ сожалѣнію показывалъ истинное время только для Пензы, потому что разъ остановился на пути туда, въ другой на возвратномъ до Казани. Широта мѣста вычислена 53° 10′ 30″, 5 изъ наблюденій съ 27 Іюня до 4 Іюля, по способу Г. Бесселя, надъ звѣздами перваго вертикальнаго круга. Изъ прохожденій луны чрезъ полуденникъ найдена долгота Пензы отъ Берлина 2ч 6′ 50″; изъ затмѣній спутниковъ Юпитера, перваго — 2ч 6′ 20″, втораго — 2ч 6′ 30″; послѣднее наблюденіе сомнительно. Довольствуясь первымъ и прибавляя поправку 14″, 5, находимъ долготу самаго города Пензы отъ

Берлина 2ч 6′ 34″, 7; отъ Казани къ западу 16′ 18″, 6 во времени; 4° 5′ въ градусахъ экватора.

По прі́ѣздѣ вечеромъ 23 Іюня, на другой день утромъ поспѣшили мы съ Г. Кнорромъ отправиться въ Императорской садъ, расположенный подъ самымъ городомъ. Здѣсь взглядъ на временную астрономическую обсерваторію пріятно насъ поразилъ и выборомъ открытаго возвышеннаго мѣста и постройкой удобной, достаточной, подъ защитой отъ солнечныхъ лучей и непогоды. Обязаны свидѣтельствовать нашу благодарность за ревностное содѣйствіе Г. Директору сада Магзигу, также какъ и за вниманіе Г. Гражданскаго Губернатора Панчулидзева, по приказанію котораго градская полиція охраняла цѣлость инструментовъ и ненарушимое спокойствіе наблюдателей въ ихъ занятіяхъ. Обсерваторія была даже мѣстомъ жительства для Г. Ляпунонова; а насъ пригласилъ Г. Магзигъ въ свой домъ, которымъ предложеніемъ по добротѣ хозяина мы воспользовались.

Въ приготовленіяхъ и совѣщаніяхъ скоро протекли два дня, хотя съ нетерпѣніемъ ожидали мы видѣть солнечное затмѣніе. Наконецъ утромъ 26 Іюня проснулись мы весьма рано; но съ грустію при видѣ покрытаго неба, пасмурной и дождливой погоды. Не смотря на то собрались въ обсерваторію, поставили зрительныя трубы и сидѣли ничего не дѣлая. Уже прошло нѣсколько минутъ послѣ назначеннаго времени для начала, какъ сквозь туманъ облаковъ наконецъ

ущербъ солнца показался. Г. Ляпуновъ измѣрялъ секстантомъ разстоянія между остреями серпа до начала и послѣ затмѣнія полнаго; замѣчалъ также прохожденіе на микрометрѣ двухъ краевъ. Не льзя много полагаться на тѣ и другія наблюденія, какъ по трудности наблюденій этого рода, такъ и потому, что туманъ мѣшалъ ясности. Микрометрическія измѣренія даютъ начало затмѣнія въ среднемъ Пензинскомъ времени 9ч 9′ 24″, 3; измѣренія секстантомъ — 9ч 10′ 47″, 7. Начало и конецъ частнаго затмѣнія не были совсѣмъ видны; начало полнаго затмѣнія по хронометру 9ч 2′ 15″, 4; конецъ полнаго затмѣнія — 9ч 15′ 14″; а съ присоединеніемъ поправки среднее время для Пензы будетъ при началѣ 9ч 9′ 22″, 4; при концѣ 9ч 12′ 21″, слѣдовательно полное затмѣніе продолжалось 2′ 58″, 6; средина затмѣнія въ 9ч 10′ 51″, 7.

Астрономическія наблюденія дѣлалъ Г. Ляпуновъ, которому помощникомъ былъ студентъ Магзигъ. Мы съ Г. Кнорромъ оставили для себя другаго рода занятіе: наше вниманіе обращено было на самое явленіе, по истинѣ великолѣпное, хотя многое скрыто было для нашихъ глазъ подъ завѣсой облаковъ. На мѣстѣ дневнаго свѣтила, когда послѣдній его лучь изчезъ, явился темный кругъ, какъ бы само солнце, но теперь уже черное стояло на небѣ. Въ трепетномъ ожиданіи чего-то неизвѣстнаго, съ торопливымъ желаніемъ все видѣть, съ опасеніемъ чего нибудь не замѣтить, стояли мы, зрители среди призраковъ во мракѣ, съ обращеннымъ взоромъ къ потухшему солнцу, какъ обворо-

женные, постигнутые страхомъ и безпокойствомъ, вдохновенные чувствомъ возвышеннымъ и торжественнымъ. Съ этимъ душевнымъ волненіемъ такъ трудно было внимательно наблюдать и замѣченное сохранить въ памяти, что возвратившись домой мы находили нужнымъ въ разговорѣ нашемъ другъ друга повѣрять, такъ-ли и то-ли мы всѣ видѣли. Полное затмѣніе поражаетъ сильно всѣхъ животныхъ. Птицъ оно тревожитъ въ особенности: изъ лѣсу поднялись съ крикомъ стаи галокъ и грачей, взвились на воздухъ и потомъ опять спустились на деревья. Передъ нами не вдалекѣ паслось стадо, пригнатое сюда къ этому времени по приказанію Г. Магзига. За крикомъ птицъ вскорѣ послышалось мычанье коровъ и блѣяніе овецъ, которыя всѣ пустились бѣжать по дорогѣ домой. На Пензинской торговой площади, гдѣ продолжалась ярмарка, собралось много народа. Тамъ случилось въ это время быть одному изъ моихъ знакомыхъ Г. Каховскому. Онъ разсказывалъ, что солнечное затмѣніе въ началѣ заставило народъ толковать и безпокоиться; но когда солнце совсѣмъ закрылось, то послышались голоса, вѣроятно городскихъ жителей: ахъ, что-то дѣлается дома; ахъ, пойти-было домой! Съ мыслей о преставленіи свѣта люди пали на колена, съ воплемъ и молитвой ожидали надъ собой страшнаго суда. Но первый проскользнувшій лучь солнца прогналъ и мракъ въ природѣ и страхъ въ сердцѣ людей. Г. Каховскій любовался, какъ черная тѣнь пробѣжала по равнинѣ, по горамъ, и скрылась потомъ за лѣсомъ. Переходъ отъ темноты къ свѣту казался разительнѣе, чѣмъ отъ свѣта къ темнотѣ. Въ помраченіи

сохранялась какая-то постепенность до послѣдняго мгновенія, тогда какъ первый вырвавшійся лучь изъ за луны, вдругъ перемѣнилъ ночь на день; черная завѣса вдругъ упала. Когда затмѣніе оканчивалось, Г. Губернаторъ, который былъ все время съ нами близь обсерваторіи, подозвалъ къ себѣ крестьянъ. На вопросъ, что думали, они отвѣчали: ничего не думали, но мы перепугались.

Въ продолженіи полнаго затмѣнія темный кругъ луны былъ окруженъ свѣтлымъ широкимъ вѣнцомъ. По словамъ Г. Кнорра, со вступленіемъ полнаго затмѣнія, свѣтлый вѣнецъ нѣсколько медлилъ показываться. Сначала былъ онъ растянутъ въ двѣ стороны горизонтально, можетъ быть случайнымъ сгущеніемъ облаковъ, хотя случайность эта теряетъ что нибудь изъ своей вѣроятности, какъ скоро направленіе было не другое, но именно горизонтальное. Потомъ свѣтлое пятно дѣлалось почти треугольнымъ, уменьшалось, округлилось, опять увеличилось и было подъ конецъ по крайней мѣрѣ вдвое шире противъ солнца. Съ моимъ товарищемъ согласны мы въ томъ, что свѣтъ на кольцѣ казался менѣе близь луннаго края, потомъ сгущался и за тѣмъ постепенно слабѣлъ и терялся на небѣ. Ничего не могли мы замѣтить особеннаго мѣстами. Свѣтъ на вѣнцѣ былъ сплошнымъ и съ пепельнымъ оттѣнкомъ во всѣхъ направленіяхъ, какъ бы свѣтъ дневной, проникнутый сквозь отверзтія на сводѣ, въ пространство наполненное дымомъ. Между тѣмъ заря занявшись отъ горизонта, разливала по всему небу хотя чистый, но желтоватый свѣтъ, который

отражался слабо вокругъ насъ на всѣхъ предметахъ. Трудно судить, какъ велика была темнота; но мы другъ друга видѣли хорошо. Студентъ Магзигъ не могъ читать книгу. Саженяхъ въ 50 отъ насъ въ стадѣ замѣтилъ я свѣтлую шерсть, но не въ состояніи былъ различить, на какой скотинѣ. Г. Кнорръ призналъ пастуха, только по движенію и по очертанію. Тѣнь отъ предметовъ нигдѣ на землѣ не падала. Свѣтъ слѣдовательно со всѣхъ сторонъ приходилъ равно сильный, отъ кольца вокругъ луны, отъ зари по горизонту, отъ всѣхъ частей неба. Г. учитель Пензенской гимназіи Трофимовъ замѣтилъ звѣзду въ самомъ зенитѣ. Въ это время должна была дѣйствительно тутъ проходить Вега. На возвратномъ пути въ Казань сказывали намъ многіе, что звѣзды видѣли, даже въ городѣ Буинскѣ, гдѣ затмѣніе не было полное, но серпъ оставался едва замѣтнымъ.

Г. Кнорръ, испытывая въ поляризоскопъ, нашелъ, что свѣтъ кольца вокругъ луны не былъ поляризованный, тогда какъ поляризованіе во всей остальной части неба казалось весьма сильное. Этотъ желтоватой поляризованной свѣтъ былъ отраженной свѣтъ на верхніе слои воздуха земной поверхности, освѣщенной внѣ лунной тѣни. Въ справедливости такого толкованія не льзя сомнѣваться, когда свѣтъ отъ обитаемой нами планеты, пройдя все разстояніе до своего спутника, падая на темную его половину, потомъ отражаясь отсюда, приходитъ снова къ намъ, и даетъ лунѣ пепельной цвѣтъ, видимый близь тонкаго серпа въ первой четверти. Надобно замѣтить, что свѣтъ отъ земли много те-

ряется, потухаетъ въ атмосферѣ, прежде нежели проникаетъ въ пустое пространство; за всѣмъ тѣмъ мы свѣтимъ на нашу спутницу, можетъ быть еще болѣе, нежели она свѣтитъ на насъ въ ясныя лунныя ночи. И такъ понятно, что во время затмѣнія полнымъ отраженіемъ лучей на верхнихъ слояхъ воздуха приходитъ къ намъ довольно свѣту, чтобы составить эту зарю, которую мы видѣли разлитой по всему небу. Но, какъ истолковать происхожденіе свѣтлаго кольца вокругъ солнца? Составляется ли вѣнецъ этотъ собственно вокругъ солнца, или вокругъ луны, или гораздо ближе къ намъ, въ нашей атмосферѣ? Вотъ вопросы, рѣшеніе которыхъ представляетъ уже большія затрудненія. Въ засѣданіи Парижской академіи наукъ, гдѣ присутствовалъ тогда нашъ Профессоръ астрономіи Г. Симоновъ, Г. Араго, разсказъ свой о затмѣніи нынѣшняго года, которое наблюдалъ онъ самъ въ Перпиньянѣ, заключилъ откровеннымъ сознаніемъ, что свѣтлый вѣнецъ и всѣ видимыя въ немъ явленія, для него совершенно непонятны. Теперь я принимаюсь уже въ другой разъ за свой отчетъ о поѣздкѣ въ Пензу. Первый мой опытъ сдѣлался добычею пламени въ несчастной день для Казани 24 Августа. По крайней мѣрѣ вторичный трудъ мой вознаграждается тѣмъ, что могу пользоваться свѣдѣніемъ, которыя между тѣмъ до меня дошли въ описаніи всѣхъ наблюденій надъ полнымъ солнечнымъ затмѣніемъ нынѣшняго года. Я намѣренъ здѣсь разсмотрѣть всѣ предположенія, какія можно бы сдѣлать о происхожденіи вѣнца вокругъ луны во время затмѣнія.

Еще Буге замѣтилъ, что солнце въ серединѣ свѣтлѣе, чѣмъ на краяхъ, тогда какъ напротивъ здѣсь долженъ бы свѣтъ быть сильнѣе, на круглой поверхности, сжатой для нашего глаза. По своимъ измѣреніямъ нашелъ онъ отъ края на разстояніи въ одну четверть солнечнаго полупоперечника свѣтъ слабѣе, нежели къ серединѣ, въ содержаніи чиселъ 35 къ 48. Лапласъ заключилъ отсюда, что солнце должно быть окружено атмосферой, которая свѣтъ поглощаетъ, и такъ много, что безъ этой атмосферы солнце на насъ свѣтило бы сильнѣе въ 12 разъ. Мы съ Г. Кнорромъ наблюдая ходъ солнечнаго затмѣнія, не могли удержаться, чтобы другъ другу не замѣтить, сколько рѣзкимъ казался край луны, тогда какъ солнечной ограничивается чертой весьма нѣжной, хотя при всемъ томъ явственной и правильно закругленной. Это различіе въ двухъ пограничныхъ чертахъ особенно противуполагалось въ остреяхъ серпа. И такъ надобно думать, что свѣтъ выходитъ не изъ одной поверхности, но раждается вмѣстѣ на какой-то глубинѣ. Впрочемъ нѣтъ еще необходимости, чтобъ этотъ свѣтъ бралъ свое начало отъ солнечнаго ядра, потомъ большею частію потухалъ, проникая сквозь атмосферу. Довольно, что атмосфера вокругъ солнца существуетъ, что свѣтъ происходитъ въ ней къ ея предѣламъ, какъ явленіе теплотвора въ грубомъ его переходѣ изъ средины, гдѣ внутреннимъ равновѣсіемъ онъ удерживался, къ пустому пространству, которое не противупоставляетъ уже никакого сопротивленія. Эта мысль подтверждаетъ и то мнѣніе Г. Гершеля, что солнце само должно быть темнымъ, что свѣтитъ только вокругъ него тонкая

оболочка, что по временамъ и мѣстами эта оболочка разрѣжаясь, бываетъ усѣяна черными пятнами. Это значитъ отверстіями, сквозь которыя мы видимъ темное солнечное ядро.

Атмосферы надобно почитать собственнымъ произведеніемъ міровыхъ тѣлъ. Еслибъ онѣ сгущались изъ той средины, въ которой наша солнечная система двигается, тогда бы плотность ихъ была въ содержаніи къ массѣ тѣлъ, чего не находимъ однакожъ по сравненію земли съ луною. Надобно полагать также, что атмосферы составляются изъ жидкостей воздухообразныхъ. Мы знаемъ, что жидкости текучія не могутъ существовать безъ наружнаго давленія, слѣдовательно должны быть покрываемы по крайней мѣрѣ тѣмъ паромъ, который отъ нихъ самихъ отдѣляется. Правда, что вокругъ луны замѣтной атмосферы нѣтъ, но можетъ быть на ней разлиты такія жидкости, которыя даютъ только чрезвычайно тонкіе пары. Вокругъ солнца, при той сильной теплотѣ, которая въ немъ сохраняется, безъ сомнѣнія атмосфера должна быть воздухообразная, подобно какъ и вокругъ обитаемой нами земли. Г. Араго даже доказалъ, что свѣтъ отъ солнца именно съ тѣми свойствами, какія могутъ принадлежать свѣту воздухообразныхъ жидкихъ тѣлъ. Трудно судить о предѣлахъ солнечной атмосферы, когда ничего вѣрнаго не можемъ даже сказать, какъ далеко простирается воздухъ надъ поверхностію земли. Если принимаемъ въ основаніе, что граница тамъ устанавливается, гдѣ тяжесть уравновѣшивается съ упругостію, то находимъ

что высота нашей атмосферы должна бы въ пять разъ быть болѣе земнаго полупоперечника, слѣдовательно восходитъ до 32060 верстъ. Это чрезвычайно большая высота не подтверждается появленіемъ зари, которая состоитъ въ освѣщеніи верхнихъ слоевъ нашей атмосферы. Легко понять, что упругость воздуха должна вмѣстѣ уменьшаться съ температурой, а слѣдовательно гораздо ближе надъ поверхностію земли уравновѣшиваться съ тяжестію. Гей-Люссакъ въ своемъ аеростатическомъ путешествіи нашелъ, что температура въ воздухѣ уменьшается однимъ градусомъ сотеннаго термометра на 175 метровъ или 82 сажени. Если такъ охлажденіе продолжается въ воздухѣ до самыхъ его предѣловъ, то высота атмосферы будетъ выходить не болѣе сотой части земнаго полупоперечника, около 57 верстъ, а температура должна бы понижаться до 350 сотенныхъ градусовъ. Такимъ образомъ уже высота дѣлается слишкомъ малой, а температура слишкомъ низкой. Другое предположеніе, что температура въ атмосферѣ также уменьшается, какъ при нагрѣваніи твердыхъ тѣлъ, въ геометрической прогрессіи, ведетъ къ заключенію, что воздухъ простирается на 30 часть земнаго полупоперечника, или на 190 верстъ, а температура доходитъ до 200 градусовъ ниже нуля, — выводы болѣе другихъ вѣроятные. Г. Пулье недавно предложилъ теорію, которая во многихъ отношеніяхъ оправдывается различными наблюденіями и согласно съ которой температура на предѣлахъ нашего воздушнаго неба должна быть не выше — 144°. С. Фуррье, неизвѣстно впрочемъ въ слѣдствіе какого рода вычисленій, утверждалъ, что тем-

пература пустаго пространства, гдѣ двигается наша солнечная система, должна быть не выше — 50°. Если теперь эти понятія примѣняемъ къ солнечной атмосферѣ, то со всей вѣроятностію должны думать, что вокругъ солнца воздухообразная жидкость простирается далеко выше всѣхъ неровностей твердаго ядра; что пограничные слои къ пустому пространству, въ переходѣ къ весьма низкой температурѣ, производятъ явленіе свѣта, который начинается на значительной глубинѣ въ солнечной атмосферѣ. Если бы теперь какія нибудь твердыя части выдавались вонъ изъ этой атмосферы, то по свойству такихъ тѣлъ, остынувъ въ чрезвычайно холодной срединѣ, онѣ казались бы намъ постоянными черными пятнами, которыхъ однакожъ на солнцѣ, кромѣ подвижныхъ, совсѣмъ не примѣчаемъ. Если Гг. Тулузскіе астрономы и Г. Шумахеръ видѣли во время послѣдняго полнаго затмѣнія свѣтлыя, розоваго цвѣта возвышенія на лунномъ краѣ, то послѣ всего сказаннаго здѣсь, трудно согласиться, чтобъ эти возвышенія могли быть солнечныя горы.

Свѣтлый вѣнецъ вокругъ солнца не льзя почитать за вторую солнечную атмосферу, кромѣ той, которая насъ освѣщаетъ; по крайней мѣрѣ, если подъ атмосферой хотимъ разумѣть всегда жидкую средину вокругъ ядра въ одинаковомъ съ нимъ обращательномъ движеніи. Въ такомъ случаѣ атмосфера должна представляться сжатой отъ полюсовъ обращенія къ своему экватору. Хотя солнечное кольцо, какъ намъ казалось, занимало на небѣ до 2 градусовъ въ шири-

нѣ своей, и хотя атмосфера при такой обширности можетъ еще держаться въ равновѣсіи, но сжатіе должно бы происходить весьма сильное. Между тѣмъ оно никѣмъ не было замѣчено, ни въ послѣднемъ, ни въ прежнихъ солнечныхъ затмѣніяхъ. Расширеніе, которое мы видѣли въ началѣ, именно потому, что направленіе было горизонтальное, скорѣе надобно приписать нашей земной атмосферѣ или случайному расположенію въ облакахъ. Наконецъ объяснить надобно тѣ особыя принадлежности, которыя никакъ нельзя допускать въ составѣ воздушной атмосферы, потому что производить ихъ обращательное только движеніе не можетъ. Разсказъ о наблюденіяхъ въ этомъ отношеніи весьма разнообразенъ. Въ Нарбонѣ видѣли на юговосточной части луннаго круга, въ пространствѣ 45 градусовъ, снопъ лучей неправильно раскинутыхъ. Отъ крайнихъ лучей свѣтъ былъ слабѣе внутри снопа, отъ снопа въ обѣ стороны ровный, но на концѣ сѣверозападномъ выходилъ конусомъ, сгущаясь въ острѣе. Г. Профессоръ Симоновъ въ засѣданіи Парижской академіи наукъ слышалъ, какъ Г. Араго описывалъ явленіе совсѣмъ иначе по своему наблюденію. Въ Перпиньянѣ видѣлъ онъ вокругъ солнца свѣтлый вѣнецъ изъ лучей, прямыхъ и потомъ загнутыхъ подобно плицамъ въ колесѣ Пенселе; лучи выходили подъ различными углами къ солнцу, даже въ линіяхъ касательныхъ, и вообще давали вѣнцу видъ многоконечной звѣзды. Въ Монпелье также замѣтили, что край югозападной и сѣверовосточной свѣтилъ сильнѣе; что на первомъ въ началѣ показалась багряная черта, потомъ на сѣверозападномъ такого же цвѣта возвышеніе въ 45″;

наконецъ еще два на востокѣ съ раздвоенной вершиной. Астрономъ здѣсь находилъ большое сходство лучистаго вѣнца съ распущенными по вѣтру волосами. Мы видѣли въ Пензѣ, какъ я сказалъ уже выше, свѣтъ около солнца въ началѣ растянутой, потомъ треугольной, наконецъ ровной сплошной, или съ нѣкоторымъ разнообразіемъ, отъ неодинаковой густоты вѣроятно въ облакахъ, но безъ особенныхъ принадлежностей самому вѣнцу. Г. Ляпуновъ замѣтилъ въ началѣ полнаго затмѣнія на югозападномъ краю луны небольшое, можетъ быть до $1\frac{1}{2}$ минуты, возвышеніе краснаго цвѣта, потомъ недалеко къ сѣверу показалось еще раздвоенное возвышеніе. Вотъ это разнообразіе, замѣченное съ различныхъ мѣстъ наблюденія, мудрено толковать, допуская, что вѣнецъ производитъ какимъ нибудь образомъ само солнце вокругъ себя. Если бы требовалось объяснить только лучистый неровный составъ вѣнца, тогда бы можно было прибѣгнуть къ предположенію, что тонкое вещество, разъ отдѣлившись отъ солнца, двигается съ чрезвычайною скоростію, повинуясь отталкивающей силѣ. Это бы значило принимать солнце за большую комету, окруженную весьма пространной атмосферой. Далеко растянутой хвостъ кометъ на сторонѣ, противоположной отъ солнца, заставляетъ думать, что здѣсь отдѣляется вещество, которое солнцемъ отталкивается. Это дѣйствіе солнечныхъ лучей или самаго ядра въ солнцѣ весьма хорошо можно видѣть, какъ мнѣ случилось и самому наблюдать въ 1832 году, на кометѣ Энке, которой атмосфера представляетъ еллипсоидъ, вытянутый прочь отъ солнца. Подобнымъ образомъ и въ самомъ

солнцѣ могутъ заключаться частички, которыя сдѣлавшись свободными на поверхности ядра, разлетаются въ разныя стороны, по различнымъ направленіямъ, различно сгущенныя, съ быстротой, гдѣ круговое движеніе солнца не можетъ уже быть чувствительнымъ. Это предположеніе не льзя допустить однакожъ со всей вѣроятностію, по причинамъ, о которыхъ упомянулъ я выше. Дѣйствительно, въ такомъ случаѣ должно бы, кажется, ожидать гораздо болѣе согласія въ наблюденіяхъ. Мы знаемъ, что свѣтлыя атмосферы вокругъ кометъ, отъ времени все болѣе и болѣе уменьшаются. Знаменитая комета Галлея, которая въ прежнихъ своихъ появленіяхъ, поражала всѣхъ ужасомъ, растилая свой хвостъ до трети неба, пришла къ намъ въ 1838 году, окруженная свѣтомъ очень скуднымъ. Напротивъ свѣтлый вѣнецъ вокругъ солнца бываетъ различной величины, не представляя примѣтнаго постояннаго уменьшенія. Въ 1567 году полное солнечное затмѣніе приняли за кольцообразное: слѣдовательно кольцо вокругъ луны показалось остаткомъ въ солнечномъ кругѣ. Въ началѣ 1605 года видѣли полное затмѣніе въ продолженіе нѣсколькихъ мгновеній, и темный кругъ луны казался окруженной свѣтомъ, который распространялся на большую часть неба. Плантадъ и Кляпье разсказываютъ, что они видѣли, въ 1706 году, полное солнечное затмѣніе: вокругъ луны было бѣлаго цвѣта кольцо шириной около трехъ минутъ, слѣдовательно не болѣе двѣнадцатой части луннаго поперечника. Галлей описываетъ полное затмѣніе 1715 года: за нѣсколько секундъ до наступленія полнаго затмѣнія луна показалась окруженной

блѣднымъ свѣтомъ, можетъ быть шириною въ девятую или двѣнадцатую часть своего поперечника. Это же затмѣніе наблюдалъ Французскій академикъ Лувиль въ Лондонѣ. Кольцо вокругъ луны казалось ему серебристаго цвѣту, гуще къ внутреннему краю, слабѣе къ окружности, которая за всѣмъ тѣмъ однакожъ ограничивалась чертой опредѣленной. Въ этомъ кольцѣ свѣтъ промежутками былъ различной густоты. Лувиль утверждалъ, что кольцо было одноцентрнымъ съ луною; напротивъ Маральди нашелъ при затмѣніи 1724 года, что кольцо въ началѣ было шире къ западу, въ концѣ къ востоку. Въ 1778 году Испанскій адмиралъ Уллоа наблюдалъ полное затмѣніе, о которомъ пишетъ: кольцо вокругъ луны показалось чрезъ 5 или 6 секундъ послѣ начала полнаго затмѣнія, пропало въ такое же время до конца, составляло около шестой части луннаго поперечника, внутри было красноватаго, далѣе желтоватаго, наконецъ къ окружности совершенно бѣлаго цвѣта. По мѣстамъ изъ кольца выходили лучи, длиною въ лунной поперечникъ. Бовдичь и Ферре 1806 года видѣли полное солнечное затмѣніе въ Америкѣ. Вѣнецъ былъ одноцентрнымъ съ луною, 3 минуты въ ширину, перловой бѣлизны; изъ краевъ выходили лучи, простираясь градуса на два. — Тѣ же явленія повторялись слѣдовательно всякой разъ, но въ различномъ только размѣрѣ. Если мы видѣли въ Пензѣ вѣнецъ гораздо шире, то нѣтъ сомнѣнія, что причиной тому было пасмурное небо.

Кеплеръ, разсуждая о затмѣніи 1598 года, свѣтлое кольцо думалъ объяснить или воспламененіемъ эфира вокругъ солнца,

или преломленіемъ лучей въ лунной атмосферѣ. Первое объясненіе не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ понятій неопредѣленныхъ и предположеній безъ основанія. Второе допускать не льзя потому, что вокругъ луны атмосфера, если существуетъ, должна быть ничтожная, которая не можетъ быть причиною примѣтныхъ явленій. Въ послѣдствіи опыты Фложерга, Делиля и Майера кажется наклонили астрономовъ болѣе къ тому мнѣнію, что кольцо происходитъ отъ погибанія лучей близъ лунной поверхности. Фложергъ, подражая затмѣнію, подвѣшивалъ темный шаръ противъ солнца, и брошенную тѣнь принималъ на полотно. Когда видимый поперечникъ шара составлялъ 1964″, 6, то въ срединѣ тѣни появлялась свѣтлая точка, которая, съ приближеніемъ полотна, расширялась, и наконецъ, когда видимый поперечникъ шара доходилъ уже до 4° 46′ 54″, распространялась на всю тѣнь слабымъ полусвѣтомъ. Поперечникъ солнца былъ вымѣренъ при опытахъ въ 1927″, 76, почти равной съ поперечникомъ шара въ то время, когда свѣтъ внутри тѣни соединяется въ одну точку. Подобное бываетъ и въ солнечномъ затмѣніи; откуда Фложергъ заключилъ, что кольцо происходитъ отъ лучей, которые погнувшись у лунной поверхности, проникаютъ въ средину тѣни. Опыты Делиля были въ томъ же родѣ, но явленіе думалъ онъ приписать разносу лучей (irradiation), тогда какъ оно собственно заключается въ погибаніи свѣта (inflexion). Повторяя опыты Фложерга, хотя не дѣлая самыхъ измѣреній, мы съ Г. Профессоромъ Кнорромъ нашли то же. Впрочемъ погибаніе лучей въ середину тѣни физикамъ извѣстно хорошо; но те-

8*

перь остается сдѣлать изъ этаго примѣненіе къ кольцу въ затмѣніи. По теоріи вытеканія (émission) надобно предполагать дѣйствіе темныхъ тѣлъ на свѣтъ только въ непримѣтномъ разстояніи, а слѣдовательно лучь, погибаясь у поверхности темнаго тѣла, долженъ за тѣмъ уже продолжать свой путь по прямой линіи. Теперь, прямая, отъ наблюдателя до внѣшняго края на свѣтломъ кольцѣ, проходитъ мимо луны на разстояніи, по меньшой мѣрѣ въ одну двѣнадцатую долю луннаго поперечника — разстояніе слишкомъ большое, чтобы здѣсь могло происходить какое нибудь дѣйствіе на свѣтъ. Эта теорія вытеканія, придуманная Невтономъ, предполагаетъ еще въ свѣтлыхъ частичкахъ попеременную наклонность отражаться или проникать. По такому свойству своему лучь можетъ сначала принимать кривизну темнаго тѣла, потомъ изгибаясь въ противную сторону, приходитъ уже къ нашему глазу; но въ такомъ случаѣ послѣднее направленіе будетъ по прямой, которая падаетъ на темное тѣло. Отъ этаго край, изъ за котораго свѣтъ приходитъ, будетъ намъ казаться прозрачнымъ или выщербленнымъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ свѣтлое тѣло начинаетъ скрываться за темнымъ, какъ это дѣйствительно всегда такъ и бываетъ. Вотъ почему покрытіе звѣзды луною замедляется до $3\frac{1}{2}$ секундъ времени, въ продолженіи котораго звѣзда какъ бы продолжаетъ уже свое движенце по лунному кругу, или другими словами, луна въ этомъ мѣстѣ бываетъ какъ бы вырѣзанной. Это замедленіе должно бы составлять около $50''$ въ дугѣ по наблюденіямъ Сежура, Мешеня и Лекселя (Histoire de l'Astronomie, par Delambre), тогда какъ Лемёнье

назначаетъ не болѣе 13″. Сжатіе въ видимой величинѣ планеты Венеры, когда проходитъ она по солнцу, оказывается еще менѣе, около 6 секундъ, вѣроятно потому, что крайніе погнутые лучи къ срединѣ тѣни по слабости своей дѣлаются нечувствительны для глаза при солнечномъ сіяніи. Этой же причинѣ надобно приписать и все разнообразіе въ замедленіи звѣздъ, смотря по тому, какой величины самая звѣзда и какая часть луны бываетъ освѣщена. И такъ отъ погибанія лучей луна во время затмѣнія должна быть окружена свѣтомъ, которой собственно представляетъ не расширеніе солнечнаго круга, но сжатіе луннаго, и которой ни въ какомъ случаѣ не можетъ составлять болѣе $\frac{1}{40}$ лунпаго поперечника, тогда какъ его находятъ отъ $\frac{1}{12}$ до $\frac{1}{10}$; а мы въ Пензѣ видѣли сквозь облака примѣтной свѣтъ по крайней мѣрѣ на 2 градуса по небу. Скажемъ и то, что погибаніе лучей должно бы давать свѣтъ сильнѣе къ наружному краю. Хотя нѣкоторое погибаніе замѣтилъ я близъ самой луны, но вообще явленіе происходило совсемъ въ другомъ родѣ.

Переходимъ теперь къ другой теоріи, Декарта, сильно поддерживаемой Гугенсомъ и потомъ Ейлеромъ, извѣстной подъ названіемъ системы волненій (ondulations), которой физики принуждены были во всѣхъ отношеніяхъ дать преимущество, особенно когда Г. Юнгъ прибавилъ къ тому перекрестываніе лучей (interference). Пользуясь этой теоріей и съ помощію своихъ новыхъ предположеній, Френель вычислялъ гиперболическую линію въ уклоненіи свѣта, подтвердилъ эту кривизну дѣй-

ствительнымъ измѣреніемъ, наконецъ хотѣлъ уже здѣсь видѣть несомнительное опроверженіе системы Нютона. Не прямое движеніе свѣта, послѣ того какъ онъ прошелъ мимо темнаго края, приличнѣе называть *разбрасываніемъ* (diffraction), слѣдуя системѣ волненій, нежели *погибаніемъ* (inflexion), которое должно быть постояннымъ при всякомъ размѣрѣ непрозрачнаго тѣла, зависл по теоріи Нютона, отъ дѣйствія только въ непримѣтномъ разстояніи. Система волненій, съ предположеніемъ къ тому Френеля, достаточно намъ объясняетъ, какимъ образомъ возлѣ пограничной черты на тѣни, въ обѣ стороны, ложится кайма Гримальди, гдѣ красной цвѣтъ уклоняется всегда менѣе, слѣдовательно менѣе покрывается другими, отчего бываетъ господствующимъ, когда тѣнь происходитъ отъ сложнаго солнечнаго свѣта. Нѣтъ сомнѣнія, что багряная черта, которую видѣли въ Монпелье по краю луны, была явленіемъ въ этомъ родѣ. Г. Ляпуновъ въ Пензѣ замѣтилъ эту черту даже сквозь облаковъ. Покуда не наступало полное затмѣніе мы съ Г. Кнорромъ долго любовались яркой красной чертой на солнцѣ возлѣ луннаго края; слабой отблескъ видѣлъ я также на темной половинѣ къ верху. Мнѣ кажется болѣе основательнымъ приписывать тому же расбрасыванію лучей отъ лунныхъ горъ и происхожденіе тѣхъ возвышенностей, которыя были замѣчены, какъ бы выдвинутыми изъ-за луны. Объ нихъ упоминаетъ и Г. Ляпуновъ, назначая величину до $1\frac{1}{2}$ минуты, слишкомъ уже большую для горъ на самомъ солнцѣ, чтобъ это послѣднее мнѣніе могло казаться сколько нибудь вѣроятнымъ, тогда какъ окрашенная кайма краснымъ

цвѣтомъ внѣ тѣни, брошенной незначительнымъ возвышеніемъ луны, легко можетъ достигать до такого расширенія на разстояніи до нашей земли. Что же касается до свѣтлаго кольца, то хотя кривизна лучей и подаетъ съ перваго раза поводъ предполагать здѣсь именно такое направленіе, которое бы свѣтъ расширяло для нашихъ глазъ вокругъ луны, но вникнувъ, какимъ образомъ это направленіе должно быть опредѣлено, находимъ, что кольцо также мало можетъ быть произведено разбрасываніемъ, какъ и погибаніемъ лучей. Юнгъ доказалъ наблюденіями, что кайма пропадаетъ внутри тѣни, какъ скоро другой край темнаго тѣла закрывается; слѣдовательно для каймы необходимо взаимное дѣйствіе двухъ краевъ, которые Френель и принимаетъ за мѣсто, гдѣ начинаютъ образоваться новыя волны. Эти послѣднія волны почитаетъ онъ единственной причиной, почему свѣтъ распространяется внутри тѣни, такъ что здѣсь въ согласномъ перекрестываніи свѣтъ усиливается, въ противоположномъ — уничтожается. Если такимъ образомъ цвѣтныя полосы могутъ образоваться на всякомъ мѣстѣ, внутри или внѣ тѣни, то направленіе свѣта по теоріи должно быть всегда перпендикулярно къ поверхности составной волны. Возьмемъ теперь въ примѣръ освѣщенное мѣсто въ самой срединѣ тѣни. Сюда волны приходятъ отъ всѣхъ краевъ одинаково; нормальная линія составной волны должна слѣдовательно быть направлена къ центру луны, но не выходить вонъ за темный кругъ. Изъ другихъ мѣстъ внутри тѣни нормальныя принимаютъ различныя направленія, которыя тѣмъ не менѣе всѣ безъ исключенія, выходить вонъ изъ

тѣни не могуть, чтобы составить потомъ свѣтлое кольцо вокругъ луны.

Систему волненій не льзя справедливо называть теоріей, а только выраженіемъ тѣхъ явленій, которыя желаютъ объяснить. Истинная теорія должна заключаться въ одномъ простомъ, единственномъ началѣ, откуда движеніе берется, какъ необходимое слѣдствіе, со всѣмъ своимъ разнообразіемъ. Еще Пуассонъ въ письмѣ къ Френелю (Annales de Ch. et de Ph., 1823, p. 170) замѣтилъ несообразности, какъ скоро хотимъ итти далѣе тѣхъ случаевъ, къ которымъ теорія волненій приспособлена. Говорить о волнахъ, значитъ основывать все сужденіе на томъ, что въ строгомъ смыслѣ не существуетъ, подобно тому какъ мы говоримъ о линіяхъ и поверхностяхъ, тогда какъ въ природѣ находятся только тѣла. Теорія волненій представляетъ вѣрно нѣкоторые законы въ явленіяхъ свѣта, но не даетъ еще понятія, въ чемъ существенность заключается. То несомнительно, что пространство повсюду наполнено центрами, откуда вытекаетъ или сила притягательная или сила отталкивающая; что центры такимъ образомъ между двухъ противоположныхъ силъ держатся въ равновѣсіи; что нарушеніе равновѣсія бываетъ или причиной измѣненія совершеннаго, или только колебаній внутри тѣлъ. Г. Коши первый вздумалъ этимъ путемъ идти въ изложеніи теоріи для свѣта. Однакожъ предполагая качанія для частичекъ эфира, не принимаетъ въ разсужденіе того, какъ это движеніе должно начинаться; почему свѣтъ пробѣгая всегда прямую линію, не примѣчается

болѣе на пройденномъ пути, тогда какъ еще качанія должны бы продолжаться? Г. Коши доказываетъ элипсоидное движеніе частичекъ въ ихъ качаніи; за тѣмъ въ трехъ осяхъ эллипсиса произвольно хочетъ допускать двѣ оси для поляризаціи и третью ось для явленій теплоты.

Г. Профессоръ Кнорръ однажды въ разговорѣ со мной остроумно замѣтилъ, что нѣтъ еще достаточной причины вооружаться противъ теоріи Нютона, также какъ неблагоразумно было бы не пользоваться преимуществомъ другой системы. Можно вѣрнымъ остаться теоріи Нютона, прибавя только, что потокъ эфира, встрѣчая препятствіе на пути, приходитъ въ волненіе, подобно тому какъ вода въ рѣкѣ, встрѣтивъ оплотину, поднимается волной, раздѣляется на двѣ струи, между которыми происходитъ пустота, наконецъ вода соединяется снова въ общій потокъ; или подобно воздуху, который встрѣчая препятствіе, также волнуется, раздѣляется на два потока, съ пустотой между ними; волненіе здѣсь производитъ иногда звукъ и прежнее теченіе за пустотой возстановляется. Паденіе воды за плотиной и пустота воздухомъ оставляемая за стѣной, отвѣчаютъ слѣдовательно брошенной тѣни позади непрозрачныхъ тѣлъ; стремленіе воды или воздуха съ двухъ сторонъ сливаться вмѣстѣ представляетъ намъ уклоненіе свѣта къ срединѣ тѣни. Такимъ образомъ двѣ теоріи соединяются въ одну для толкованія всѣхъ явленій свѣта. Оставалось бы рѣшить, какою силой въ эфирѣ надобно замѣнить тяжесть воды или упругость воздуха; при томъ выбрать эту силу такъ, чтобы са-

мая большая часть свѣтлыхъ частичекъ сохраняла прямолинейное движеніе — отличительная принадлежность свѣта. Этотъ взглядъ пріобрѣтаетъ тѣмъ болѣе вѣроятности на своей сторонѣ, что представляетъ теорію свѣта съ теоріей теплоты, въ той же тѣсной связи, въ какой находятся самыя явленія; тогда какъ система волненій оставалась безъ всякаго примѣненія ко всему тому, что мы до сихъ поръ изъ опытовъ уже хорошо знаемъ о нагрѣваніи тѣлъ.

Разсуждая во всей обширности, не стѣсняя себя никакими предположеніями покуда безъ необходимости, надобно думать, что частички свѣта въ своемъ источникѣ получаютъ какъ погонное, такъ и качательное движеніе. Первое можно почитать причиною, какъ освѣщенія, такъ и нагрѣванія, разумѣя здѣсь динамическое дѣйствіе соединеннымъ съ накопленіемъ теплотвора отъ проникнутыхъ частичекъ внутрь тѣла. Наконецъ въ качательномъ движеніи можемъ отыскивать происхожденіе цвѣтовъ и всѣхъ явленій поляризованнаго свѣта. Я не берусь еще на такихъ новыхъ началахъ построить всю теорію, но послѣднее солнечное затмѣніе, котораго былъ я свидѣтелемъ, подало мнѣ поводъ къ этимъ замѣчаніямъ, тѣмъ болѣе что почелъ своеи обязанностію сказать что нибудь о свѣтломъ кольцѣ вокругъ луны. Мое мнѣніе таково, что ни погибаніе (inflexion), ни разбрасываніе лучей (diffraction) не въ состояніи производить подобное явленіе. Погибаніе лучей уменьшаетъ во время затмѣнія видимый поперечникъ луны, слѣдовательно солнце должно выставляться кольцомъ, но кольцомъ тонкимъ, не шире

нѣсколькихъ секундъ, какъ должно заключать по замедленію въ покрытіи звѣздъ, гдѣ величину погибанія наблюдаютъ вполнѣ. Разбрасываніе лучей напротивъ нисколько не участвуетъ въ образованіи кольца, и даже не бываетъ чувствительно въ срединѣ тѣни, гдѣ бы должно обнаруживаться краснымъ цвѣтомъ, какъ такимъ, которой въ каймѣ Грималъди другими не покрывается. Повторивъ опытъ Флажорга, могу сказать только, что хотя видѣлъ я свѣтъ вокругъ темнаго края, но свѣтъ въ томъ же родѣ, какъ видимъ его близъ непрозрачныхъ тѣлъ, куда бы къ освѣщенной части неба ни обращались. На разстояніи, гдѣ темный шаръ одинаковой величины съ солнцемъ, красный свѣтъ появляется въ серединѣ, потомъ съ уменьшеніемъ разстоянія хотя расширяется по всему темному кругу, но вонъ не выходитъ, и кольца не составляетъ.

На образованіе кольца вокругъ луны можно подозрѣвать большое вліяніе воздуха. Чтобы судить объ этомъ вліяніи позволилъ я себѣ въ началѣ, съ нѣкоторой подробностію даже, говорить о границахъ и составѣ нашей атмосферы. Первое, что надобно замѣтить въ этомъ отношеніи — пониженіе температуры во время затмѣнія. Наблюденія дѣлалъ Г. учитель математики въ Пензинской гимназіи Хватуцовъ.

26 Іюня 1842, утромъ.	$8^ч\ 0'$. . .	$+\ 15°,2$
	8 15	14, 4
	8 30	14, 7
	8 45	14, 5

9 0	14, 0	
9 11	13, 4	начало полн. затмѣн.
9 30	13, 9	

Показанія термометра въ градусахъ Реомюра. Вѣтеръ былъ югозападный, весьма тихій; барометръ стоялъ на 727,9 миллиметрахъ и примѣтно не мѣнялся. И такъ самое большое паденіе термометра составляло 1°, 8, не смотря на то, что за продолжительнымъ дождемъ съ утра небо начинало проясниваться, отчего воздухъ долженъ бы нагрѣваться скоро. Если теперь отъ лунной тѣни произошла въ температурѣ столь значительная разность у земной поверхности, то безъ сомнѣнія на границахъ самой атмосферы должна быть эта разность чрезвычайно рѣзкая, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ тѣнь разграничивалась со свѣтомъ. Послѣ чего дѣлается вѣроятнымъ, что солнечные лучи, менѣе другихъ погнутые близъ луны, слѣдовательно самые обильные свѣтомъ, должны преломляться въ отѣненномъ воздухѣ такъ, что большая часть изъ нихъ могла приходить къ нашему глазу въ томъ самомъ направленіи, какое требуется для произведенія кольца внѣ темнаго луннаго круга. Отъ охлажденія должно происходить движеніе въ воздухѣ: стремленіе со всѣхъ сторонъ въ тѣнь, и теченіе къ низу внутри тѣни. Это движеніе, соединенное съ движеніемъ самой тѣни, вѣроятно причиной и неравнаго преломленія, которое въ свѣтломъ вѣнцѣ производитъ искривленныя полосы. Можетъ быть присоединяется къ тому различное состояніе воздуха на границахъ атмосферы, представляя переходъ къ жидкому капельному,

даже къ твердому тѣлу, при чрезвычайномъ холодѣ въ прикосновенномъ пустомъ пространствѣ. И такъ не мудрено, что здѣсь бываютъ внезапныя превращенія, которыя по временамъ и мѣстами даютъ солнечнымъ лучамъ особенное направленіе, отчего происходитъ явленіе, какое находимъ въ описаніи Уллоа.

Можетъ быть свѣтлое кольцо вокругъ луны составляетъ явленіе болѣе сложное, нежели какъ я здѣсь его представилъ, и какъ вообще всѣ явленія свѣта физики до сихъ поръ разумѣютъ. Возьмемъ въ примѣръ освѣщенныя тѣла, которыхъ отраженный свѣтъ обыкновенно принимаютъ, съ одной стороны слабѣе въ содержаніи къ квадрату разстоянія, съ другой усиленнымъ въ томъ же содержаніи сжатіемъ видимой величины. Между тѣмъ если напряженіе свѣта должно быть независимымъ отъ разстоянія, то трудно понять какимъ образомъ наша мрачная земля на весьма большомъ разстояніи дѣлается свѣтлымъ пятномъ, подобно прочимъ планетамъ и лунѣ. Мы видимъ, что облако вдали гораздо болѣе свѣтится, нежели тотъ туманъ, котораго видъ оно должно принять, когда мы къ нему приближимся. Представимъ себѣ свѣтлыя тѣла, размѣщенныя съ промежутками на такой глубинѣ, что свѣтъ отъ нихъ кажется непрерывнымъ. Теперь въ конусѣ видимой величины за каждымъ тѣломъ должны скрываться другія, которыхъ свѣтъ уже до нашего глаза не доходитъ, и число которыхъ будетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе находимся къ кучѣ тѣлъ. Отсюда необходимо происходитъ уменьшеніе въ свѣтѣ, ко-

торое совсемъ не предполагаютъ, доказывая равную силу въ освѣщеніи на различныхъ разстояніяхъ. По примѣру такимъ образомъ скученныхъ тѣлъ можемъ заключать о всякомъ тѣлѣ, которое должно разумѣть собраніемъ атомовъ, размѣщенныхъ на разстояніяхъ. Безъ сомнѣнія не въ этомъ одномъ состоитъ усиленіе свѣта на большомъ удаленіи. Трудно согласиться, чтобъ отъ этой одной причины наша темная земля могла принадлежать на небѣ къ числу свѣтлыхъ планетъ. Мысль, что на планетахъ плоскости въ различныхъ направленіяхъ отражаютъ свѣтъ, эта мысль не можетъ быть допущена даже для металлическихъ зеркалъ, въ противность основнаго понятія, какъ мы внутренній составъ тѣлъ должны себѣ представлять. За тѣмъ какія зеркальныя грани свѣтъ можетъ встрѣчать на туманѣ въ облакахъ или на тонкихъ парахъ кометнаго хвоста, чтобъ отразившись приходитъ еще примѣтнымъ для нашего зрѣнія? Предположеніе, что свѣтъ коснувшись твердаго тѣла, заставляетъ каждую точку дѣлаться новымъ центромъ волненія, это предположеніе Френеля хотя произвольное, подтверждается тѣмъ не менѣе на самомъ дѣлѣ. Не льзя сомнѣваться, чтобы свѣтъ въ прикосновеніи не возраждался снова, чтобъ это возрожденіе не было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе сопротивленія для свѣта, чѣмъ разительнѣе слѣдовательно переходъ изъ одной средины въ другую. Когда теперь идемъ отъ этихъ положеній, то дѣлается вѣроятнымъ, что въ прикосновеніи свѣта поверхность нашей атмосферы сама начинаетъ свѣтить, и что въ кольцѣ вокругъ луны мы видимъ также собственной свѣтъ отъ верхнихъ воздушныхъ

слоевъ, подобно тому какъ эта тонкая оболочка нашей земли должна горѣть яркимъ свѣтомъ для жителей на прочихъ планетахъ и на лунѣ.

Вотъ все что могъ я сказать за моихъ товарищей и за себя, какъ очевидцевъ полнаго солнечнаго затмѣнія въ Пензѣ. Г. Ляпуновъ свои наблюденія изложилъ особо. Пользуясь нашимъ пребываніемъ въ этомъ городѣ, мы сдѣлали также нѣсколько магнитныхъ наблюденій.

Для магнитнаго наклоненія былъ употребленъ снарядъ и стрѣлка работы Гамбея въ Парижѣ. Два ряда наблюденій сдѣланы, какъ обыкновенно, съ перекладываніемъ и перемагничиваніемъ стрѣлки. Первой рядъ даетъ 65° 33′, 25; второй 65° 34′, 19. Однакожъ мы замѣтили, что стрѣлка Гамбея въ одномъ концѣ принимала болѣе магнетизма. Наблюденія съ другой стрѣлкой, приготовленной въ механическомъ заведеніи нашего университета, дали магнитное наклоненіе 66° 19′, 9. Прежде того 21 Октября 1836 года Г. Профессоръ Кнорръ опредѣлилъ въ Пензѣ наклоненіе 66° 19′, 1.

Магнитное отклоненіе въ Пензѣ Г. Ляпуновъ находитъ какъ среднее изъ своихъ наблюденій для сѣвернаго конца 1° 25′ 4″, 7 къ востоку.

Горизонтальное напряженіе магнетизма можно заключить изъ сравненія наблюденій, сдѣланныхъ тѣмъ же снарядомъ въ Казани и въ Пензѣ, при равныхъ дугахъ качанія.

1836 іюня 29. Въ Казани, время 10 качаній при 0° R 50″, 35
1836 октября 22. Въ Пензѣ . . . . 48″,187
1842 іюля 18. Въ Казани . . . . 50″,391
1842 іюня 25. Въ Пензѣ . . . . 48″,156.

Въ отношеніи къ физической географіи городъ Пенза заслуживаетъ вниманіе своимъ гористымъ положеніемъ и потому климатомъ болѣе суровымъ, нежели какъ бы должно было ожидать, судя по географической широтѣ. Эта возвышенность, открытая на пространную степь къ востоку, бываетъ причиною грубыхъ перемѣнъ въ температурѣ, и составляетъ отличительную принадлежность странъ въ сосѣдствѣ съ сѣверной Азіей. Особенно весной, послѣ теплой погоды въ апрѣлѣ, когда плодовыя деревья начинаютъ уже цвѣсти, сѣверозападной порывистый вѣтеръ приноситъ холодный дождь, и даже снѣгъ. Въ Казани 1842 мая 31 снѣгъ покрылъ совершенно землю; въ это же время термометръ въ Пензѣ спускался до нуля, снѣжинки летали по воздуху, хотя таяли, падая на землю. Далѣе къ Саратову, на равнинахъ по берегамъ Волги, съ уничтоженіемъ горъ, климатъ дѣлается столько теплымъ, что растетъ уже виноградъ. Пенза хорошо выбрана мѣстомъ для садоводства, которому принуждены здѣсь учиться какъ искуству, тогда какъ въ южной Россіи на согрѣтой почвѣ, подъ благопріятнымъ небомъ, не нуждаются и пренебрегаютъ пособіемъ для природы, безъ того богатой растительною силой. Напротивъ подобное небреженіе къ сѣверу бываетъ причиною неудачь, въ которыхъ по незнанію дѣла часто хотятъ обвинять несправедливо самое садоводство.

Гористое положеніе Пензенской губерніи не представляетъ ни какой правильности въ своемъ образованіи, тогда какъ отъ Симбирска до Казани господствуетъ одна только возвышенность праваго берега Волги, отъ которой въ Симбирской губерніи начинается уже степной видъ полей. Г. Кнорръ полагаетъ, что вода на земной поверхности сначала долго пребывала запертая въ случайныхъ углубленіяхъ; потомъ проложивъ себѣ дорогу, произвела рѣки, гдѣ теченіемъ углубилось дно и придало возвышенность берегамъ, которые можетъ быть со всемъ и не должно почитать за вѣтви горныхъ хребтовъ. Такое мнѣніе совершенно подтверждается при первомъ взглядѣ на холмистую поверхность Пензенской губерніи. Паденіе рѣки Свіяги произвело въ высокомъ Волжскомъ берегѣ разрывъ, гдѣ въ промежуткахъ еще видны остатки. На одномъ изъ такихъ возвышеній уцѣленнаго берега построенъ городъ Свіяжскъ.

О ТЕМНЫХЪ ЛУЧАХЪ СВѢТА.

(Орд. Проф. физики Кнорра).

Всѣмъ извѣстно, что солнечный лучь, проходя сквозь прозрачную призму, разлагается на цвѣтные лучи. Также сдѣлалось извѣстнымъ, что въ разложенномъ свѣтѣ, кромѣ лучей цвѣтныхъ, находятся лучи, которые глазъ не видитъ, но которые производятъ или теплоту, или химическое дѣйствіе. Такимъ образомъ въ невидимыхъ лучахъ свѣта различаютъ два рода — теплые и химическіе лучи. Впрочемъ это раздѣленіе не должно принимать со всей строгостію, но разумѣть только, что лучи менѣе преломленные и которые слѣдовательно лежатъ ближе къ красной полосѣ, болѣе нагрѣваютъ; тогда какъ лучи сильнѣе преломленные, близкіе къ фіолетовой полосѣ, преимущественно дѣйствуютъ химически. Самое положеніе невидимыхъ или темныхъ лучей зависитъ какъ отъ состава, такъ отъ толщины въ призмѣ. Если призма изъ флинтгласа или каменной соли, то темные лучи выходятъ вонъ изъ цвѣтныхъ и помѣщаются возлѣ красныхъ. Существованіе химическихъ лучей открылъ Рит-

теръ въ 1801 году и былъ того мнѣнія, что самое сильное дѣйствіе производятъ они за фіолетовой полосой. Г. Шеле зналъ еще прежде Риттера, что фіолетовые лучи дѣйствуютъ химически болѣе, нежели всѣ прочіе цвѣты. Такое свойство разложеннаго свѣта хотя не переставало занимать физиковъ, но въ слѣдъ за прекраснымъ открытіемъ Даггера, за чуднымъ изобрѣтеніемъ свѣтописи, съ новою дѣятельностію пробудилось вниманіе къ химическому дѣйствію лучей, въ которомъ хотѣли видѣть единственную причину такихъ явленій. Въ этихъ изслѣдованіяхъ къ самому важному заключенію приведенъ былъ Беккерель. Онъ нашелъ, что свѣтъ состоитъ изъ лучей побудительныхъ (rayons excitateurs) и производительныхъ (continuateurs). Къ первымъ принадлежатъ фіолетовые съ голубыми, которые дѣйствіе на іодистое серебро начинаютъ, тогда какъ цвѣты, красной, оранжевой и желтой, принадлежа ко второму разряду, начатое дѣйствіе продолжаютъ. Зеленой цвѣтъ, занимая средину, не причисляясь ни къ тѣмъ ни къ другимъ, оказывается недѣятельнымъ. На этомъ различіи Беккерель основалъ свой способъ производить свѣтомъ изображенія. Іодомъ покрытую пластину ставитъ онъ на одно мгновеніе въ камеръ-обскуру, потомъ кладетъ ее подъ красное стекло: начатое дѣйствіе въ камеръ-обскурѣ теперь продолжается, изображеніе выходитъ столь же совершеннымъ, какъ бы по способу Дагерра доконченное въ той же камеръ-обскурѣ. Между тѣмъ противъ этаго чисто химическаго взгляда на явленіе, возсталъ Г. Мозеръ, профессоръ Кенигсберскаго университета. Онъ изложилъ свое мнѣніе въ шестой и восьмой книжкѣ журна-

ла Поггендорфа, физическая и химическая лѣтопись (Annalen der Physik und Chemie) за 1842 годъ. Здѣсь помѣщены двѣ статьи, одна подъ заглавіемъ, Ueber den Process des Sehens und die Wirkung des Lichts auf alle Körper; другая, Einige Bemerkungen über das unsichtbaare Licht. Изъ этихъ статей приводимъ здѣсь то, что въ нихъ болѣе важнаго заключается, присоединяя къ открытіямъ Г. Мозера собственныя наблюденія надъ явленіями, которыя отъ его вниманія вѣроятно ускользнули. Однакожъ я съ намѣреніемъ удержусь судить о мнѣніи Г. Мозера, покуда остается мнѣ неизвѣстной обѣщенная имъ третья статья, подъ названіемъ, Ueber das Latentewerden des Lichts, которая должна составлять продолженіе къ двумъ предъидущимъ. Это была бы неумѣстная поспѣшность съ моей стороны, опровергать мнѣніе, еще не вполнѣ изложенное и тогда, какъ можетъ быть опыты другаго рода послужатъ ему доказательствомъ.

Въ первой своей статьѣ Г. Мозеръ старается доказывать, что свѣтъ дѣйствуетъ на сѣтку внутри нашего глаза точно также, какъ на пластинку покрытую парами іода въ камеръ-обскурѣ; слѣдовательно нашъ глазъ ничего болѣе, какъ усовершенствованной Дагеротипъ, гдѣ изображеніе отпечатывается даже цвѣтное. Такое мнѣніе предполагаетъ, что въ сѣточной оболочкѣ происходитъ измѣненіе самаго вещества, которое измѣненіе, поражая зрительной нервъ, передаетъ чувство наконецъ и мозгу. Какъ ни странно покажется съ перваго взгляда такое толкованіе, но въ его пользу говорятъ многія явленія, въ томъ числѣ особенное, откры-

тое Г. Мозеромъ, дѣйствіе солнечныхъ лучей на іодированную пластину. Хотя не могъ я повторить еще всѣхъ опытовъ, но подтвержденіемъ служитъ открытіе, которое мнѣ случилось сдѣлать въ іюнѣ прошедшаго года. Стараясь постигнуть причину, почему свѣтопись по способу Дагера не всегда удается хорошо; съ этой цѣлію предпринимая затѣмъ различные опыты, нашелъ я, прежде нежели могли до меня дойти подобныя свѣденія изъ Парижа, что на серебряныхъ іодированныхъ доскахъ изображенія производятся также безъ помощи ртутныхъ паровъ, но только свѣтъ и тѣнь ложатся въ такомъ случаѣ противоположно съ освѣщеніемъ въ природѣ: темныя мѣста представляются свѣтлыми, на оборотъ свѣтлыя темными. Далѣе замѣтилъ, что такіе отпечатки — отрицательные, какъ ихъ называетъ Гершель, переходятъ снова въ положительные, когда долѣе постоятъ въ камеръ-обскурѣ. Недостатокъ въ припасахъ и неблагопріятная погода попрепятствовали моимъ изслѣдованіямъ. Г. Мозеръ съ своей стороны доказалъ, какъ переходъ отпечатокъ изъ одного состоянія въ противоположное, такъ и то, что переходъ этотъ можетъ нѣсколько разъ повторяться. Ему случилось даже видѣть явленія, которыя заставляютъ измѣнить и самое раздѣленіе свѣта, по Беккерелю, на лучи побудительные и производительные. Наконецъ, по моимъ опытамъ, я прибавлю сюда и то замѣчаніе, что сильной жаръ солнечныхъ лучей вредитъ ясности въ дагеротипѣ. Открытыя явленія Г. Мозеромъ представляютъ уже большое сходство съ тѣми, которыя происходятъ въ нашемъ глазѣ при дѣйствіи свѣта, почему и самое мнѣніе

его о нашемъ зрѣніи кажется сначала весьма вѣроятнымъ; однакожъ я полагаю, что доказать несомнительно справедливость такого мнѣнія было бы невозможно. Мы сейчасъ увидимъ, какъ вообще физики различно судятъ объ этомъ предметѣ.

Въ осьмой книжкѣ того же журнала, въ слѣдъ за второй статьею Г. Мозера, извѣстной Италіанской физикъ Г. Меллони, въ своемъ разсужденіи, Ueber die Färbung der Nelzhaut und Kristallinse, утверждаетъ, что зрѣніе состоитъ изъ быстрыхъ качаній на сѣточной оболочкѣ, отъ волненій эфира. Далѣе столько говоритъ онъ объ акордахъ, гармоническихъ тонахъ, резонансахъ, созвучіяхъ и разнозвучіяхъ, и все это на сѣточной оболочкѣ въ глазѣ, что по неволѣ должно зашумѣть въ головѣ, особенно у читателя не знакомаго съ акустикой. Я не намѣренъ здѣсь входить въ подробности, хотя давно самъ занимаюсь ученіемъ о зрѣніи. Удовольствуюсь упомянуть объ одномъ явленіи, котораго примѣненіе многимъ можетъ быть полезно. Давно было извѣстно, что посредствомъ маленькаго отверстія, напримѣръ въ картѣ, можно читать вблизи письмо, тогда какъ простымъ глазомъ на томъ же разстояніи сдѣлать этаго нельзя. Сквозь отверстіе можно даже видѣть хорошо слишкомъ отдаленные предметы для яснаго зрѣнія — вотъ на что не было еще обращено вниманія. Я пользуюсь этимъ средствомъ вмѣсто лорнета, но долженъ всякой разъ отверстіе приставлять чрезвычайно близко къ глазу. На моихъ лекціяхъ я показываю небольшой инструментъ, которой стоитъ сдѣлать

нѣсколько покрасивѣе, чтобъ онъ могъ войти въ употребленіе вмѣсто лорнета. На кругѣ изъ железной или мѣдной жести просверлено по окружности 9 отверстій, величиной въ постепенности отъ $\frac{1}{4}$ до $2\frac{1}{2}$ миллиметра. Кругъ изъ жести вертится въ своемъ центрѣ на такомъ же другомъ кругѣ, но которой внизу съ рукояткой, вверху съ выемкой, чтобы здѣсь сквозь каждое изъ 9 отверстій можно было смотрѣть безпрепятственно. Когда предметъ освѣщенъ ярко, то снарядъ этотъ служитъ лучше обыкновеннаго лорнета, но при маломъ свѣтѣ предметъ кажется темнымъ.

Глубокомысленнымъ теоретикамъ и возвышеннымъ поэтамъ, особенно близорукимъ, не худо было бы, сложивъ на время вѣнки славы съ своей головы, посмотрѣть внизъ сквозь узкое отверстіе на бѣдной нашъ миръ, чтобъ его видѣть яснѣе.

Это сказано только мимоходомъ.

Omne tulit punctum qui miscuit utile dulci.

Но, обратимся снова къ открытіямъ Г. Мозера. Стараясь сколько можно разнообразнѣе сдѣлать свои наблюденія надъ тѣмъ, какимъ образомъ свѣтъ дѣйствуетъ на поверхности тѣлъ, этотъ профессоръ силится доказать о зрѣніи новое мнѣніе, которое, безъ сомнѣнія, могло бы послужить опроверженіемъ всего прежняго ученія о свѣтѣ, еслибъ опытами достаточно подтверждалось. Его мысль заключается въ

томъ, что *кромѣ темнаго свѣта, которой мы знаемъ въ разложенномъ солнечномъ лучѣ, существуетъ еще въ природѣ другой — невидимой свѣтъ*, о которомъ онъ говоритъ безусловно, что:

1. *Свѣтъ выходитъ изъ всякаго тѣла, хотябъ оно находилось въ совершенной темнотѣ. При томъ этотъ свѣтъ ничего не представляетъ общаго съ извѣстнымъ фосфорическимъ, потому что все равно, тѣло передъ опытомъ лежало на солнцѣ или въ темнотѣ.*

2. *Издаваемой тѣлами собственной ихъ свѣтъ дѣйствуетъ на другія тѣла также, какъ и свѣтъ обыкновенной, именно производя на поверхности перемѣну, послѣ которой замѣчается различіе въ осажденіи паровъ.*

Вотъ два положенія, которыя можно почитать слѣдствіемъ одного такого:

3. *Два тѣла производятъ одно на другомъ отпечатокъ, какъ скоро промежутокъ не довольно великъ, чтобы лучи сильно разсѣвались.*

4. *Чтобъ отпечатокъ сдѣлать видимымъ, надобно на поверхности сгущать только пары, какіе бы то ни были:* водяные, пары іода, брома, хлора и т. п.

Далѣе Г. Мозеръ отвергаетъ рѣшительно, чтобъ отпечатокъ могъ происходить отъ разности въ температурѣ. Хотя въ началѣ былъ онъ и самъ такого мнѣнія, «но, прибав-

ляетъ, скоро принужденъ отъ этаго былъ отказаться, замѣчая тонкія черты въ отпечаткахъ, особенно въ металлѣ, хорошемъ проводникѣ теплоты.»

Чтобъ увѣриться по возможности въ открытіи Г. Мозера, мнѣ казалось необходимымъ вопервыхъ изслѣдовать, оказываетъ ли разность въ температурѣ какое нибудь вліяніе на происхожденіе отпечатковъ.

Съ пособіемъ Г. студента Магзига, о похвальномъ усердіи котораго и большой проницательности кстати мнѣ здѣсь упомянуть, предпринялъ я рядъ опытовъ; но сколько до сихъ поръ ихъ сдѣлано, мнѣніе Г. Мозера, будто разность температуры ничего не производитъ, ни сколько не подтверждается. То вѣрно въ открытіи, что тѣло на другомъ отпечатывается. Изображенія съ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, рѣзьбу съ полированной стали или мѣди, со стекла, топаза,ясписа, буквы съ пробки, бумаги, слюды и т. п. переводили мы на серебро, мѣдь, слюду, стекло и даже ртуть, всегда съ успѣхомъ, кромѣ случаевъ отъ обстоятельствъ собственно посторонних, о чемъ будетъ сказано въ послѣдствіи. Если дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы получить отпечатокъ, то поступать надобно весьма просто. Взять вещъ съ гладкой и ровной поверхностію, напримѣръ обыкновенное зеркало, металлическую доску, выглаженную жесть и т. п.; ставить на нее другую вещь, съ которой изображеніе хотимъ переводить, напримѣръ всего лучше печать и металлическія дощечки съ

рѣзьбой. Для этаго не такъ хороши монеты, гдѣ выпуклости граничатся не рѣзкими чертами, а потому не могутъ и давать ясныхъ отпечатковъ. Если опытъ производится въ комнатѣ, то получасъ или часъ достаточенъ, чтобъ отпечатокъ сдѣлался. Г. Мозеръ назначаетъ 10 минутъ, время, которое сокращается даже до $\frac{1}{2}$ секунды при дѣйствіи особенныхъ причинъ. Вѣроятно при другихъ обстоятельствахъ подобнымъ образомъ можетъ произведено быть и замедленіе. Отпечатокъ безъ помощи паровъ остается невидимымъ, но довольно дыханія, чтобъ онъ явственно показался. Если дощечка такъ нагрѣта, что паровъ не сгущаетъ, то стоитъ охладить ее, подержавъ надо льдомъ, или приложивъ другой стороной къ холодному стеклу въ окнѣ. Отпечатокъ съ изчезаніемъ водянаго пара дѣлается снова невидимымъ, а чтобъ онъ оставался всегда примѣтнымъ, надобно для серебряныхъ досокъ употреблять ртутные, для мѣдныхъ пары іода, какъ я дѣлалъ обыкновенно въ многочисленныхъ моихъ опытахъ. Впрочемъ ясность уступаетъ во всѣхъ случаяхъ дагеротипу, развѣ на доскѣ, съ которой отпечатокъ переводится, рѣзьба будетъ весьма тонкая. Съ глубокой рѣзьбы переходятъ одни края только довольно рѣзко. Впрочемъ долженъ еще замѣтить, что изображеніе не всегда бываетъ хорошо видно: для этого зеркальную поверхность надобно держать въ извѣстномъ положеніи, какъ въ отношеніи къ свѣту, такъ и въ отношеніи къ глазу.

Чтобы получить только отпечатокъ, собственно большихъ предосторожностей не требуется въ производствѣ; но

когда предпринимаемъ опыты съ намѣреніемъ открыть причины и законы въ этихъ явленіяхъ, тогда надобно быть внимательнымъ даже къ самымъ мелочнымъ обстоятельствамъ. Всего болѣе надобно стараться о томъ, чтобы какъ поверхность, съ которой изображеніе переводится, такъ и та, которая принимаетъ отпечатокъ, были совершенно чисты, чтобы на нихъ не было, ни грязи, ни пыли, ни малѣйшихъ слѣдовъ отъ сырости. Въ послѣдствіи приведу нѣсколько примѣровъ для доказательства того, какое вліяніе можетъ оказывать подобной недостатокъ. Самъ Г. Мозеръ это замѣтилъ, но по собственному сознанію не довольно былъ остороженъ, именно въ тѣхъ изслѣдованіяхъ, которыя заставили его признать существованіе невидимаго свѣта.

Скажу теперь объ этомъ по собственнымъ опытамъ. Дохните на хорошо полированную ровную дощечку, лучше всего на стеклянную или металлическую; потомъ напишите на ней что нибудь кисточкой, или все равно, чѣмъ нибудь и другимъ. Какъ скоро паръ отъ дыханія съ поверхности изчезнетъ, вмѣстѣ съ этимъ и написанное пропадетъ; но всякой разъ при дыханіи снова на поверхность, написанное будетъ являться. То же происходитъ, когда на поверхность, покрытую водянымъ паромъ, надавливаемъ печать или другое тѣло съ рѣзьбой, хотя бы прикосновеніе было мгновеннымъ. Изображеніе появляется всякой разъ при дыханіи на него, даже черезъ нѣсколько дней, особенно на стеклѣ, хотя бы старались его напередъ стерѣть хлопчатой бумагой, полотномъ, сукномъ, лайкой: отпечатокъ всегда бываетъ видимъ, хотя правда теряетъ мало по малу свою ясность.

Увѣрившись въ справедливости всего здѣсь сказаннаго, я обратился тотчасъ къ изслѣдованіямъ, какое вліяніе можетъ оказывать разность въ температурѣ, когда отпечатокъ производятъ безъ помощи водяныхъ паровъ. Опыты мои въ этомъ отношеніи были чрезвычайно разнообразны и многочисленны. Отпечатки дѣлалъ я на серебрѣ, слюдѣ, красной и зеленой мѣди, употребляя для того большею частію печати, одну стальную, другую ясписовую. Къ заключеніямъ приведенъ былъ такимъ:

1. Нужное время для произведенія отпечатка вполнѣ, тѣмъ болѣе сокращается, чѣмъ температура двухъ тѣлъ болѣе разнится. При разности въ температурѣ 50° R достаточно отъ 3 до 5 секундъ. *При такой разности часто получалось изображеніе весьма хорошо отъ прикосновенія въ продолженіи ½ секунды.*

2. *Существеннаго различія не замѣтилъ я, когда то либо другое изъ двухъ тѣлъ разогрѣвалось.*

Сначала нагрѣвательной мой снарядъ состоялъ изъ спиртовой лампы, на которую ставилъ я высокой сосудъ съ крышей и боковымъ отверстіемъ. Сосудъ наполнялся водой до одной трети высоты. На крышкѣ, которая содержалась въ совершенной чистотѣ, термометръ постоянно показывалъ 59° R. Здѣсь разогрѣвались печати, тогда какъ дощечки лежали на стаканахъ, до половины наполненныхъ снѣгомъ. Температура дощечекъ была весьма близко въ 9° R, тогда

какъ температура сгущенныхъ паровъ изъ воздуха на термометрѣ, оказывалась еще ниже. При другихъ опытахъ печати нагрѣвались на мѣдной плиткѣ, положенной прямо на лампу. Послѣдствія были все тѣ же.

Подобнымъ образомъ производились опыты, хотя не въ такомъ числѣ, чтобы доказать и второе положеніе.

3. *Съ увеличеніемъ разности въ температурѣ можно наконецъ достигнуть того, что отпечатки сдѣлаются видимы сами собой, безъ помощи паровъ.*

Такихъ видимыхъ изображеній сдѣлалъ я стальной и ясписовой печатью до 50, на серебрѣ, красной и зеленой мѣди, а также на слюдѣ. Они большею частію гораздо лучше тѣхъ, которыя можно видѣть только при сгущеніи на нихъ паровъ. Напримѣръ изъ желѣзной жести зазубренное кольцо отпечаталось весьма хорошо даже не на выполированной доскѣ красной мѣди.

4. *Отпечатки, видимыя сначала непосредственно, въ послѣдствіи отъ дѣйствія на нихъ свѣта, постепенно теряютъ ясность, покуда наконецъ совсемъ изчезнутъ, и тогда могутъ уже дѣлаться видимы только сгущеніемъ паровъ.*

Вліяніе дневнаго свѣта особенно ощутительно на серебрѣ, менѣе на красной и зеленой мѣди. Совершенное изчезаніе отпечатка даже могли только замѣтить на одномъ

серебрѣ. Въ отношеніи къ этому не почитаю впрочемъ опыты довольно достаточными, потому что они всѣ производились или въ пасмурную погоду, или зимой при слабомъ дневномъ свѣтѣ.

5. *Постепенная потеря въ ясности и наконецъ совершенное уничтоженіе отпечатка происходитъ гораздо скорѣе отъ искуственнаго нагрѣванія, нежели отъ освѣщенія дневнымъ свѣтомъ.*

Это положеніе доказано весьма многими опытами по крайней мѣрѣ надъ отпечатками, вскорѣ послѣ того, какъ они произведены были на серебряныхъ и мѣдныхъ доскахъ. Остается испытать еще тѣ отпечатки, которые долгое время хранились въ темнотѣ или въ слабомъ дневномъ свѣтѣ.

6. *Чтобы получить отпечатокъ непосредственно видимой, нѣтъ надобности, чтобы два тѣла были напередъ въ прикосновеніи.*

Между печатью и дощечкой Г. Магзигъ вздумалъ положить тонкой листокъ слюды. На дощечкѣ вышелъ отпечатокъ непосредственно видимой.

7. *Мѣдь и серебро, принявъ на себя непосредственно видимые отпечатки, представляютъ измѣненія въ тѣхъ мѣстахъ, которыя находились подъ углубленіями.* Чтобы въ этомъ родѣ произвести отпечатки, надобно время отъ 8 до 14 секундъ для прикосновенія.

Впрочемъ я получалъ на красной мѣди отпечатки, гдѣ поверхность представляла измѣненіе даже на мѣстахъ внѣ прикосновенія двухъ тѣлъ. То же самое замѣтилъ Г. Магзигъ на серебрѣ. Вообще это случалось большею частію тогда, когда дощечки нагрѣвались на плитѣ долѣе обыкновеннаго. Эти измѣненія всегда отличались цвѣтомъ, болѣе темнымъ. Я назову ихъ покуда отрицательными отпечатками, тогда какъ положительные бываютъ свѣтлосѣраго цвѣта на серебрѣ, изжелта краснаго на красной мѣди и съ свѣтлымъ сѣрымъ оттѣнкомъ на зеленой мѣди.

8. Чтобы получить непосредственно видимой отпечатокъ, кажется температуру при нагрѣваніи не надобно доводить до той, при которой сталь начинаетъ желтѣть. Средняя между этой послѣдней и температурою кипячей воды оказывается лучше другихъ.

Намъ никогда не случилось еще замѣтить даже ни малѣйшаго слѣда отъ стальной печати, которая была разогрѣта до того, что на ней уже показывался желтой оттѣнокъ. При этой температурѣ ясписовая печать то же не производила ни какого оттиска. Такое дѣйствіе возвышенной температуры обратило мое вниманіе. Чтобы лучше изслѣдовать этотъ случай, я положилъ на спиртовую лампу мѣдную полосу, на которую поставилъ сосудъ съ водой. Термометръ показывалъ постоянно 75° R въ разогрѣтой водѣ и 130° R на полосѣ. Стальная и ясписовая печати, будучи положено сперва на плиту, производили потомъ ясныя изображенія

на серебрѣ, красной и зеленой мѣди, однакожъ яснисовая печать только тогда, когда температура понижалась еще за 130° R. Говоря объ этомъ долженъ я замѣтить кстати, что въ то же время зазубреное кольцо изъ желтой жести, разогрѣваясь постепенно и потомъ охладившись постепенно до температуры въ комнатѣ, оставило послѣ себя весьма ясной отпечатокъ на мѣди.

9. *Для произведенія видимыхъ отпечатковъ весьма много способствуетъ совершенно чистое состояніе поверхностей.*

Мы получали непосредственно видимые отпечатки, употребляя для полированія поверхности или масло, или разведенную водою селитренную кислоту, но только въ такомъ случаѣ, когда на поверхности не оставалось ни самаго тончайшаго слоя отъ жидкости. Это равно происходило какъ съ той, такъ и съ другой изъ двухъ нашихъ печатей. Я не разумѣю здѣсь такого рода оттиска, которыя бываютъ видны отъ печати, когда она постоитъ на чемъ нибудь послѣ того какъ ей печатали по сургучу письмо.

10. *Непосредственно видимыя изображенія, сдѣланныя сталью на серебрѣ, осаждаютъ ртутные пары слабѣе во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣйствіемъ отъ стали произошли примѣтныя измѣненія.*

На четырехъ отпечаткахъ, произведенныхъ сталью по серебру, ртутные пары садились напередъ только на мѣс-

тахъ, гдѣ сталь не касалась, что особенно замѣчательно, такія мѣста отъ дѣйствія паровъ приходили въ ихъ прежнее состояніе, въ какомъ они были до прикосновенія. Іодовые пары нельзя было замѣтить, гдѣ напередъ они начинали приставать.

11. *Дощечки красной и зеленой мѣди, также красная мѣдь покрытая серебромъ, отъ частаго нагрѣванія и охлажденія кажется теряютъ наконецъ способность принимать отпечатки.* Это же надобно предполагать о тѣлахъ, съ которыхъ изображенія переводятся.

Если на одной доскѣ повторялись отпечатки, одинъ за другимъ, то послѣдніе выходили всегда хуже. Наконецъ такая доска переставала совершенно принимать отпечатки, не смотря на тщательное полированіе. Стальная печать, какъ скоро принимала желтоватый или синій цвѣтъ, переставала также производить отпечатки, покуда новымъ полированіемъ не возвращенъ ей былъ прежній видъ.

12. *Большая разность въ температурѣ производитъ въ короткое время такое же дѣйствіе, какъ и малая разность температуры въ продолжительное время. Однакожъ если сильно разогрѣтое тѣло остается долго на холодной поверхности, то происходитъ отпечатокъ неясный.* Наконецъ отпечатокъ снова дѣлается, когда температура успѣетъ совершенно уравняться въ прикосновенныхъ тѣлахъ и во всей окружности.

Впрочемъ сталь раскаленная до вишневаго цвѣта давала въ первомъ прикосновеніи отпечатокъ очень неясный. Послѣ нѣсколькихъ минутъ прикосновенія отпечатокъ все былъ еще далекъ отъ совершенства. То же происходило во всѣхъ подобныхъ случаяхъ.

13. *Явленія разнятся, смотря по тому, отпечатки на серебрѣ и мѣди, дѣлаются хорошимъ или худымъ проводникомъ тепла.*

Отпечатки непосредственно видимые, сдѣланные холодной или разогрѣтой печатью, ясписовой или стальной, осаждаютъ на себя пары различнымъ образомъ. Въ отпечаткахъ ясписомъ ртутные пары сгущаются изобильнѣе и скорѣе на мѣстахъ, бывшихъ подъ углубленіемъ рѣзьбы, тогда какъ со стальной печатью бываетъ это наоборотъ. Ясписъ даетъ легче нежели сталь, непосредственно видимые отпечатки, потребуетъ для того температуру ниже.

Различіе проводниковъ, хорошихъ и худыхъ можно видѣть изъ слѣдующихъ опытовъ, сдѣланныхъ съ одинакимъ успѣхомъ, 3 раза на серебрѣ и 6 разъ на мѣди. Двѣ печати, стальная и ясписовая, двѣ платинныя монеты и стекло съ вырѣзанными на немъ словами Tara $1378\frac{3}{4}$ Gran, положенныя на мѣдной или серебряной дощечкѣ, нагрѣвались до 60° R. При такой температурѣ оставалась отъ 3 до 10 минутъ, потомъ охлаждались постепенно, до температуры въ комнатѣ. Сталь и платина произвели отпечатки весьма

слабые, примѣтные только по сгущеніи на нихъ паровъ. Яспись и стекло дали отпечатки ясные, непосредственно видимые, такъ что слова вырѣзанныя на стеклѣ легко можно было читать въ отпечаткѣ.

14. *При температурѣ постоянной 0°, въ плиткахъ и печатяхъ, отпечатки происходятъ не только слабые, но даже сомнительные.*

Опыты производились въ калориметрѣ, при томъ послѣ того, какъ мы пріобрѣли хорошій навыкъ разсматривать изображенія, упражняясь въ томъ на оттискахъ, числомъ болѣе 300. Дощечки употреблялись отборныя, совершенно чистыя, хорошо полированныя. Отпечатки дѣлались такими тѣлами, которыя всегда ихъ давали хорошо. Пары служили ртутные или іодовые, первые какъ холодные (*) такъ и горячіе. Впрочемъ опыты дѣлались въ комнатѣ, гдѣ психрометръ давалъ температуру сгущенныхъ паровъ 0°,2. R, слѣдовательно здѣсь сырость могла что нибудь значитъ, хотя

(*) Употребленіе холодныхъ ртутныхъ паровъ для свѣтописи узналъ я въ первой разъ отъ Г. проф. Штейнгеля въ Сентябрѣ 1840 года, и весьма много пользуюсь этимъ открытіемъ. Плитки кладутся горизонтально въ жестяную коробочку, гдѣ мѣдное дно покрывается селитрокислой ртутью. Для теплыхъ ртутныхъ паровъ служитъ мнѣ снарядъ, сдѣланной Солейлемъ въ Парижѣ. Пары отдѣляются отъ разогрѣтой амальгированной серебряной дощечки. Для паровъ іода обыкновенно беру снарядъ Г. Сегье, которой ничѣмъ не уступаетъ снаряду Г. Мезера.

мы прилагали стараніе, чтобы въ калориметрѣ воздухъ невозобновлялся. Для совершеннаго устраненія сырости потребовался бы особой снарядъ, чего не могъ я тогда сдѣлать, даже не находилъ и нужнымъ, потому что и дѣйствіе паровъ, какъ замѣчено выше, скорѣе благопріятствуетъ, нежели мѣшаетъ въ произведеніи отпечатковъ. Къ тому же, когда мы получаемъ отпечатокъ сквозь слюды, то какъ предположить, чтобы тонкой водяной слой отъ сырости могъ останавливать дѣйствіе невидимаго свѣта.

Печать и дощечки оставались въ калориметрѣ два часа, чтобы приняли температуру 0°, потомъ еще на 2 часа тутъ были въ прикосновеніи другъ къ другу, чтобъ отпечатокъ могъ произойти. Въ послѣдствіи, чтобъ уничтожить всякое сомнѣніе, мы держали тѣла въ калориметрѣ отъ 5 до 6 часовъ, раздѣленными, потомъ отъ 8 до 9 часовъ въ прикосновеніи. Печати вынуты были только два раза для просушки. Послѣдствія были такія:

Стальная печать на 10 дощечкахъ не производила ни одного оттиска.

Отъ вырѣзанной мѣдной доски не произошло въ 3 раза никакого изображенія.

Ясписовая печать при 10 опытахъ дала только два весьма слабые оттиски, произведенные впрочемъ явно сыростію.

Стекло, со словами на немъ Tara 1378¾ Gran, въ 10 опытахъ произвело только два весьма слабые отпечатки, которые съ трудомъ можно было примѣтить. Объ этихъ послѣднихъ изображеніяхъ не знаю что думать, но кажется можно приписать ихъ тоже дѣйствію сырости, посредствомъ которой удалось мнѣ производить со стекломъ отпечатки даже болѣе рѣзкіе и ясные, нежели какіе произошли въ калориметрѣ.

Еслибъ открылось даже, что по какимъ нибудь обстоятельствамъ опыты мои въ калориметрѣ не вѣрны, и что отпечатки слѣдовательно могутъ происходить при температурѣ двухъ тѣлъ совершенно равной, то за всѣмъ тѣмъ я невижу еще необходимости предполагать съ Г. Мезеромъ существованіе невидимаго свѣта, потому что всѣ подобныя явленія легко могутъ быть объясняемы по извѣстной теоріи Прево лучистою теплотой. Соображаясь съ этой теоріей можно допускать, что отпечатки должны произойти по времени, которое будетъ зависить отъ самой температуры и потребуется всегда весьма продолжительное. Мнѣ удалось получить очень хорошій отпечатокъ даже при температурѣ ниже замерзанія, но поверхности для этаго должны были оставаться 20 часовъ въ прикосновеніи.

Продолжая заниматься подобными изслѣдованіями, покуда не почитаю ихъ совершенно оконченными, я удерживаюсь еще рѣшительно непризнавать существованіе невидимаго свѣта, объявленное Г. Мезеромъ. Однакожъ несомни-

тельное заключеніе изъ моихъ опытовъ кажется должно слѣдовать то, что вліяніе разности въ температурѣ бываетъ здѣсь весьма значительное.

ОПЫТЪ

ИЗЛОЖЕНІЯ ЛИТЕРАТУРЫ СЛОВЕНЪ

ВЪ ЕЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ЭПОХАХЪ.

═

(*Виктора Григоровича.*)

—

ВВЕДЕНІЕ.

Родъ Словенскій также древенъ въ Европѣ, какъ и Германскій; жилища его занимали издревле обширное пространство на сѣверѣ и юговостокѣ нашей части свѣта: но исторія Словенъ мало ознаменовалась всемірностію. Въ самой глубокой древности, рѣзко отличаясь духомъ свободы, возвышенностію религіозныхъ понятій и мирнымъ трудолюбіемъ, Словене не умѣли свою индивидуальную свободу подчинять общественной, не могли понимать свою независимость и самостоятельность въ единствѣ, побораюощемъ зловредность чуждыхъ стихій. Отъ слишкомъ частнаго опредѣленія свободы они впадали въ унизительное рабство, покорствовали различнымъ народамъ, Европейскимъ и Азіятскимъ, и въ этомъ рабствѣ теряли чистоту вѣрованій, смѣшивая ихъ съ вѣрованіями своихъ завоевателей, теряли бодрость, отличаю-

щую ихъ въ борьбѣ съ неблагодарной мѣстностію. Однимъ словомъ, Словене въ природномъ своемъ положеніи, при всѣхъ признакахъ, доказывающихъ призваніе ихъ къ дѣятельности всеобщей, человѣчественной, дѣлались игралищемъ безпрерывныхъ превратностей судьбы, лишены были возможности непрерывнаго развитія. Натурализмъ ихъ самъ по себѣ т. е. то непосредственное значеніе, которое они представляли въ родовыхъ своихъ признакахъ, не могъ ихъ поставить со временемъ въ уровень съ народами достопамятными въ исторіи послѣ паденія древняго міра. Онъ доказывалъ только необходимость начала историческаго, т. е. начала, по которому они безпрерывно развиваясь, соединилибъ свою жизнь съ жизнію древнихъ, слилибъ струи ея съ жизнію новыхъ, чтобы въ послѣдствіи достойно представлять человѣчество. Условіе безпрерывнаго развитія, связь съ древнимъ міромъ, необходимый союзъ съ новымъ, наконецъ залогъ высокаго значенія Словенъ въ будущемъ — лежалъ въ самой всеобщей, въ самой неисчерпаемой идеѣ Христіанства. Съ появленіемъ Христіанства у Словенъ сопряжено собственное ихъ появленіе въ исторіи въ болѣе индивидуальномъ значеніи; отъ различнаго опредѣленія Христіанисма въ сознаніи Словенъ зависѣли всѣ явленія ихъ духовной жизни, опредѣлялись ихъ отношенія къ другимъ народамъ, рѣшалась даже ихъ судьба. Христіанисмъ для Словенъ въ ихъ мѣстности былъ истиннымъ очищеніемъ, внутреннимъ воспитаніемъ, школою, изъ которой они должны были выступить съ предопредѣленіемъ дѣйствовать во всемірной исторіи. Имъ они поставили себя въ необходимой

связи съ человѣчествомъ, конечнымъ результатомъ жизни котораго была необходимость всеобщаго, превышающаго всѣ природныя условія начала, и такимъ образомъ, получивъ призваніе продолжать вмѣстѣ съ прочими проникнутыми этимъ началомъ народами, развитіе сознанія человѣчества, Словене завоевали для исторіи новое поприще, на которомъ прозябала природность. Съ сознаніемъ Христіанисма начинается дѣятельность Словенъ въ нравственномъ мірѣ, ихъ участіе въ судьбахъ человѣчества, ихъ исторія по отношенію къ человѣчеству.— Но Христіанство, какъ идея, долженствовавшая проникнуть всю природную жизнь, была сперва только задачей, которую осуществить, рѣшить въ жизни, было назначеніемъ племенъ Германскихъ и Словенскихъ. Осуществленіе этой идеи было условлено особеннымъ характеромъ племенъ, опредѣляемыхъ мѣстностію и отношеніями, безпосредственными и посредственными къ древнему міру. Въ этихъ условіяхъ лежитъ вся разница обоихъ племенъ, — одного, получившаго такую значительность участіемъ своимъ въ судьбахъ человѣчества, — другаго, достигающаго всемірнаго значенія, и въ нихъ-же таятся причины разнообразныхъ явленій, опредѣляющихъ постепенное развитіе ихъ народной жизни.— Занявъ обширныя страны, еще не воздѣланныя историческими народами, не получивъ въ непосредственное наслѣдіе достоянія древней цивилизаціи, Словене обречены были на сношенія или съ народами духовно неподвижными или такими, которыхъ предпріимчивый духъ, въ стремленіи своемъ къ недовѣдомой цѣли развитія, положилъ конецъ древнему міру, и на гибели чуждыхъ ему племенъ строилъ зданіе

своей цивилизаціи. На этомъ поприщѣ и въ этихъ отношеніяхъ, нужно было испытать всю превратность судебъ, чтобъ сознать необходимое призваніе быть со временемъ народомъ всемірнымъ.

Какимъ образомъ въ нравственномъ мірѣ сознаніе народовъ Словенскихъ постепенно опредѣляло себя: какъ оно достигало и достигаетъ въ своемъ развитіи всемірнаго значенія? — Эта задача, важность которой болѣе и болѣе становится ощутительной, заставляетъ посильно доискиваться связи между явленіями; необходимою послѣдовательностію которыхъ, среди игры рока и случайности, предопредѣлена была взаимность Словенъ и дружное ихъ стремленіе къ цивилизаціи.

Рѣшеніе этой задачи составляетъ отчасти предметъ литературы Словенъ, которая, принявъ за основаніе всеобщую идею, должна показать развитіе ея въ сознаніи народовъ, и содержать въ себѣ явленія, истекающія изъ сознанія развиваемой идеи.

Полагая, что всѣ Словенскія племена можно разсматривать какъ одно цѣлое, видѣть въ жизни ихъ различные только фазы одного и того же типа, мы должны при изученіи ихъ литературы устремлять вниманіе на то, какими помыслами двигалась въ данныхъ отношеніяхъ нравственная жизнь цѣлаго, какимъ образомъ предопредѣлялась ихъ развитіемъ общая участь Словенъ. Не приписывая роду нашему

важное и уже достигнутое значеніе въ человѣчествѣ, мы одушевляемся мыслью, что онъ постоянно стремится къ возвышенной своей цѣли. Вникая въ содержаніе литературы обще-словенской, доискиваясь связи между разнообразными явленіями въ Словенскомъ мірѣ, среди самаго явнаго противорѣчія, постепеннаго развитія жизни Словенъ, — пытаясь уразумѣть, находятся ли признаки взаимности словенской на извѣстныхъ степеняхъ ихъ развитія, выражаютъ ли они въ общемъ, въ совокупности всѣхъ видовъ цѣлаго рода, одну мысль, можно, кажется, убѣдиться, что всякое предъидущее явленіе въ нашей жизни предопредѣляло послѣдующее, что ни одинъ изъ всѣхъ моментовъ нравственной дѣятельности не потерянъ для настоящаго, что они были доказательствомъ общаго призванія Словенъ, для котораго работало и работаетъ каждое племя, и, слѣдственно, сама литература Словенъ не есть сборъ фактовъ, списокъ разнообразныхъ предметовъ, а скрижаль развивающагося въ необходимой постепенности общаго сознанія, — откровеніе съ каждымъ моментомъ болѣе и болѣе уясняющагося призванія цѣлаго нашего рода.

На первый разъ представимъ здѣсь краткій обзоръ литературы Словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ и подробное, хотя и слабое изображеніе двухъ ея періодовъ, съ твердою вѣрою, что keine grosse Völkergruppe, kein wichtiges Stadium der Geschichte ohne den zu Grunde liegenden Gedanken ist, das alle Uebergänge und Entwickelungen aus den vorhergehenden sich nachweisen lassen. *Hegel*.

—

Опредѣленіе литературы вообще. Опредѣленіе литературы Словенъ. Основаніе раздѣленія ея на эпохи. Эпохи литературы Словенъ.

Литература какого либо народа есть проявленіе въ словѣ народнаго духа, который, при постепенномъ своемъ развитіи, извѣстными признаками опредѣляетъ степень сознанія идеи человѣчества. Эта литература представляетъ, какъ народъ, среди борьбы съ мѣстностію и другими отношеніями, подвергаясь различной судьбѣ, сознавалъ свое участіе въ общей массѣ человѣчества, какъ онъ своимъ движеніемъ въ области духовнаго міра обнаруживалъ нравственное существованіе, какъ онъ стремился къ выраженію своей индивидуальности, созерцалъ внѣшній и внутренній міръ и явленія его возводилъ къ идеалу. Идея человѣчества и участія въ ея развитіи, — вотъ мѣрило нравственной дѣятельности народа. Народъ безъ внутренняго движенія, не принимающій никакого участія въ общемъ развитіи, какъ жертва случая, исчезнетъ, неоставляя послѣ себя никакихъ слѣдовъ существованія. И напротивъ, народъ, дѣятельно оправдывающій свое нравственное назначеніе, во всѣхъ моментахъ своей жизни, въ религіозномъ вѣрованіи и примиреніи его съ явленіями внѣшняго міра, въ усиліяхъ достигнуть извѣстнаго совершенства, одушевить свою индивидуальность, — народъ такой если рѣшительно на поприщѣ человѣчества и не дѣйствовалъ, достоинъ однакожъ уваже-

нія, достоинъ того, чтобы объ немъ безпристрастный изслѣдователь судебъ его сказалъ: «онъ стремится къ пріобрѣтенію вѣса въ человѣчествѣ». Таковы *Словене*, которымъ нельзя отказать ни въ усиліяхъ развить свое родовое сознаніе по общечеловѣческимъ началамъ, ни въ стремленіи къ занятію мѣста между просвѣщенными народами. Ихъ борьба съ чуждыми стихіями всегда доказывала непреодолимое чувство индивидуальности, ихъ духовная дѣятельность отражалась въ народной литературѣ.

Литература Словенъ, какъ проявленіе духа во внѣшности, есть выраженіе ихъ сознанія, неизгладимое свидѣтельство важнѣйшихъ моментовъ нравственной ихъ жизни. Если сознаніе участія въ развитіи идеи человѣчества опредѣляетъ характеръ народа, то литература, какъ выраженіе сего характера, должна опредѣляться явленіями, доказывающими извѣстную степень такого сознанія. Идея человѣчества есть всемірная нравственная сила, безпрестанно обнаруживающаяся въ новыхъ признакахъ, развитіе которыхъ разработывалось тысячами поколѣній. Достигнувъ высочайшаго своего опредѣленія въ христіанствѣ, она проникаетъ цѣлые народы своею зиждущею силою, возводитъ ихъ на почетное поприще въ родѣ человѣческомъ, отличаетъ историческимъ всемірнымъ значеніемъ. Потому-то христіанскіе народы, во всѣхъ направленіяхъ своей нравственной дѣятельности, христіанствомъ приводятъ въ движеніе всѣ свои нравственныя силы. Они развиваются сознавая всеобъемлющее значеніе христіанства, постигая совмѣстность его съ

своей дѣйствительностію, сознавая противорѣчіе внѣшняго съ внутреннимъ, и уравновѣшивая внѣшнее проявленіе съ внутреннимъ значеніемъ. Однѣ только степени сознанія этой всемірной идеи въ общемъ объемѣ всей дѣйствительности, различаютъ просвѣщеніе народовъ Европейскихъ. Только съ этой точки можно обозрѣвать литературу Словенъ въ совокупности. Только на такомъ основаніи оправдывается мнѣніе Мацѣевскаго о необходимости общей, по ходу развитія сознанія, словенской литературы. «Желая составить исторію словенскихъ литературъ, говоритъ ученый систематикъ словенскаго законодательства (Въ выноскѣ Macieiowski, Hist. Praw. Slow. t. III, dz. III, rozdz. 1. стр. 448) надобно ее обобщить, одними обозначить періодами, надобно представить ходъ ея въ такомъ видѣ, чтобы, всматриваясь въ него, можно было обозрѣть весь объемъ цѣлаго и въ общихъ и частныхъ чертахъ, не затрудняясь усмотрѣть, до какой степени просвѣщенія Словене достигали и къ чему должны стремиться».

Поставивъ началомъ *Христіанство*, какъ источникъ индивидуальнаго и народнаго просвѣщенія, какъ высочайшее опредѣленіе идеи человѣчества, и раскрывая его значеніе по внутреннимъ и внѣшнимъ отношеніямъ, я осмѣливаюсь предложить слѣдующій планъ литературы Словенъ. Онъ основывается на томъ разсужденіи, что, говоря о ходѣ развитія вообще, необходимо останавливать вниманіе на общей идеѣ, двигавшей и движущей родъ человѣческій. По ея развитію мы можемъ объяснить себѣ мѣста и значеніе въ родѣ

человѣческомъ какой либо знаменитой его вѣтви, уразумѣемъ призваніе ея въ цѣломъ человѣчествѣ. Литература Словенъ, принятая въ такомъ смыслѣ, покажетъ, какъ изъ противоположностей, данныхъ мѣстностію и отношеніями, родовое призваніе Словенъ переходило изъ отдѣльности въ общность, и какъ достигало сознанія своего назначенія. Она есть символисмъ развитія духа, заключаетъ въ себѣ всѣ главные моменты, въ которыхъ обнаруживалось сіе развитіе. Она носитъ въ себѣ признаки началъ, противорѣчіемъ которыхъ проявлено значеніе извѣстной степени сего развитія. Въ ней видны всѣ данныя, изъ которыхъ сознаніе цѣлаго рода постепенно переходило въ самосознаніе. Ея эпохи опредѣляются степенями развитія сего сознанія, проникнутаго главною и необходимою идеей, которую оно различнымъ образомъ постигая, выражало въ постепенномъ обобщеніи, уравновѣшивало ея внѣшность съ содержаніемъ, такимъ образомъ входило въ противорѣчія, борьбою которыхъ означался періодъ всякой эпохи. Среди этихъ противорѣчій виды могли потерять свою самостоятельность, но родъ спасенъ. Озаренные общею идеей Словене, направляемые мѣстностію и отношеніями, раздробляли ее, такъ сказать, на отдѣльныя понятія, впадали въ противорѣчія, чтобы опять уничтожить эти отдѣльныя понятія въ болѣе обширныя, содержаніе которыхъ въ совокупности теряется въ идеѣ. Этою общею и необходимою идеей, съ первою зарею которой начинается Словенская письменность, былъ *Христіанисмъ*, поставившій Словенскія племена въ ряду племенъ, трудящихся для человѣчества, связавшій ихъ жизнь съ жизнію древнихъ и но-

выхъ цивилизированныхъ народовъ, Христіанисмъ, котораго торжество надъ природностію (натуралисмомъ) племенъ обнаружилось въ покореніи и примиреніи всѣхъ ея формъ духу его, а необходимая связь съ судьбами народовъ доказываетъ историческое начало глубоко зароненное въ его сущности, которымъ Словене спасены для человѣчества.

Эта идея является сперва въ непосредственной противоположности съ побораемымъ ею натуралисмомъ, котораго формы мало по малу ей подчиняются, въ отдѣленіи исповѣдующихъ ее отъ внѣшнихъ началъ, въ неутрализированіи разнородныхъ стихій и обнаруживается наконецъ потребностію выразить ее въ словѣ и имъ соединить противоположности видовыя. Этимъ охарактеризирована *первая эпоха*, обнимающая IX, X и даже половину XI столѣтія. Въ продолженіе сего времени Словене постепенно принимали Христіанство, обнаружили его въ Словенскомъ богослуженіи, которымъ, рѣшительно теперь можно сказать, они, кромѣ Словенъ Полябскихъ, были соединены и представляли по отношенію къ сознанію Христіанисма нѣчто цѣлое.

Но вліяніе Германцевъ, а съ ними и католицисма, окончательный разрывъ котораго съ Восточною церковью послѣдовалъ въ половинѣ XI столѣтія, преодолѣло наконецъ западныхъ Словенъ. Съ сего времени Словене разобщаются въ отношеніи своего вѣрованія. Харваты одноплеменники Сербовъ, Хорутане (Виндо-Словене) Чешское племя, т. е. Чехи, Моравы и Словаки и, наконецъ, Поляки преклонились на

сторону католицисма, подверглись менѣе или болѣе влiянiю Германцевъ, поглотившихъ, за исключенiемъ Лужичанъ, Полябскихъ Словенъ, поставили себя въ совершенную противоположность Словенамъ православнаго исповѣданiя. Сербы, Булгары и Русскiе Словене удержали прежнюю свою самостоятельность въ сферѣ христiанства. Такимъ образомъ, изъ общности своей и непосредственной противоположности съ натуралисмомъ, христiанство, обнаружившееся въ Словенскомъ богослуженiи, переходитъ въ противоположность двухъ сферъ богослуженiя, по отношенiямъ къ Византiи и къ Риму, къ Грекамъ и Германцамъ. Просвѣщенiе развивалось теперь въ этнографическихъ, если можно такъ выразиться,— противоположностяхъ. Словене *западные* принуждены были принять формы, чуждыя имъ въ политическомъ и религiозномъ отношенiяхъ, и въ нихъ сознавать свое просвѣщенiе. Чехи первые среди всѣхъ препятствiй, дѣйствовавшихъ на нихъ извнѣ и внутри сознаютъ потребность родной письменности. Съ половины XIII столѣтiя — возникаетъ или, лучше, возраждается литература Чешская. За ними слѣдуютъ Поляки и Хорваты. — Раздвинувъ тѣсный кругъ своей дѣятельности слабо, но примѣтно, подвизаются они на поприщѣ своей родной литературы въ сферѣ католицисма. — Одни Хорутане (Виндо-Словене) и Лужичане безмолвствуютъ; ихъ политическое уничтоженiе отняло у нихъ всякую возможность развивать и скудную даже письменность. Совсѣмъ противоположны Словене *восточнаго* исповѣданiя. Не смотря на бѣдствiя, претерпѣваемыя отъ владычества Грековъ, подъ которымъ Сербы и Булгары оставались до половины XII

столѣтія, не смотря на междоусобія и порабощеніе Татарамъ, обезсилившія Русь, письменность трехъ племенъ не прекращается, хотя примѣтно теряетъ цвѣтъ свой съ концемъ XIII и въ XIV столѣтіи. Развиваясь подъ преимущественнымъ вліяніемъ церковно-словенскаго языка, она подкрѣпляла себя мыслью объ устраненіи отъ себя стихій, противныхъ духу православія. Такое развитіе литературы въ сферахъ противныхъ себѣ продолжалось до конца XIV столѣтія. Легко себѣ представить характеръ и направленіе письменныхъ памятниковъ этой эпохи. Они непосредственно указываютъ на религіозность, сознаваемую въ данныхъ противоположностяхъ. — У Сербовъ, Русскихъ и Булгаръ распространена литература богослужебная. Святители пытались въ собственныхъ поученіяхъ, словахъ и посланіяхъ уяснить истины христіанства — съ цѣлію удовлетворить непосредственной религіозной потребности, возбуждаемой поминутно трудными обстоятельствами времени. Исторія не выше лѣтописи, но ея памятники, писанные на понятномъ народномъ языкѣ, многочисленнѣе — памятниковъ исторіи западныхъ Словенъ. Поэзія едва пробудившись отъ непосредственнаго натурализма обрядовыхъ пѣсней выражаетъ у Русскихъ Словенъ въ звучномъ словѣ ихъ высокое призваніе, побoрать на поганы — и опять погружается въ натурализмъ, или уступаетъ свои права церковному пѣснопѣнію. Вся литература Словенъ восточныхъ этой эпохи свидѣтельствуетъ, какъ среди непреоборимыхъ этнографическихъ отношеній, Словене усиливались спасти свою индивидуальность, охраняя ее письменностію чисто религіозною. Общій языкъ литературы Сло-

венъ восточнаго исповѣданія былъ церковно-Словенскій. Но уже съ XI столѣтія обнаруживаются слѣды развитыхъ народныхъ языковъ. Языки Сербскій, сѣверо-Русскій и южно-Русскій существовали въ XI и имѣли значительное вліяніе на церковно-Словенскій. Западные Словене подъ вліяніемъ Германисма и Латыни робко добиваются своей письменности. Проза ихъ въ этой эпохѣ почти ничтожна. Кромѣ псалтырей и молитвенниковъ — едва ли что нибудь значительное писалось прозою у Чеховъ и Поляковъ. За то стихами писаны кромѣ стихотвореній съ истинно поэтическимъ содержаніемъ и легенды и поученія, даже исторія. Памятники не поддѣльной поэзіи находимъ мы у Чеховъ, у которыхъ вообще письменность гораздо обильнѣе, чѣмъ у Поляковъ въ этой эпохѣ. Языки этихъ западныхъ Словенъ въ этой эпохѣ богаты формами, потерянными въ послѣдующихъ. Вообще мотивомъ къ литературной дѣятельности этой эпохи была потребность сознать христіанисмъ въ двухъ его сферахъ среди вреднаго вліянія чужеплеменниковъ и выразить его подъ условіемъ этого вліянія.

Эта дѣятельность выходитъ изъ чистоэтнографическихъ отношеній и переходитъ въ XV, XVI и нач. XVII столѣтіяхъ въ болѣе обширный кругъ, въ которомъ Словене сознали свою индивидуальность, а нѣкоторыя племена достигли высокаго развитія своей литературы. Словене католическіе въ эпохѣ, обнимающей слишкомъ два съ четвертью столѣтія, двигались идеями сильно потрясавшими ихъ нравственный быть, глубоко отпечатлѣвшимися въ ихъ дѣятельности, рав-

по политической какъ и литературной, и рѣшительно дѣйствовавшими на судьбу ихъ. Гусситисмъ, реформація, гуманисмъ (humaniora, этимъ словомъ опредѣляли тогда древность, образованіе по древнимъ) — такъ можно вообще назвать тѣ признаки, которыми опредѣлилась въ этой эпохѣ вся ихъ литературная дѣятельность. Вызванные гусситиссомъ и реформаціей къ внѣшней и внутренней борьбѣ, въ гуманисмѣ неистощимые источники своего умственнаго обогащенія, одни изъ нихъ, именно Чехи и Поляки, отрѣшили себя отъ стѣснявшихъ ихъ оковъ чужеплеменнаго вліянія, дали литературѣ возможно-разнообразное направленіе; другіе какъ Хорвато-Далматы явили удивительную дѣятельность, преимущественно въ области поэзіи, наконецъ Хорутане (Виндо-Словене) и Лужичане послѣ вѣковаго усыпленія возрождены для самобытнаго сознанія религіозныхъ истинъ. Противорѣчіе Гусса папису повело Чеховъ къ самымъ возвышеннымъ усиліямъ, утвердить свою самобытность, если не въ политическомъ, то по крайней мѣрѣ литературномъ мірѣ. Съ самаго начала XV столѣтія до 1620 года, Чехи среди препятствій, поставляемыхъ имъ католицисмомъ и императорами Габсбургскаго дома, безпрестанно увеличиваютъ кругъ своей литературной дѣятельности. Начавъ съ религіозныхъ споровъ, возвышаемыхъ противниками католицисму, Гусситами разныхъ направленій и усиливъ ихъ принятіемъ реформаціи Лютера, Чехи дали языку своему преимущество предъ Латинскимъ и Нѣмецкимъ, облагородили его часто повторявшимися переводами библіи и возвысили до высокой степени гибкости и силы, усвоивъ себѣ произве-

денія древнихъ и новыхъ моралистовъ. Исторія Чеховъ, обращенная преимущественно на церковныя дѣла, была предметомъ трудовъ слишкомъ двадцати ученыхъ. Она обнимала не только общія или частныя происшествія; относящіяся къ Чехіи, но включала въ кругъ свой дѣянія древняго и новаго міровъ. Поэзія слѣдовала духу времени. Она была то чисто духовная, то сатирическая, рѣдко однакожъ не поддѣльная. Драма едва указываетъ два-три оригинальныхъ произведенія и нѣсколько переводовъ. Переводы поэтическихъ произведеній ограничивались только сказками и романами. — Поляки, подвинутые гусситисмомъ и реформаціей достигнули, изученіемъ классической, болѣе разнообразной литературы, нежели Чехи. Утвердительно можно сказатѣ, что реформа Гусса и реформа XVI столѣтія были главнѣйшими пружинами ихъ литературной дѣятельности. Гуманисмъ самъ по себѣ, чаруя прелестью классиковъ, отнималъ всегда у Польской литературы дѣятелей, заставляя пытаться подражать древнимъ, на древнихъ языкахъ. Замѣчательно, что первые памятники литературы XV и XVI столѣтій въ тѣхѣ оппозиціи папису. Эти усилія расширить, уяснить кругъ религіознаго вѣрованія пробудили любовь къ Польскому языку. Сперва словесными спорами, потомъ переводами Библіи для разныхъ вѣроисповѣданій, наконецъ, и то уже съ 1586 года, переводами классическихъ произведеній, языкъ Польскій сдѣлался достояніемъ литературы народной. Въ эпоху споровъ исторія отнята была у Латыни. Она подобно Чешской обнимала и всемірныя дѣянія и внутреннія происшествія, современныя и прошедшія, меньше

направлялась однакожъ на церковныя дѣла. Поэзія преимущественно подражательна. Она образуется по образцамъ классическимъ и достигаетъ высокой изящности и удивительной гибкости въ выраженіи. Драма не доходила до высокой оригинальности, ограничивалась мистеріями и двумя — тремя переводами. Реформа проникла и Хорвато-Далматовъ, Хорутанъ (Виндо-Словенъ) и Лужичанъ (Вендовъ). Она была виновницей первыхъ усилій въ переводѣ библій на языки этихъ Словенъ и возбудила въ нихъ ревность къ родному языку, облекавшему священныя истины. Но сверхъ религіозныхъ мотивовъ, гуманисмъ пробудилъ дѣятельность литературную у собственныхъ Хорватовъ и у Далматовъ. У этихъ послѣднихъ, преимущественно въ Рагузѣ, процвѣла поэзія, даже драматическая, явленіе чрезвычайно необыкновенное въ Словенскихъ литературахъ сей эпохи. — У восточныхъ Словенъ, мы конечно не замѣчаемъ возвышенной дѣятельности и того разнообразія, въ которыхъ проявилась литература западныхъ тѣмъ болѣе, что общественный ихъ, самостоятельный бытъ у однихъ уничтоженъ, у другихъ сталъ теперь только получать прочныя формы. Но въ скудной литературной дѣятельности, раскрытой этими Словенами, видны значительныя побужденія, не выходившія изъ чисто матеріальныхъ отношеній, раскрыты въ ихъ сознаніи признаки, гораздо не вещественнѣе, чѣмъ въ предъидущей эпохѣ. Угнетенные бѣдствіемъ новаго рабства Сербы и Болгары находились въ безпрерывной связи съ Русскими, сообщали имъ свои умственные запасы, посильно участвовали въ общемъ дѣлѣ православія въ борьбѣ съ католицисмомъ,

раздѣляли съ нимъ одни потребности, взаимно содѣйствуя въ нравственномъ развитіи. Усилія написма дѣйствовавшаго посредствомъ Литовскихъ князей на Русь, посредствомъ Венгерскихъ королей на Сербовъ — побудили духовныхъ дѣйствовать болѣе убѣдительнымъ образомъ на умъ посредствомъ усвоенія себѣ сокровищъ Греческихъ отцовъ церкви. Когда съ ослабленіемъ Греціи, лишавшейся вмѣстѣ съ политическимъ и своей религіозной самостоятельности, Флорентійскій соборъ рѣшалъ, но нерѣшилъ побѣду католицисма: защита православія повела Словенъ къ трудамъ, существеннымъ въ области литературы. Аѳонскіе монахи, давшіе, какъ извѣстно, столь рѣшительный отпоръ этому собору, обогатили литературу Словенъ множествомъ сочиненій и переводовъ. Отсель усилія паписма, безпрестанно возобновляемыя находили не безгласное отчужденіе, какъ было прежде, но толковыя и краснорѣчивыя возраженія. Послѣдній, тщетный конечно, успѣхъ его въ сферѣ православія, унія вызвала наконецъ рядъ писателей, трудами своими положившихъ непреступную грань между двумя сферами взаимно себя исключавшими въ частномъ своемъ опредѣленіи. Съ притязаніями католицисма появились и спутницы его ереси, подрывавшія основу его и овладѣвавшія умами Русскихъ, тайно, но успѣшно распространяясь на западѣ и въ самомъ сердцѣ Россіи, Москвѣ. Несправедливо названные *жидовствующими*, нововводители были преимущественно раціональнаго направленія. Появившись въ половинѣ XV столѣтія, они грозили преобразовать ученіе христіанское, не сообразно съ потребностями мѣстности. Противъ раціона-

лисма этихъ ересей, возстали мужи, которыхъ произведенія образуютъ, безъ сомнѣнія, примѣчательнѣйшій памятникъ литературы сей эпохи. Споры, возникшіе по случаю ихъ, возбудили духъ изслѣдованія относительно истинъ христіанскаго вѣроученія, были виною первыхъ значительныхъ опытовъ нашихъ отечественныхъ богослововъ въ наукѣ полемико-догматическаго богословія. Но они еще слишкомъ были слабы, чтобы распространить достаточное уразумѣніе христіанства въ его идеѣ, предохранить отъ заблужденій невѣжества. Ревнуя къ православію, большею частію сами поборники его не отличали формъ отъ смысла, безсознательно чтили святость не въ духѣ, но во внѣшнемъ. Просвѣщенныя усилія рѣдкихъ въ сей эпохѣ мужей не оцѣнивались достойно, навлекали гоненія (Максимъ Грекъ). Вотъ по какимъ новымъ побужденіямъ двигалась литературная дѣятельность восточныхъ Словенъ и преимущественно Русскихъ въ эпохѣ отъ начала XV до конца первой четверти XVII столѣтія. Бытописаніе распространено многочисленными переработками прежнихъ лѣтописей и многими оригинальными произведеніями. Изъ этихъ послѣднихъ, нѣкоторыя носятъ уже индивидуальный характеръ. Слишкомъ витіеватый слогъ, какъ многихъ вставочныхъ мѣстъ лѣтописей, такъ и оригинальныхъ произведеній, былъ вѣроятно порожденіемъ полемическаго духа эпохи. Поэзія общественная не развилась. За то живая пѣснь народа болѣе чѣмъ у западныхъ Словенъ выражаетъ отношенія и судьбы племенъ въ сферѣ православія. Сѣверные и Южные Русскіе, Сербы въ бытовыхъ и былевыхъ пѣсняхъ своихъ выразили много

признаковъ, объясняющихъ характеръ эпохи. — Такимъ образомъ разобщенные религіознымъ направленіемъ, испытуя самыя разнообразныя судьбы на поприщѣ политическомъ, Словене, въ продолженіи слишкомъ двухъ — XV, XVI и начала XVII вѣковъ, представляютъ нравственною своею дѣятельностію обширную драму борьбы, въ которой сознаніе важнѣйшихъ религіозныхъ вопросовъ было едвали не существеннымъ мотивомъ. Въ этой эпохѣ рѣшился на почвѣ Словенской давно вызывающій къ состязанію споръ католицисма съ православіемъ, сознана необходимость всеобщности религіозныхъ истинъ, сдѣланъ первый значительный шагъ въ самобытныхъ усиліяхъ опредѣлить народность каждаго племени существеннымъ признакомъ нравственнаго развитія и увеличена дѣятельность литературная сообразно съ данною возможностію, на всѣхъ точкахъ Словенщины.

Если задача предъидущей эпохи у западныхъ и даже у восточныхъ Словенъ была расширить сферу сознанія, преодолѣть зависимость отъ внѣшнихъ преградъ и достигнуть самостоятельности по крайней мѣрѣ въ религіозномъ отношеніи; то значеніе слѣдующей эпохи, отъ начала XVII до половины XVIII столѣтія какъ слѣдствія предъидущей — можно вообще опредѣлить стремленіемъ сосредоточить это сознаніе въ единствѣ отвлеченнаго понятія. Это стремленіе у восточныхъ Словенъ началось абстрактивными опредѣленіями православія и отношенія его къ дѣйствительной жизни, сухими спорами за нарушеніе его въ толкованіи догматовъ. На самой высшей степени этихъ противорѣчій, принимав-

нихъ религіозно-политическій видъ, Петръ Великій созналъ необходимость просвѣщенія Россіи не только въ матеріальномъ, но и въ духовномъ отношеніи. Весь смыслъ духовнаго просвѣщенія состоялъ въ указаніи, что искомое единство лежало не въ формѣ, но въ идеѣ, съ которой дѣйствительная жизнь должна примириться. Эта высокая мысль находилась еще до половины XVIII столѣтія въ недосягаемой дали отъ всеобщаго сознанія. Сблизить ее съ нимъ, внушить ее ему было призваніемъ достойныхъ примирителей идей Петровыхъ съ народнымъ сознаніемъ, проповѣдниковъ южно-Русскихъ. Въ спорахъ съ католицисмомъ ознакомленные съ Іезуитскою ученостію Польши, ученые этой эпохи отразили господствовавшій тогда характеръ въ исторіи и стихотворствѣ. Единство у западныхъ Словенъ было достигнуто на пути политическомъ. Іезуиты получили призваніе сблизить слишкомъ противорѣчащія направленія предъидущей эпохи. Чего не разрушили войны, то сожгли, переиначили и исказили они у Чеховъ, Поляковъ, Хорватовъ, Далматовъ, Хорутанъ (Виндо-Словенъ). Но не уничтожилась возможность новой жизни, ожидавшей болѣе обширнаго опредѣленія просвѣщенія въ сферѣ христіанства. Эти Словене, если теряли памятники своей прошедшей дѣятельности, если вводимы были въ лабиринтъ превратныхъ понятій о просвѣщеніи и литературѣ, не лишились чувства необходимости своей собственной письменности. Всѣ они слабо, но по относительной возможности продолжаютъ ее до половины XVIII столѣтія.

Надобно было Словенамъ испытать всѣ послѣдствія ихъ

ограниченной сферы; погрузившей ихъ въ совершенное умственное оцѣпенѣніе, лишившей западныхъ Словенъ ихъ богатаго достоянія, удалившей Русскихъ отъ сообщенія съ западомъ, чтобы сознать необходимость обширнѣйшаго круга просвѣщенія, почувствовать всю ничтожность частныхъ одностороннихъ направленій въ ихъ притязаніи на всеобщность,— чтобы изъ противорѣчій ими порожденныхъ обратиться къ Европеисму. Европа съ XVII столѣтія уже стряхнула съ себя вериги авторитета, вѣротерпимостію признала истину всеобщаго, поставлявшаго независимость частнаго начала, показала необходимость нравственной свободы въ цивилизаціи народовъ и уваженіе обще-человѣческаго (филантрописмъ XVIII стол.) не приносимаго въ жертву ограниченнымъ понятіямъ о религіи или односторонней народности. Какъ выраженіе этихъ понятій, Европейская литература преобразовала ихъ примиреніемъ классическаго духа древнихъ съ духомъ новыхъ народовъ, развитымъ подъ условіемъ обширнѣйшихъ религіозныхъ и общественныхъ понятій. Покоряясь классицисму, литература новыхъ народовъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ была важнымъ переходомъ къ сознанію и самобытности древняго міра и независимости новаго и наконецъ преобразовала необходимую связь древней цивилизаціи съ новой. Раздвинутый кругъ просвѣщенія, неподавляемаго религіознымъ авторитетомъ, возвышенныя хотя и абстрактныя понятія объ общественности открыли Европу взорамъ Словенъ не въ ея ограничивающихъ сознаніе признакахъ, но въ общихъ обнимающихъ все человѣчество опредѣленіяхъ. Толерантисмъ, освободивъ подавленныхъ Іезуи-

тисму Словенъ отъ неслыханныхъ гоненій на ихъ народность, открылъ просторъ ихъ дѣятельности; подвинулись Чехи, Хорваты, Далматы, Хорутане, Сербы (въ Венгріи) и Поляки; онъ облегчилъ Русскимъ сближеніе ихъ съ Европою. Эпоха возрожденія литературы Словенъ была вмѣстѣ эпохою высокаго просвѣщенія Европы. Съ чувствомъ, преисполненнымъ благодарности и удивленія повторяютъ Словене имена великихъ мужей, въ сознаніи которыхъ отразилась вся общность Европеисма, трудами, скажу болѣе, дивными подвигами которыхъ, уяснена народамъ великая мысль, уготовленная ихъ развитіемъ — мысль національной литературы. Не одни Русскіе гордятся своимъ Ломоносовымъ, нѣтъ, и у Чеховъ возникъ свой Крамеріусъ, этотъ по словамъ его благородныхъ соотечественникомъ sospitator et vindex linguae et literaturae Bohemae, и у Поляковъ Станиславъ Конарскій, выдвинувъ себя силою глубокаго убѣжденія изъ узъ самаго превратнаго образованія, открылъ, по словамъ Красицкаго, стезю, поросшую вѣковымъ невѣжествомъ, къ просвѣщенію, дерзнулъ быть просвѣщеннымъ (sapere ausus), и къ Сербамъ заговорилъ незабвенный Досиѳей Обрадовичъ на ихъ народномъ языкѣ *пора открыть очи ума!* преодолѣвъ свои и современниковъ предразсудки, взывалъ примѣромъ Петра Великаго *избавить себя отъ тиранства, глупости и варварства*, ихъ единоплеменники Далматы и Хорваты— подвинулись примѣромъ Максима Верховца и Катанчица и наконецъ, чтобы не упоминать о Лужичанахъ, племени совершенно безпомощномъ, и (Хорутанамъ) съ Япелемъ и Кумердіемъ возсіяла заря ихъ народности. Литература Словенъ

съ половины XVIII столѣтія, отражая въ себѣ примиреніе всеобщей идеи съ дѣйствительностію — такъ я позволю себѣ назвать Европеисмъ — должна была пройтти сквозь всѣ его моменты, чтобы выразить необходимую связь Словенскихъ народовъ съ Европейскими и, посредствомъ ихъ, съ древнимъ міромъ. Въ произведеніяхъ своихъ, болѣе или менѣе многочисленныхъ, Словене въ данной каждому племени возможности, доказали, какъ условія обще-человѣческаго просвѣщенія обратились въ условія ихъ народности, но и вмѣстѣ сознали необходимость извлечь изъ своей собственной индивидуальности обще-человѣческія начала. Языки народные, образуясь еще по чужимъ образцамъ, получили высокое свое развитіе; очищенные отъ чуждыхъ имъ стихій, они стали облекать самое разнообразное содержаніе, извлекаемое изъ условій обще-человѣческаго развитія. Поэзія еще безъ содержанія, болѣе абстрактивная, разнообразилась во всѣхъ возможныхъ формахъ. Проза явила образцы чистаго и правильнаго слога въ краснорѣчіи и у нѣкоторыхъ племенъ — въ исторіи. — Съ Карамзинымъ и Державинымъ у Русскихъ, съ Нарушевичемъ и Вороничемъ у Поляковъ, съ А. Юнгманомъ и Неіедлями у Чеховъ, съ Равникаромъ и Водникомъ у Хорутанъ, съ Давидовичемъ и Мушицкимъ у Сербовъ, съ Ѳомой Миклугличемъ, Титомъ Брезовачскимъ и Коротичемъ у Хорватовъ, съ Михаличемъ и Антониномъ Надь-ошъ у Далматовъ подражательная литература Словенъ, каждая въ въ своемъ кругѣ, описываемомъ данной общественностію и внѣшними обстоятельствами, достигла высшей степени своей кульминаціи.

Стремясь выразить обще-человѣческое въ литературѣ, Словене увеличили любовь къ своей народности. Съ романтисмомъ обратившимъ вниманіе Европейскихъ народовъ на ихъ внутреннюю жизнь, возбудившимъ въ нихъ потребность самобытныхъ литературъ, родилось и у Словенъ стремленіе добыть изъ своей жизни, прошедшей и современной, въ высшемъ или низшемъ общественномъ кругу самородныя стихіи своей литературы. Чувство народности, проникая болѣе и болѣе Словенъ, обращало ихъ во всю глубь ихъ жизни и заставляло искать обширнѣйшихъ опредѣленій ея въ Словенскомъ просвѣщеніи, озаряемомъ уже сознанною не въ противорѣчащихъ себѣ опредѣленіяхъ, но въ полномъ ея содержаніи — идеѣ христіанисма. Этимъ началась эпоха намъ современная. Въ ней Словене обратились къ народности, ограниченной кругомъ, даннымъ каждому племени и кажется болѣе и болѣе достигаютъ сознанія общаго всесловенскаго типа и неуничтожимой ни какими политическими и религіозными противорѣчіями, умственной взаимности. Поэзія, въ которой ярче отражается направленіе литературы, уже ознаменовалась великими явленіями, указывающими на грядущее значеніе Словенъ. Пушкинъ у Русскихъ, Мицкевичь у Поляковъ, Милютиновичь у Сербовъ, Казначичь у Далматовъ, Людевитъ-Гай у Хорватовъ, Воцель и Калларъ у Чеховъ, наконецъ Прешернъ у Хорутанъ сіяютъ яркими свѣтилами Словенской народности — предтечи Словенской взаимности. Слѣдуя за явленіями въ литературѣ Словенъ, выражавшей постепенное развитіе ихъ сознанія, въ слабомъ моемъ очеркѣ я обозначилъ главнѣйшія эпохи ея, начиная

отъ первой зари христіанскаго просвѣщенія до сознанія идеи въ цѣлостномъ ея опредѣленіи, до примиренія ея съ дѣйствительностію, до первыхъ моментовъ народности Словенской литературы.

Эти эпохи можно хронологически обозначить слѣдующими фактами:

1 эпоха отъ IX столѣтія т. е. отъ введенія христіанства и распространенія Словенскаго богослуженія до конца X столѣтія и даже до половины XI, когда Словене раздѣлились на Словенъ западнаго и Словенъ восточнаго исповѣданій.

2 эпоха отъ половины XI столѣтія, до начала XV т. е. до появленія Гусса у западныхъ Словенъ и первыхъ споровъ католицисма съ православіемъ, выраженнымъ въ литературѣ.

3 отъ начала XV столѣтія до 1620 года у западныхъ Словенъ т. е. до возобладанія Іезуитисма и 1634 года т. е. до основанія академіи Кіевской, съ которой началась у восточныхъ Словенъ ученость схоластическая, имѣвшая вліяніе не только на Русскихъ, но и на Сербовъ.

4 эпоха съ 1634 года до половины XVIII столѣтія, т. е. до появленія Ломоносова, Конарскаго, Япеля, Крамеріуса, Обрадовича и прочихъ.

5 отъ появленія великихъ двигателей Словенскаго слова до появленія романтисма.

6 эпоха намъ современная.

—

Главныя сочиненія, служившія руководствомъ при изложеніи 1-й и 2-й эпохъ литературы Словенъ:

1. Dobrowsky, Slavin, Botschaft aus Böhmen an alle Slavische Völker, herausgegeben v. W. Hanka, 1834, Prag.

Geschichte der Böhmischen Sprache und Litt. два изд. 1792 и 1818 г.

2. P. I. Safarik, Slowanske Starozitnosi, u Praze, 1837.

Sorbische Lesekörner etc., Pesth, 1833.

Uebersicht der vorzüglichsten schriftlichen Denkmäler älterer Zeiten bey den Serben und anderen Südslawen, Wiener Jahrb. d. Litt. T. 53.

3. Macieiowski, Pamietniki o dziejach, pismiennictwie i prawodawstwie Slowian, T. I и II, Warsz. 1839 г.

Historia prawodawstw Slowianskich, T. I и II, Warsz. 1832.

4. Kopitar, Glagolita Clozianus, Vindobonae, 1836.

5. Ian Kollar, Wyklad ku Slawy Dare, Pest, 1832.

6. Franz. Palacky, Würdigung der alten böhmischen Geschichtschreiber, Prag, 1830.

7. Z. Golembiowski, O dziejopisach polskich, ich wadach i zaletach, Warsz. 1826.

8. M. Wiszniewski, Historia literatury polskiej T. I и II, Krakow, 1840.

9. П. Строевъ, Хронологическое указаніе матеріаловъ отечественной литер. до начала XVIII стол. въ журн. мин. просв. 1834, февраль.

10. Калайдовичъ, Іоаннъ Ексархъ Болгарскій, Москва, 1824.

11. Максимовичъ, Исторія древней русской словесности, Кіевъ, 1840 г.

═

I ЭПОХА.

Отъ IX до X и даже до половины XI стол. Переходъ отъ натурализма къ христіанству. — Племена Словенскія. Словенское богослуженіе, письмена Словенскія. Переводъ священнаго Писанія. Памятники литературы. Исторія и поэзія этой эпохи.

Исторія встрѣчаетъ Словенъ въ то время, когда въ Европѣ все вниманіе ея поглощали два народа. Проникнутые вѣчною идеей и ведомые единствомъ ея къ политической цѣлости, Германцы и бѣдственное Византійское царство, жившее воспоминаніемъ Римскаго всемірнаго владычества, были главными дѣйствователями, для коихъ всѣ прочіе народы казались только орудіями предопредѣленнаго ихъ значенія въ будущемъ. Въ то время все житье-бытье, всѣ нравственныя движенія прочихъ народовъ ускользали отъ взоровъ лѣтописцевъ, занятыхъ гаданіемъ судьбы младенца—народа и дряхлаго исполина. И Словене, отброшенные на востокъ, покрытые киммерійскимъ мракомъ, запятнанные названіемъ Скиѳовъ и Гунновъ, обречены были, казалось, служить дополненіемъ исторіи двухъ націй, призванныхъ быть спутниками двухъ свѣтилъ, въ огнѣ которыхъ, какъ бы предопредѣлено было исчезнуть скудной индивидуальности враждебныхъ племенъ. Но въ этомъ родѣ таилась сила, возниканіе которой покажутъ будущіе вѣки; въ немъ лежала своя самоцвѣтная особность, которую не могли унич-

тожить столѣтія бѣдствій и неблагодарная мѣстность; въ немъ скрывался зародышъ новыхъ явленій, знаменующихъ все человѣчество. Могли дѣйствительно исчезнуть его виды, какъ исчезли безъ слѣдовъ многія Германскія племена, но этими жертвами приготовлена была судьба цѣлаго, какъ отъ слитья Германскихъ племенъ съ Романскими объяснилось значеніе рода Германскаго.

Тѣсные предѣлы настоящаго сочиненія не позволяютъ намъ войти въ подробное изслѣдованіе вопросовъ: что были Словене подъ исключительнымъ преобладаніемъ язычества? какими признаками знаменовался бытъ ихъ въ то время, когда они еще мало были отличаемы отъ постороннихъ народовъ? Историческая критика, безъ сомнѣнія, разкроетъ намъ существенное значеніе нашего рода въ вѣки перваго возниканія Европейскихъ народовъ. Ей предоставлено сдѣлать заключеніе о степени и успѣхахъ просвѣщенія въ до-христіанскія времена. Но литература, какъ свидѣтельство высшаго развитія Словенъ, должна только показать непосредственныя причины первыхъ ея явленій. Потому полагаю необходимымъ обратиться прямо къ главному предмету этой части моего опыта — къ переходу язычества въ христіанство, съ которымъ начинается письменность, и указать на двѣ противоположности, которыя условливаютъ проявленіе нравственной дѣятельности Словенъ.

Въ отдаленной древности, прежде всего являются передъ нами отдѣльныя племена, со всѣми климатическими и поч-

венными особенностями, со всѣмъ ихъ вліяніемъ на народы и начало ихъ новой жизни. Словене и христіанство, — вотъ данное, задача и вмѣстѣ противоположности, въ примиреніи которыхъ лежитъ вся сила, вся возможность будущаго ихъ развитія и будущихъ судебъ.

Сперва укажемъ на племена Словенскія, обращая вниманіе на введеніе христіанства у всякаго порознь и на судьбы ихъ, — чтобы впослѣдствіи отвѣчать на два важные вопроса: какое было отношеніе христіанства къ ихъ натурализму, и въ какомъ духѣ оно было у нихъ вводимо? Объяснивъ вкратцѣ эти задачи, — перейдемъ къ разсмотрѣнію литературныхъ явленій до половины XI столѣтія.

Всѣ племена Словенскія могутъ быть отнесены къ семи главнымъ, именно: къ Хорутанамъ; Булгарамъ; Сербамъ и Хорватамъ; Моравамъ, Чехамъ и Словакамъ; Вендамъ; Полякамъ и Русскимъ.

1) *Хорутане* (Виндо-Словене) поселились, вѣроятно, въ концѣ VI столѣтія въ странѣ, гдѣ сходились границы древняго Норика, Панноніи, Либурніи, Истріи и Карніи: они сперва зависѣли отъ Аваровъ и въ семъ положеніи распространились до предѣловъ нынѣшняго Тироля, такъ что западными ихъ границами были горы отъ источниковъ Дравы къ р. Зальцахъ, отсюда та же рѣка и рѣка Иннъ до Дуная, сѣверными же Дунай отъ Пассова до Вѣны (*Saf. Slov. Staroz. Cl. VI. § 35, стр. 688. 689*). — Въ началѣ VII столѣтія Хорутане принадлежали къ союзу Сама (627—662), при содѣйствіи

котораго освободились отъ ига Аварскаго (*ibid 691*). Съ тѣхъ поръ они вступаютъ въ борьбу съ Лонгобардами и Баварцами и, наконецъ, съ Франками. Уже въ 768 году Хорутане сдѣлались предметомъ политики Карла В. *ibid 694*. Марки довершили намѣреніе императора. Вся страна ихъ была раздѣлена на три части восточную (Ostmark), нынѣшнее Австрійское эрцгерц.; герцогство, хорутанское (Каринтія) и Словенское пограничіе, гдѣ нынѣ Крайна (Крайнъ) часть Каринтіи и часть Истріи. Въ началѣ X столѣтія, Угры овладѣли большею частію этой страны. — Христіанство у Виндо-Словенъ, по мнѣнію Мацѣевскаго, было издревле введено по греческому обряду и впослѣдствіи уже мало по малу превратилось въ католицисмъ. Мацѣевскій *Pamientn. o dziejach, pism. i prawod. Slowian T. I. st. 73.* На распространеніе христіанства имѣли вліяніе Аквилейскіе патріархи, колебавшіеся между Римомъ и Константинополемъ, и еще въ 1077 году названные папою Григоріемъ VII schismatici, *Maciei. ibid T. I st. 196* и Зальцбургскіе архіепископы, рѣшившіе перевѣсъ католицисма.

2) *Булгарскіе Словене* собственно суть племена, восторжествовавшія съ принятіемъ христіанства надъ Уральскими побѣдителями, Булгарами. Словене эти жили сперва на сѣверѣ отъ Дуная (вѣроятно еще въ первой половинѣ VI стол.) въ нынѣшней Молдавіи, Валахіи и южной Венгріи. Въ царствованіе Юстиніана они стали переходить въ Мэзію, въ 551, были остановлены въ этихъ переходахъ Аварами (съ 651), съ которыми вели тяжкую борьбу и не смотря на то уже въ 657 и 678 они назывались осѣдлыми на югѣ отъ Дуная (въ Мэзіи) *Saf. Sl. Star. Okr. II Cl. III. str. 563, 568, 569.* Изъ Мэзіи мало по малу распространились они въ Дарданіи, Македоніи и даже Греціи. *Ibid. стр. 552 и*

597. Съ 678 г. Словене эти подпали владычеству Булгаровъ *ibid. стр. 573*, отъ коихъ получили названіе. Съ тѣхъ поръ Булгары (т. е. побѣдители и побѣжденные) ведутъ безпрестанныя войны съ Греками. Крумъ въ 802 г. царствовалъ за Дунаемъ далеко внутри Венгріи. Борисъ въ 861 крещенъ. — Христіанство у Словенъ этихъ было искони, но съ половины IX стол. дѣлается господствующимъ, *ibid 588*. Имъ неутрализирована противоположность двухъ разнородныхъ племенъ. Сынъ Бориса, царь Симеонъ (892—929) ревностно трудился надъ просвѣщеніемъ и распространеніемъ письменности, *ibid 592*. Паденіе Булгарскаго царства началось съ половины X стол., во время походовъ Святослава Русскаго, имѣвшаго немаловажное въ ономъ участіе, довершено Василіемъ императоромъ, рѣшившимъ въ 1015 г. зависимость его отъ Византіи на $1\frac{1}{2}$ стол., до 1156. Самымъ важнымъ явленіемъ сего періода было распространеніе богомилисма (секты гностической), приготовившаго въ послѣдствіи умы къ магометанству. См. *Petri Siculi de Manichaies adv. Catharasp. 271 у Flathe Gesch. der Vorlaüfer der Reform. t. I. p. 217 и 352.* Съ 1186 по 1396 г. Булгарія, подкрѣпляемая Волохами, пользовалась независимостью, преимущественно подъ управленіемъ Азанидовъ. Азаниды боролись съ крестоносцами, признали на мгновеніе власть папы, усилили этимъ религіозныя секты и возвратились опять къ православію. Владычество Турковъ подавило всю самобытность Булгаріи. Скудная литературная дѣятельность прозябала только на сѣверѣ ея, въ Валахіи и Молдавіи.

3) *Сербы* и *Хорваты* (Кроаты). Поселеніе ихъ на югѣ отъ Дуная случилось вслѣдствіе нападенія Аваровъ на Греческую имперію. Императоръ Ираклій вызвалъ въ 640 Хорватовъ и Сербовъ, однихъ изъ Бѣлохробатіи, другихъ изъ Бѣлосербіи или Бои-

ки для защиты отъ Аваровъ. Оба племени послѣ нѣсколькихъ переходовъ поселились подъ предводительствомъ жупановъ въ странахъ отъ Дрины до Адріатическаго моря и оттуда уже распространились дальше. Сербы сперва зависѣли отъ Греческого императора; по смерти Ираклія сдѣлались свободными. Въ X стол. Сербія, кромѣ Діоклеи, подпала владычеству Булгаріи и вмѣстѣ съ Булгаріей, съ которой вела безпрестанныя войны, подпала въ началѣ XI стол. Византійской имперіи. *Saf. Slov. Star. Okr. II. Cl. IV. § 31, стр. 634.* Хорваты поселились въ Далматіи 634 г. Часть ихъ отдѣлилась отъ нихъ и заняла страны по рѣкѣ Кульпѣ, близъ Сиссека, такъ что образовались двѣ Хорватіи, Хорв. далматская и Посавская. Вскорѣ послѣ поселенія своего Хорваты свергнули иго зависимости отъ Грековъ. Въ IX столѣтіи они перешли подъ власть Франковъ, но въ 825 — 830 подъ предводительствомъ Порина возвратили свободу. *Saf. Slov. Star. Okr. II. Cl. II. § 35 стр. 665, 666, 669, 675.* Сербы и Хорваты приняли христіанство въ 640 г., впослѣдствіи оставили его, (а по мнѣнію Мацѣевскаго они не оставляли христіанства, но только отпали отъ Греческой имперіи (*Maciejow. Pamientn. str. 66*) и снова приняли вѣру Христову, первые въ 867, вторые около того же времени (830). Сербы и Хорваты, занимая все пространство Константиновой имперіи отъ предѣловъ Булгаріи (Тимока) до Адріятическаго моря, отъ Македоніи и Эпира, въ глубь которыхъ они проникли до Дуная и Кульны, представляютъ въ продолжительномъ періодѣ отъ X до конца XIV стол. самый разнообразный характеръ. Въ отношеніи религіозномъ, вся древняя (Далматская) Хорватія съ поморскими городами и вся Посавская Хорватія сдѣлались католическими, вся же нынѣшняя Сербія, часть Босніи и, впослѣдствіи переселившіеся на сѣверѣ отъ Дуная, Сербы - пра-

вославны. Въ политическомъ отношеніи Сербы съ концомъ X стол. подпавшіе вмѣстѣ съ Булгарами подъ власть Грековъ, долго боролись за свою независимость и, наконецъ, въ половинѣ XI стол. съ появленіемъ Нешаничей возвратили ее совершенно. Въ этомъ положеніи Сербія представляла союзъ многихъ областей, изъ коихъ *Раоція*, самая южная, была средоточіемъ власти Нешаничей. Одна изъ этихъ областей, Боснія, еще въ XII столѣтіи была предметомъ притязаній Венгерцевъ и властолюбія собственныхъ воеводъ, обратившихъ ее впослѣдствіи въ эфемерное королевство, подъ именемъ Рашы. Хорваты жили въ Далматіи по рѣкамъ Кульпѣ и Савѣ и въ городахъ поморскихъ. Далматія съ приморскими городами до конца XIV стол. была предметомъ властолюбія Венгерцевъ и Византійцевъ. Посавская Хорватія сдѣлавшись добычею Венгерцевъ, отнявшихъ ее у Византіи, является впослѣдствіи въ исторіи раздѣленною на два королевства, Кроатіи [нынѣ округи Kreuz, Varasdin, Загребъ (Agram)] — и Славоніи (нынѣ Сирмія Пошега и Вироче). Сербія, подъ независимыми царями дома Нешаничей, расширяла свои предѣлы далеко въ краи вышеописанные и наконецъ въ концѣ XIV и началѣ XV стол., подпала вмѣстѣ съ частію Далматской Хорватіи владычеству Турковъ. Послѣ церковнаго разрыва письменность кириловская сдѣлалась удѣломъ собственно Сербіи, глаголитская, нѣкогда въ большемъ употребленіи Иллирійскихъ Словенъ, была болѣе и болѣе ограничиваема и наконецъ осталась не болѣе какъ за сотней приходовъ Далматіи и Истріи. Hodiernus glagolitarum status ex amplissimo, restrictissimus, ex communi utrique ecclesiae nunc proprium catholicorum latinorum, ipsorumque olim longe plurium quam sint hodie. Copitar. Glagol. Clozi. VI. Послѣ продолжительнаго гоненія и на сей остатокъ Словенскаго богослуженія папа Иннокентій IV въ

1245 г. разрѣшилъ литургію по глаголитскимъ книгамъ. *Dobrov. Institutiones linguae Slavicae pag. VI.* И въ Босніи, какъ въ Булгаріи распространился богумилисмъ. Гоненія, которымъ подверглась эта ересь, были поводомъ отпаденія части Босняковъ къ исламисму. Cf. Innocentii epistola III, 3, apud Berquigny, Rehm. Gesch. d. Mittelalt. 2 Thl., 2 Abth., стр. 563—571. Соединяю эти два племени, потому — что между нынѣшнимъ языкомъ въ Далматіи, гдѣ прежде была Хорватія, и Сербскимъ почти нѣтъ никакого различія. Нынѣшній же Кроатскій языкъ въ округахъ Загребскомъ (Agram), Вараздинскомъ и Крижскомъ (Kreuz), есть собственно языкъ перехода (Uebergangssprache) отъ Сербскаго въ Хорутанскій (Виндо - Слов.). Нынѣ возникающая литература Хорватская можетъ быть, по моему мнѣнію, отнесена также къ Сербской.

4) *Моравы*, *Словаки* и *Чехи*. Въ половинѣ V стол. (451—495) Чехи поселились въ землѣ Маркомановъ (Bojoheim); въ одно время съ ними Моравы и Словаки распространились изъ Татранской (Карпатской) Бѣлохробатіи на югозападѣ до Дуная *Saf. Slov. Star. Okr. II. Cl. IX § 41 стр. 797.* Въ началѣ VII стол. три племени эти были въ союзѣ противъ Франковъ и Аваровъ, главою котораго былъ Само (627—662). *Моравы* и *Словаки*: въ началѣ IX стол. (803), Моравскіе князья признали власть Карла В., вслѣдствіе чего Моравы распространились далеко на западъ въ Аварскихъ владѣніяхъ, лишенныхъ во время воінъ съ Карломъ В. съ Аварами народонаселенія. Въ началѣ IX стол. первые слѣды христіанства, распространеннаго усиліями князя ихъ Моймира. Послѣ паденія Моймира Ростиславъ свергнулъ съ себя иго Франкское 855 и положилъ основаніе Велико-Моравскому государству. Во время Ростислава введено Словенское богослуже-

ніе. Въ 870 Ростиславъ, по наущенію Святополка, его племянника, схваченъ Нѣмцами и казненъ, вскорѣ однакожъ тотъ же Святополкъ довершилъ освобожденіе Моравовъ (872). Святополкъ господствовалъ начиная выше Кракова и Магдебурга Полябскаго до горы Матры и Дуная, *ibid. 804*. Великая Моравія пала подъ ударами Маджаровъ, вызванныхъ Арнульфомъ (888) противъ Святопулка. Смерть сего государя (894) и раздоры его сыновей способствовали сему паденію. Части сего государства перешли во власть Маджаровъ, Нѣмцовъ, Поляковъ и Чеховъ. — У Чеховъ въ VII стол. (695) господствовалъ Пршемышъ. Съ IX стол. Чехи вступили въ борьбу съ Франкской монархіей и состояли въ союзѣ съ Моравскимъ государствомъ, основаннымъ Ростиславомъ возвеличеннымъ Святопулкомъ. По вліянію сихъ владѣтелей христіанисмъ въ Чехіи, первые слѣды котораго уже видны 845 г. получилъ перевѣсъ. Борживой владыка Чешскій, крещенъ св. Меѳодіемъ 871 г. Послѣ паденія Велико-Моравскаго государства, сыновья Борживоя Спитигневъ и Вратиславъ добровольно предали себя подъ покровительство Нѣмецкой имперіи (895). Въ X стол. Вячеславъ обязался платить дань императору, и этимъ положено начало зависимости Чехіи отъ Германской имперіи. — Чехи въ ленной зависимости отъ императоровъ усилились въ царствованіе Болеслава II (967—999) и Бржетислава I (1025—1055) на счетъ падшаго Моравскаго государства и Польши. Подобно Ярославу Русскому Бржетиславъ издалъ *правду Чешскую* (justitia Bohemorum) и, подобно ему, раздѣлилъ княжество на удѣлы, опредѣливъ старшинство въ родѣ (Familienseniorat). Съ сего времени продолжались междоусобія удѣльныхъ князей до 1228, когда съ царствованія Пршемысля Оттонаря I. (1230) Чехія возведена была на степень королевства. Родъ Пршемыслидовъ пресѣкся

съ Пршемыслидомъ Оттокаремъ II, павшимъ въ сраженіи съ Рудольфомъ Габсбургскимъ (1278) и его внукомъ, убитымъ въ 1306. Послѣ непродолжительныхъ распрей, въ Чехіи воцарился домъ Люксембургскій съ Іоанномъ I. Сынъ его Карлъ IV, императоръ Германскій, поставилъ Чехію на высокой степени значенія въ Европѣ. — Соединяю Чеховъ, Моравовъ и Словаковъ въ отношеніи языка. Объ единствѣ Моравскаго и Чешскаго нарѣчій нѣтъ спора. Словацкое нарѣчіе нѣкоторые ученые отдѣляли отъ первыхъ двухъ и Шафарикъ сказалъ даже: prauda sice gest, ze rec Slowakuw od reic Morawanuw patrne se ruzni a zwlastnj nareci zaklada. Saf. Slow star. Okr. II. Cl. IX § 41, стр. 794. — Замѣчая однакожъ, какъ нынѣшніе литераторы Чешскіе стараются слить Словацкій съ Чешскимъ языкомъ, принимаю мнѣніе Добровскаго объ единствѣ ихъ: nimmt man auf die geringen Verschiedenheiten keine Rücksicht, so flieszt das alte Böhmische mit dem Slovakischen zu einer Mundart. Lehrgeb. der Böhm. Sprache, 1819, Prag, стр. V.

5) *Вендскія* племена относятся къ тремъ главнымъ: *Лютикамъ* или Велетамъ на сѣверѣ между Одеромъ, моремъ и Эльбою; къ *Бодричамъ* (Оботритамъ) на западъ отъ Лютиковъ, въ нынѣшнихъ Меклембургѣ и Гольштиніи; къ *Сербамъ*, въ нынѣшнихъ Лужицахъ и Саксоніи, примыкавшимъ съ запада къ Салѣ. Saf. Slov. star. Okr. II, Cl. IX. стр. 833. Ихъ исторія имѣетъ три главныя отдѣла: 1) Карловингскій, начавшійся борьбою Карла В. въ союзѣ съ Бодричами и Сербами противъ Лютиковъ, и кончившійся, съ ослабленіемъ династіи Карловингской, усиленіемъ Полябскихъ Словенъ, увеличеннымъ еще содѣйствіемъ Угровъ. Въ этомъ отдѣлѣ усилія Германцевъ ввести къ нимъ христіанство еще тщетны. Тогда однакожъ основано Гамбургское

архіепископство и получаютъ свое начало Марки на югѣ и западѣ Полябскихъ Словенъ, которые вскорѣ оказываются вѣрными своему назначенію. II отдѣлъ Саксонскій до Генриха II. Борьба Германцевъ съ Полябскими Словенами приняла религіозное значеніе. Возстанія Словенъ преимущественно имѣли поводомъ насильное введеніе христіанства. Генрихъ I. и Оттоны основали болѣе 6 марокъ и епископства въ Старградѣ, Гавельбергѣ, Бранниборѣ, архіепископства въ Магдебургѣ, Мезиборскѣ, Жичѣ (Naumburg) и въ Миснѣ (Meissen). III Отдѣлъ. Съ царствованія Генриха II до половины XII стол. страны эти сдѣлались позорищемъ междоусобій князей туземныхъ, принявшихъ, по вліянію Германцевъ, христіанство и защищавшихъ язычество. Эти распри открыли свободный путь интригамъ маркграфовъ, Датскихъ и Нѣмецкихъ владѣтелей. Бодричей сразилъ совершенно Гейнрихъ Левъ въ 1160. Словене Лютики пали подъ ударами мощнаго Альберта Медвѣдя 1136—1137. Отдѣльныя племена были покоряемы и истребляемы маркграфами Мисенскими. Одни Словене Лужицкіе (въ Lausitz'ѣ), потомки древнихъ народовъ Сербовъ и Мильчаковъ (Saf. Slov. star. Okr. II. Cl. IX. § 44. стр. 911 — находясь то въ союзѣ, то во власти Чеховъ и Поляковъ въ X и XI стол. приняли посредствомъ ихъ христіанство и сохранили такимъ образомъ языкъ и скудную особность свою до сихъ поръ. — Среди раздоровъ и войнъ отдѣльные народы развили свою политическую жизнь до значительной степени совершенства. Особенно Лютики или Велеты, отъ V по XI столѣтіе, знамениты были своимъ гражданскимъ бытомъ. Ихъ поморскіе города процвѣтали промышленностію, торговлею, слѣдствіемъ чего было, изобиліе, богатство; въ ихъ храмахъ сохранялись сокровища общественныя и частныхъ лицъ, которыя своей значительностію возбуждали удивленіе. Богослуженіе и об-

щественный порядокъ соблюдались у нихъ съ большимъ тщаніемъ и въ большемъ совершенствѣ, чѣмъ у другихъ Словенъ. Это доказываетъ чрезвычайную, судя по времени, степень гражданскаго развитія, которой достигли Велеты, подвергнувшіеся впрочемъ осужденію Нѣмецкихъ историковъ, за то, что защищали свободу свою и народность съ такимъ непреклоннымъ мужествомъ до послѣдняго издыханія. Saf. Slov. star. Okr. II. Cl. II. § 4. стр. 887. — Изъ Лютиковъ преимущественно ознаменовали себя въ исторіи Словенъ Раны (Ругійцы), Волинцы (въ Волинѣ т. е. Винстѣ или Юлинѣ), Ратары (Редаріи). — Изъ Сербовъ Кильчане. Доказательство вышесказаннаго можно найти въ Hist. Eccles. c. XII. Адама Бременскаго срв. Dobrov. Gesch. der böhm. Sprache w. Lit. Prag. 1792. стр. 66. Осмѣлюсь прибавить, что у Лютиковъ первыхъ, кажется, возникла мысль союза городовъ (Hansаюзъ, узъ) см. Lützow Gesch. v. Mecklenb. стр. 134. Но понятіе гражданскаго порядка подъ условіемъ непосредственной религіи не спасло эти народы. Частность цѣли въ ихъ союзѣ была слишкомъ часто нарушаема себялюбивымъ чувствомъ независимости и завистью чужеземцовъ, присвоившихъ себѣ, возбуждая эгоисмъ индивидуальный противъ всеобщей пользы, все достояніе народовъ Полябскихъ. Весь перевѣсъ Нѣмцовъ состоялъ въ чувствѣ единства, внушеннаго имъ христіанствомъ.

6) *Поляки*, *Ляхи*, вѣроятно, одного племени съ Полябскими Словенами, до половины IX стол. раздроблялись на мелкіе народы подъ независимыми князьями. Земовитъ, сынъ Пяста, изъ племени Поляновъ, первый соединилъ враждебные народы. Правнукъ его Мечиславъ (931—992), господствовавшій въ великой Польшѣ, присоединилъ къ ней часть великой Моравіи т. е. малую Польшу съ Кра-

ковомъ. Тотъ же Мечиславъ распространилъ христіанство. Побѣжденный макграфомъ Геро въ 693, вошелъ онъ въ ленную зависимость отъ Нѣмецкихъ императоровъ не со всѣмъ однакожъ княжествомъ, но съ частію его на западъ отъ рѣки Варты. Болеславъ храбрый или Великій (992—1025) знаменитъ своими побѣдами и принятіемъ королевскаго достоинства (1000—1025). Христіанство въ Польшѣ, судя по отношеніямъ ея къ великой Моравіи, къ которой малая Польша и Силезія принадлежали, вѣроятно, введено еще въ IV стол. Мечиславъ крещенъ Чешскимъ духовнымъ Боговидомъ. Чешскій миссіонеръ Войтехъ (Адалбертъ) (995—996) и его братъ, равно какъ и вообще Чехи принимали главное участіе въ распространеніи христіанства. Словенское богослуженіе замѣчается въ Польщѣ еще въ XI стол. см. P. Piaseeki, Chronica, Cracov. 1645 f. p. 41. Saf. Slov. star. Okr. II. Cl. VII. §. 37 стр. 738. Возвеличенная Болеславомъ великимъ, Польша подпала послѣ смерти Мечислава II. внутреннимъ междоусобіямъ (по поводу католицисма)? уничтоженнымъ Казимиромъ Ресторврàторомъ. Со смертію внука его Болеслава III (1139) Польша сдѣлалась жертвой раздоровъ удѣльныхъ князей, воевавшихъ другъ противъ друга за право старшинства. Единодержавіе, подобно какъ на Руси, перешло къ младшей линіи въ лицѣ Владислава Локетка. Съ 1300 удѣлы постепенно входятъ въ союзъ Польскаго королевства, кромѣ Силезіи, отпавшей на всегда отъ Польши. Казимиръ В. и Ядвига, 1399, были послѣдніе изъ рода Пястовъ.

7) *Русскіе Словене.* Безчисленные народы сего племени жили въ обширнѣйшихъ предѣлахъ, начиная съ береговъ Ладожскаго озера, верховьевъ Волги, по Окѣ, Дону, до Сосны, отсюда по Донцу и Орлѣ до Днѣпра и по равнинамъ Днѣпровскимъ къ

устью Бгра, отсюда берегомъ Чернаго моря до устья Дуная, дальше по Серету на сѣверозападъ по направленію Татръ (Карпатскихъ)? и Донца, достигая верховьевъ Вислы и Буга, по Вепру до впаденія Нурка и наконецъ на востокъ мимо Ятвяговъ и Литвы до Двины; мимо Чуди до Ильменя и Ладоги. Saf. Slov. star. Okr. II. Cl. I. § 27, стр. 485. Отъ подчиненности Уральскимъ насильникамъ однихъ племенъ и внутреннихъ раздоровъ другихъ, всѣ Словене Русскіе перешли во власть Варяжскихъ князей въ IX и X стол. (862, 883 и 964). Еще въ IX стол. возникаетъ у нихъ христіанство *ibid.* стр. 506, распространенное въ X (988) св. Владиміромъ. И здѣсь какъ у Булгарскихъ Словенъ христіанство неутрализировало противоположности двухъ племенъ, Варяговъ и Словенъ. Съ половины IX стол., Русскіе Словене сдѣлались жертвою удѣльной системы, въ 1227 г. подверглись владычеству Монголовъ. Съ сего времени Русь раздѣлилась на восточную и западную. Часть западной Руси, Галиція перешла въ XIII столѣтіи къ Польшѣ, остальная часть присоединена къ Литвѣ и вмѣстѣ съ ней вошла въ концѣ XIV столѣтія въ составъ Польскаго королевства. Сѣверная Русь, сосредоточившись сперва во Владиміръ на Клязмѣ, превратилась мало по малу въ самобытное и независимое Московское государство.

Племена эти, мало замѣчаемыя исторіей, рѣзко отличались отъ прочихъ поселенцовъ восточной Европы. Среди кочевыхъ народовъ, они любили мирную осѣдлость, на почвѣ и въ климатѣ, гдѣ доселѣ цѣпенѣла нравственная дѣятельность человѣка, они были трудолюбивы, знали промышленность и торговлю, подъ вліяніемъ сѣвернаго многобожія и безнадежныхъ вѣрованій востока, они постигали

единаго, окружали его силами, но неравносильными божествами.

Saf. Slov. Star. Okr. I. Cl. V. стр. 435. Колларъ Wyklad ku Slawy Deere, изд. 1832, стр. 89, 90, 219, 272. Ученые большею частію согласны нынѣ въ томъ, что миѳологія Словенская основана на единобожіи. Это мнѣніе основано на свидѣтельствѣ Прокопія Strit. Memor. popul. T. II стр. 28 § 17 ч. 10. Sclavini unum Deum, fulguris effectorem, dominum hujus universi solum agnoscunt eique boves et cujusque generis hostias immolant, praeterea fluvios colunt et nymphas et alia quaedam numina. И Гельмольда Chron. Slav. LI. стр. 53. Macieio. Pamient. do dz. и т. д. стр. 103. Лелевель примѣч. къ ист. Ваги изд. 1824. стр. 67 и 73. Изслѣдованія о вліяніи чужой миѳологіи на Словенскую приводятъ къ тому результату, что многія божества, почитаемыя Словенскими, собственно суть или арійскія, у Русскихъ Словенъ (Хорсъ-Корешъ, Симъ-Asima, Реглъ-Ἐργε λ. кн. царст. IV. 17, 30, Мокошъ-Астарта? см. донесеніе Прейса въ Жур. мин. просв. 1841, февр. стр. 37, 39, 40, 42) или Литовскія, Чудскія и и Скандинавскія, какъ у Вендовъ Saf. Slov. Star. Okr. II. Cl. IY. стр. 992. Мнѣнія о дуалисмѣ миѳологіи Словенской, принято Вишневскимъ въ его Histor. lit. polskiej T. I. 272. срв. Шафарика, изображеніе Чернобога перев. Прейса нъ Журн. мин. просвѣщ. май, стр. 18. Grimm, Deutsche Mythologie, 1835. г. стр. 549, прим. 2 der Slauische Glaube stellt einen weissen und schwarzen Gott auf, dieser dualismus scheint mir aber weder durchdringend noch ursprünglich.

На такой степени природнаго развитія нѣтъ сомнѣнія, что христіанство могло имѣть легкій доступъ къ сердцамъ

народовъ, гостепріимныхъ для чужихъ вѣроисповѣданій, ожидавшихъ только призванія, чтобы примириться со всеобщею идеей, и исторія представляетъ намъ множество примѣровъ добровольнаго принятія христіанства племенами Словенскими.

См. Macieiow. Pamientn. do dziej. pism. i praw. Slow. T. I, стр. 61. Odkad Chrzescianstwo ludom objawione bylo, juz i przodkowie nasi byli jego zwolennikami. О христ. у Булгарск. Слов. *ibid.* 62, у Сербовъ и Хорватовъ *ibid.* 67, у Хорутанъ *ibid.* 73 и 75, у велико-Моравовъ, Чеховъ и мало-Поляновъ и вообще въ Польшѣ *ibid.* стр. 148, 150, 165, 171. О политическихъ видахъ Герман. импер. подъ предлогомъ христіанства *ibid.* 58 и 59.

Объясненіе сего явленія лежитъ въ самомъ природномъ характерѣ Словенъ, достигшихъ убѣжденія въ необходимости высшаго начала, носившихъ возможность уничтоженіемъ конечнаго поставить себѣ задачей всеобщую идею. Непосредственныя сношенія съ Греціей усилили сію необходимость, и мы можемъ утверждать, послѣ изслѣдованій новѣйшихъ ученыхъ, что христіанство само собою т. е. безъ насильнаго внесенія, зародившись у Словенъ, обхватило бы всѣ племена, если бы явленіе, давшее новое направленіе европейской исторіи, не остановило Словенъ въ ихъ сознаніи всеобщей идеи, еслибъ Франкскій императоръ не препоясалъ своего оружія въ защиту Римской церкви. Съ тѣхъ поръ какъ католицисмъ сталъ притязать на всемірное господство, видимъ мы сильное противорѣчіе Словенъ христіанству въ

духѣ Римскаго папы. Съ этихъ поръ настала борьба, слѣдствіемъ которой было уничтоженіе многихъ племенъ, опасавшихся вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, признать власть защитниковъ его. Такимъ только образомъ натуралисмъ Словенъ, бывъ проводникомъ христіанства, отталкивалъ его. Это противоположность двухъ явленій, свободнаго сознанія идеи и насильственнаго ея внесенія. Въ ней погибли многіе виды Словенскаго рода, Полябскія племена, за исключеніемъ Лужичанъ, пали жертвой ея, они не хотѣли признать идеи, исторгавшей у нихъ всю индивидуальность. Другіе удержали свою особность, хотя могли потерять свою независимость. Причины сему находятъ въ томъ, что когда возникло раздѣленіе церквей, эти послѣдніе были уже знакомы съ христіанствомъ; слѣдовательно рѣшеніе вопроса: какой церкви должны принадлежать тѣ или другія племена? не могло касаться лишенія ихъ особности, внесеніемъ новаго начала, но только направленія, которому должно было подчиниться его данное уже содержаніе. Въ эпохѣ перехода отъ натуралисма къ христіанству т. е. начиная съ IX, въ X и даже въ половинѣ XI стол. обращаетъ вниманіе наше сознаніе христіанства, свободно проявленное въ Словенскомъ богослуженіи. Словенское богослуженіе, можно теперь утвердительно сказать, до конца X стол. и даже до половины XI соединяло всѣхъ Словенъ просвѣщенныхъ христіанствомъ. Оно есть непосредственное возведеніе сознанія идеи до выраженія ея словомъ. *Словенамъ живущимъ крещенымъ Кириллъ и Меѳодій преложиста священное Писаніе, говоритъ Несторъ.* Соф. Врем. т. I, стр. 18, и этимъ доказываетъ необходимость явленія

въ слѣдствіе перваго условія, предварительнаго знакомства съ христіанствомъ. Это Словенское богослуженіе было дѣйствительно необходимымъ послѣдствіемъ свободнаго распространенія христіанства. Оно идетъ по слѣдамъ его. Гдѣ только замѣчаемъ водворенное христіанство, тутъ и признаки Словенскаго богослуженія. Борьба, которую вели папы и императоры съ Словенами, не была только направлена противъ язычества, — она имѣла цѣлью подавить, уничтожить явленія самобытнаго существованія Словенскаго богослуженія. Это мы видимъ у Чеховъ, гдѣ до конца XI столѣтія были дѣлаемы тщетныя усилія удержать Словенскій языкъ въ богослуженіи и даже въ Польшѣ, гдѣ, по мнѣнію Мацѣевскаго, христіанство распространялось исключительно въ духѣ Словенскаго богослуженія духовными, посвященными св. Меѳодіемъ, оно было наконецъ у поадріатическихъ Словенъ и Хорутанъ (Виндо-Слов.), гдѣ изобрѣтена была глаголитская азбука и гдѣ появленіе Меѳодія заставило удалиться недовольныхъ Нѣмцевъ-монаховъ.

У Чеховъ еще до конца XI стол. существовалъ монастырь, основанный св. Прокопіемъ въ 1030 году, гдѣ совершали литургію по Словенски, и одно куда монахи были часто изгоняемы, какъ per slavonicas litteras haereses secta irretiti. Виновникомъ совершеннаго изгнанія ихъ былъ папа Григорій VII, называвшій усилія Вратислава князя Чешскаго удержать Словенское богослуженіе дерзостію, temeritatem, по той причинѣ, что: omnipotenti Deo placuisse esse quibusdam locis occultam sacram scripturam, nisi ad liquidum cunctis pateret forte vilesceret et subjaceret despectui, aut praue intellecta a mediocribus in

errorem induceret. Dobrow. Gesch. d. böhm. Sprache und Litt. 1796 г. стр. 41. Po smierci Borzywoja panujacy ksiazeta nieprzerwanie wyznawali w Czechach slowianski obrzadek. dopiero za panowania praprawnuka Borzywoja, obrzadek lacinski uznawano za panujacy i mimo to istnial i tak ieszcze w czeskiej krainie slowianski obrzadek obok lacinskiego obrzadku. Maciejow. pamient. т. I, стр. 125. О Словенскомъ богослуженіи въ Польшѣ Maciejow. ibid стр. 136: do nas (do Polski) dopiero w drugiej polowie X wieku podobnie jak do innych slowianskich ludow weiskaé sie zaczal lacinski obrzadek, miejsce slowianskiego zajawszy. срв. стр. 148, 150, 164, 171 и стр. 156, гдѣ сказано: nie insze chrzescianstwo lecz slowianskiego obrzadku istnialo u nas az do czasu traktatu gnieznienskiego (1000 год.), lub jak mowilem wyzej i obrzadek lacinski obok slowianskiego mial miejsce w panstwie Mieczyslawa, rowniez jak slady obrzadku slowianskiego u nas byly i po traktacie gnieznienskim, az wreszcie lacinski obrzadek nad slowianskim gore wzial zupelnie. Wiszniewski Hist. lit. polsk. t. I. стр. 288. У Далматовъ Словенское богослуженіе подавлено было въ 1059 г. Mac. ibid. стр. 117. Оно было у Хорутанъ, у коихъ глаголитская и Кирилловская письменности были въ равномъ употребленіи. См. Anonymi Salisburg. A. 870 Histor. Conv. Carantanorum, въ Копитаря Glagol. Cloz. стр. LXXIV, и § XV, стр. XIV и XXXII.

Общимъ результатомъ сказаннаго есть то, что христіанство не находило сопротивленія въ сердцахъ Словенъ въ ихъ природномъ положеніи. Только желая отвратить насильное покореніе началу, развиваемому Римской церковью, при содѣйствіи Римскихъ императоровъ, они оставались при своемъ язычествѣ. Слѣдствіемъ самобытнаго развитія христіанства, было Словенское богослуженіе: здѣсь начало литературы. Оно

обнимало всѣ племена, принявшія христіанство независимо отъ вліянія запада, слѣдовательно, оно есть выраженіе общаго сознанія, проявленнаго въ словѣ. Гдѣ оно сперва созрѣло? гдѣ пробудилась первая его потребность? это вопросъ, рѣшеніе котораго вовсе не опровергаетъ положенія нынѣ болѣе и болѣе оправдываемаго, что Словенское богослуженіе было удѣломъ всѣхъ Словенъ крещеныхъ. Что касается до вопроса: когда и гдѣ возникала Словенская письменность? то, говоря самымъ общимъ образомъ, она получила начало тамъ, гдѣ индивидуальность Словенъ еще не была помрачена чуждымъ вліяніемъ, и тогда, когда еще не рѣшена была участь ни одного племени Словенскаго, именно въ половинѣ IX столѣтія.

У какого именно племени письменность Словенская, а съ ней Словенское богослуженіе возникли, ученые по сю пору не согласны. По мнѣнію Востокова (Словенскіе памятники, изданные Кеппеномъ Санктпетерб. 1827, стр. 27 и Шафарика Slov. star. Okr. II. Cl. IX § 41 стр. 814, она возникла у Булгаръ; это основывается: 1) на словахъ монаха Храбра и нѣкоторыхъ лѣтописцевъ; Saf. Slov. star. Okr. II, Cl. IX, § 41, стр. 814; 2) на томъ, что письмена составлены по начертанію Греческихъ и это возможно было въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Греціей; ibid. 815. 3) на свидѣтельствѣ Іоанна Экзарха Булгарскаго и 4) многихъ легендъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ, св. Людмилѣ, епископѣ Климентѣ и проч. ibid. 816 и 817. 5) Это мнѣніе основывается еще на особенностяхъ языка и именно звукѣ *жд*, свойственномъ Булгарскому нарѣчію, и словахъ Финскихъ и Готскихъ, ibid. 819; такъ же на распространеніи въ древнія времена Булгарскаго нарѣ-

чія далеко на сѣверѣ отъ Дуная и на югѣ въ Македонію и Ѳракію, ibid. 823. Шафарикъ заключаетъ наконецъ такъ: ne z Morawy do Bulhar, nybrz z Bulhar do Morawy, prerozenau cestau, serila se liturgie slowanska, ibid 818. По мнѣнію Копитаря (Glagol. Cloz. стр. LIX) и Гримма (Serbische Gram. Vorrede стр. VIII) Словенская письменность получила начало въ Панноніи, у Хорутанъ (Виндо-Словенъ). Всѣ доводы, подкрѣпляющіе это мнѣніе, можно будетъ, мнѣ кажется, изложить такъ: А) Со стороны языка, оно доказывается 1) тѣмъ, что такъ какъ рк. св. пис. исподоволь измѣнились въ языкѣ, смотря потому гдѣ были употребляемы, то могло случиться, что Хорутанскія (Виндо-Ссов.) рк., перешедъ впослѣдствіи къ Булгарамъ, перемѣнились въ языкѣ также, какъ эти измѣнились на Руси. О таковомъ переходѣ ркп. мы хотя и не имѣемъ совершенныхъ свидѣтельствъ, какъ не имѣемъ ихъ о томъ, какими путями они переходили отъ Булгаръ къ Русскимъ Словенамъ, но имѣемъ однакожъ свидѣтельства, ясно доказывающія измѣненіе языка (см. приписку къ Святославу сборнику въ вѣст. Еврп. 1823, № 16 ст. 99 и 105, и приписку къ Тріоду начала XIV ст. жур. мин. прос. 1836, сентября, стран. 537), слѣдственно, языкъ Ц. С. измѣняясь могъ удалиться отъ яз. Хорутанъ (Виндо-Слов.), не потерялъ однакожъ признаковъ, сближавшихъ его съ послѣднимъ. 2) Если ринезмъ дѣйствительно существовалъ въ Ц. Словенскомъ языкѣ, то этимъ свойствомъ онъ сходствуетъ съ Хорутанскимъ (В. Слов.), въ древнѣйшемъ памятникѣ котораго, Фрейзингенской рукописи, весьма примѣтенъ его слѣдъ. 3) Встрѣчаемыя слова верхне-Нѣмецкаго языка (d. Hochdeutsch) могутъ быть отнесены къ языку, находившемуся въ сосѣдствѣ съ нимъ, именно къ языку Хорутанскому (В. Слов.) 4) Если глаголитская азбука, которой древность нынѣ не подлежитъ сомнѣнію была изоб-

рѣтена въ Истріи, или по-крайней-мѣрѣ оттуда распространялась, то она должна относиться къ Хорутанамъ, слѣдовательно была возможность возникнуть здѣсь письменности. См. Glag. Cloz. стр. X. 5) Свойства настоящаго нарѣчія Хорутанъ (Вин. Сл. ближе чѣмъ Сербскаго и Булгарскаго подходятъ къ свойствамъ Ц. Слов. В) Изъ исторіи мы знаемъ, что Словене въ Булгаріи возъимѣли перевѣсъ только со времени принятія христіанства самими побѣдителями, т. е. въ половинѣ IX стол., между тѣмъ какъ самобытность Хорутанъ (Виндо-Слов.), продолжавшаяся съ VIII до начала IX стол., нѣкоторыхъ же племенъ ихъ до начала X стол., была залогомъ самобытности распространенія просвѣщенія. 2) Христіанство у Хорутанъ (Виндо-Слов.) распростанилось еще раньше, чѣмъ у Булгаръ, чрезъ вліяніе Аквилейскихъ патріарховъ. 3) По свидѣтельству Зальцбургской лѣтописи, Меѳодій дѣйствовалъ въ Карантаніи, а по свидѣтельству Нестора, въ *Моравѣ*, относимой, по всей справедливости, къ краю, гдѣ нынѣ Хорутане (Виндо-Слов.).

Первымъ моментомъ сознанія Словенъ, стремившихся поставить жизнь свою въ независимомъ развитіи отъ вліянія чужеземныхъ народовъ, былъ переводъ священнаго Писанія. Это безсмертный памятникъ самобытныхъ усилій, уяснить себѣ вѣрованіе свое посредствомъ вразумительнаго слова. Съ нимъ вмѣстѣ начинается письменность Словенская, до сего времени слабо прозябавшая.

У Словенъ до изобрѣтенія кирилловскаго и глаголитскаго письменъ были руны: см. изображеніе Чернобога въ Бамбергѣ. Жур. мин. просв. 1838, май, и Кухарскаго письмо въ Dziennik'ѣ powszechn. 1829 г.,

прибавленіе къ N° 23 о рунической надписи на шлемахъ, найденныхъ въ исторіи между Плуемъ (Pettau) и Радгонемъ (Radkersberg), см. Wiszn. Hist. Lit. Polskiej т. I. стр. 167 прим. 7, и монаха Храбра о письменахъ Словенъ въ Калайдович. Іоаннъ Экзархъ Болгар. стр. 88.

Письменность эта обнаружилась въ двухъ начертаніяхъ глаголитскомъ, составленномъ будто бы св. Іеронимомъ, и кирилловскомъ, прозванномъ отъ имени св. Кирилла, изобрѣтеніе которыхъ относятъ къ IX стол. Обѣ азбуки полнотою своею обнимаютъ всѣ звуки Словенскаго языка, и обѣ были издревле въ одинаковомъ употребленіи.

Сомнѣнія Добровскаго въ древности глаголиты оказываются несправедливыми; но не рѣшено, которая изъ двухъ азбукъ древнѣе. Копитаръ почитая глаголитскій алфавитъ «olim communi jure cis Danubium cum cyrilliano dominatum, Glag. Cloz. стр. X столб. 2, предлагаетъ два предположенія, либо глаголитская азбука древнѣе кирилловской, либо она изобрѣтена самымъ же Меѳодіемъ. Quid siquis dicat, glagoliticum alphabetum fuisse inventum ante s. Cyrillum, sed nondum adhibitum ad sacra, Cyrillum autem et Methodium pannonicam linguam adhibuisse ad sacra, eamque scripsisse charactere graeco, assumtis e veteriore glagolitico nonnullis signis, aut quid si ipse postea Methodius ad vitandam graecizantis alphabeti Cyrilliani inter Latinos invidiam, glagolitici auctor exstiterit. Glagol. Cloz. стр. X столб. 2.

Переводъ священнаго Писанія совершенъ былъ Меѳодіемъ, уроженцемъ Солунскимъ, призваннымъ князьями Ко-

целомъ и Ростиславомъ и пребывавшимъ у Словенъ, имъ подвластныхъ, 22 года. Отсюда перешелъ онъ ко всѣмъ Словенамъ двумя путями, на сѣверъ въ Чехію и малую Польшу, составлявшія тогда велико-Моравское государство, на югъ къ Булгарскимъ Словенамъ, уравненнымъ въ сіе время съ иноплеменными побѣдителями, къ Сербамъ и наконецъ къ Русскимъ.

Кириллу приписываютъ изобрѣтеніе письменъ и много-много начало перевода чтеній Евангелія. Saf. Slov. star. Okr. II, Cl. IX, § 29, стран. 588, Меѳодію же исключительно принадлежитъ довершеніе всего перевода. Многіе ученые разумѣютъ подъ переводомъ св. книгъ, переводъ всѣхъ богослужебныхъ и всѣхъ библейскихъ книгъ; судя однакожъ по оставшимся памятникамъ, нельзя не согласиться съ Добровскимъ, полагавшимъ переводъ нѣкоторыхъ только нужнѣйшихъ. Si vero quaeras quos in specie libros graecos e graeca lingua in slavicam transtulerint, non facile reperias testem idoneum, qui accuratius nos de hac re doceat. Nestoris verba non de integro novo testamento, sed de Evangeliis, Actis et Epistolis, minime vero de Apocalypsi intelligenda sunt. E vetere testamento praeter psalterium, cujus semper maximus fuit usus, certe vix aliud, quam paucae lectiones e quibusdam libris a Cyrillo aut Methodio seculo nono conversae. Inst. lingu. Slav. стр. VII, VIII. Шафарикъ простираетъ этотъ переводъ на многія богослужебныя книги. Saf. Slov. star. Okr. II, Cl. IX, § 41, стр. 841: ср. Прологъ XIII стол. въ Калайд. Іоаннъ Экзархъ Болг. стр. 90 прим. 10.

Съ нимъ вмѣстѣ утвердилось господство одного нарѣчія, нынѣ называемаго церковно-Словенскимъ, употребленіемъ

котораго соединены были всѣ, принявшія христіанство, племена. Но усилія развить литературу Словенскую въ духѣ Словенскаго богослуженія достигли высшей своей степени у Булгаръ, принятіемъ христіанства слившихся въ одну цѣлость и достигшихъ, въ X столѣтіи, высокаго значенія въ ряду Словенскихъ народовъ. Здѣсь въ это время Словенская литература нашла убѣжище отъ преслѣдованій Нѣмцевъ, усиливавшихся уничтожить велико-Моравское государство, отъ варварскихъ набѣговъ Угровъ, отнимавшихъ у союзниковъ велико-Моравскаго государства все ихъ достояніе: здѣсь благочестивые цари возлелеяли ее для будущихъ воспріемниковъ ея Сербовъ и Русскихъ.

Древнѣйшіе памятники церковно-Словенскіе почитаются обыкновенно Булгарскими. Церковно-Словенская литература поддерживалась тамъ въ X стол. духовными, бѣжавшими отъ преслѣдованія Нѣмцевъ изъ великой Моравіи въ Булгарію, подъ покровительство царя Симеона, Гораздомъ, Климентомъ, Вавржицемъ (Лаврентій), Наумомъ, Ангеляромъ, упоминаемыми въ жизнеописаніи св. Климента ст. 121—124. Saf. Slov. star. Okr. II, Cl. IX, § 41, стр. 813. Изъ Булгарскихъ писателей извѣстны епископъ Константинъ и монахъ Григорій. Калайдовичь и Шафарикъ относятъ Іоанна Экзарха Болгарскаго къ X столѣтію, Копитарь же и Строевъ, кажется, справедливѣе полагаютъ его въ XII столѣтіи. См. Wiener Iahrb. der Litt. 45 кн. стр. 138 и Журн. мин. просв. 1834, февраль, стр. 152, § 6.

Произведенія литературы церковно-Словенской ограничившись преимущественно переводами нужнѣйшихъ твореній,

уясняющихъ главную идею христіанства, какъ то: проповѣдей, богослужебныхъ книгъ, краткихъ статей разныхъ содержаній; оригинальныя сочиненія, кромѣ небольшихъ прибавленій къ проповѣдямъ, доселѣ не открыты.

Древнѣйшіе памятники письменности до полов. XI столѣтія суть:

1) Евангеліе Остромірово 1057 года. Собст. Чтенія изъ Еванг.

2) Псалтирь XI стол. Им. пуб. биб. Кеппена Биб. лист. 263.

3) Замѣчательно, что бесѣды Златоустовы были переводимы съ самаго IX стол.; изъ нихъ Симеонъ царь Булгарскій составилъ Сборникъ, названный златоструй. Остатки перевода словъ Златоустаго, найдены Палацкимъ въ Латинской ркп. IX ст. Saf. Slov. star. стр. 948.

4) Житіе Святыхъ отъ 4 до 31 марта и бесѣды Іоанна Златоуста на разныя св. дни со включеніемъ одного слова Епифанія и одного Фотіева XI ст. см. Кеппена Биб. лист. N° 14.

5) Златоустовы и Епифаніевы слова XI стол. писанныя глаголит. буквами и изданы Копитаремъ въ его Glagolita Clozi. Vindob. 1836.

6) Житіе св. Кондрата, X или XI стол. у г. Погодина.

7) 13 словъ Григорія Назіанзина (богослова) писанныхъ въ XI стол. Кеппена Биб. лист. N° 7. Сюда такъ-же относятъ переводъ Пандекта монаха

Антіоха XI стол. Іоанна экс. Бол. Калайд. стр. 12 пр. 31.

8) Два сборника XI стол. писаны съ гораздо древнѣйшихъ: 1 — 1073 въ Син. биб.

2 — 1076 Эрм. биб.

Эти сборники заключаютъ въ себѣ отрывки и сочиненія отцовъ церкви и статьи разнаго содержанія. Это были плоды трудовъ монаховъ Булгарскихъ. Въ заключеніе приведу слова Шафарика о дѣятельности Булгарскихъ писателей. Techto a tem podobnych muzu (см. предъидущ. примѣч.) a gegich nas turcuw neunawenau pey o naboznj i mrawnj w delanj narodu slowanskeho literatura slowanska, w horessich Morawàch, Cechach, we Slowacjch a Polste w samem wzniku swem potlacena, w Bulhareh (Thracii a Macedonii w topogmuie) a Srbech, preklady s. pisma, knih liturgickich, del sw. Oicuw, cirkewniho prawa, letopisuw a. t. d. tak se obohatila, ze ited, pri nemnohych tuh zbyteich gegich poctyrstoletnjm tureckim zpustenj tech ragskich kragin, pohled na nj a nekdegsj poklady gegi kazdeho nestranneho zna tele gazyka a wecj neywyssem obdiwenjm naplnuge. Slov. star. Okr. II, Cl. III, § 29, стр. 592.

Такимъ образомъ обнаружилось сознаніе Словенъ, проникнутыхъ христіанствомъ. Булгары заготовили своею дѣятельностію богатые запасы для будущихъ вѣковъ. Другія племена участвовали въ этой дѣятельности принятіемъ Словенскаго богослуженія и изрѣдка, вѣроятно, вслѣдствіе соперничества Нѣмецкихъ и Словенскихъ духовниковъ, усиліями уразумѣть на своемъ собственномъ нарѣчіи истины вѣчнаго завѣта.

Я разумѣю здѣсь памятники Чешскіе, носящіе на себѣ слѣды церковно-Словенскаго языка. Ихъ собственно два: пѣснь Hospodyne — pomiliy ny etc съ явственными признаками Ц. С. языка, и чтенія изъ Евангелія св. Іоанна. Оба памятника X стол. см. Cas. Ces. muz. 1829, II. ч. 33. Сюда также отнесу памятники языка Хорутанъ (Виндо-Слов.) наз. Фрейзингенскою рукописью X стол. Сходство языка этой рукописи съ церковно-Словенскимъ служитъ основаніемъ мнѣнія о тожествѣ сего послѣдняго съ Хорутанскимъ. Кто обратитъ вниманіе на разстояніе этихъ памятниковъ, писанныхъ у Хорутанъ (Виндо-Слов.) въ X стол. и Остромірова Евангелія въ XI ст. у Русскихъ, говоритъ Копитарь, is puto jam nunc similitudinem potius mirabitur tam diverso loco et tempore natorum quam differentiam. Совсѣмъ противнаго мнѣнія Шафарикъ. Slov. star. Okr. II, Cl. IV, § 36 стр. 714.

Исторія и поэзія въ эпохѣ перехода отъ натурализма къ христіанству.

Предъ христіанствомъ всѣ явленія природной жизни должны были исчезнуть или претвориться, чтобы выразить новую жизнь имъ выполненную. Исторія и поэзія до возобладанія христіанства, какъ ни богаты были, вѣроятно первая замѣчательными событіями, вторая яркими и разнообразными очерками ихъ быта и отношеній, долженствовали потерять свою безотносительную значительность и служить началу, восторжествовавшему надъ непосредственными явленіями природнаго положенія Словенъ. Собственно исторія и поэзія въ этой эпохѣ сливаются въ одну безразличную область, въ которой сознаніе свою дѣятельность въ прошедшемъ созерцало только въ сказаніяхъ (сагахъ), свое настоящее выражало въ обрядовыхъ

пѣсняхъ, носящихъ и теперь разительные признаки мѣстнаго, натуралистическаго значенія. — Съ началомъ постепеннаго развитія, съ просвѣщеніемъ христіанскимъ сказаніе, теряя свой синтезъ, совокупляющій времена, лица и отношенія въ цѣлость, переходитъ въ анализъ происшествій, *лѣтопись*, и предоставляетъ были, какъ поэтическому произведенію, общность характера эпохи; обрядовыя пѣсни теряютъ значеніе непосредственнаго отношенія общества къ природности, переходятъ въ повѣсть о внутреннемъ бытѣ народа, отрекаясь отъ поэтической самосозерцательности, удѣла были. Съ усиливающимся просвѣщеніемъ различаются двѣ области; одна, въ которой сознаніе народа замѣчаетъ свой бытъ, слѣдуя порознь за каждымъ явленіемъ дѣйствительности (лѣтопись, повѣсть, исторія); другая, въ которой сознаніе народа обозначаетъ всю дѣятельность свою общими признаками ея значенія, сливая въ немъ лица, годы и отношенія, (быль, бытовая пѣснь, поэзія). Въ эпохѣ перехода отъ натурализма къ христіанству еще не раздѣлены поэзія и исторія, онѣ вмѣстѣ свидѣтельствуютъ о быломъ и настоящемъ въ безразличной своей формѣ, въ которой историческая критика доискивается фактовъ, эстетическая удовлетворяется вымысломъ. Укажемъ на памятники, выражавшіе отношенія христіанства къ дѣйствительности, опредѣляемой непосредственной природностію и отношенія племенъ какъ къ чужимъ народамъ, такъ и между собою. Что касается до перваго, то какъ было показано, христіанство, какъ безразличная идея, водворясь въ быту Словенскихъ племенъ, исподоваль и, кажется, безъ примѣтнаго сопротивле-

нія подчиняла себѣ всѣ формы жизни развитой подъ условіемъ природности, почему всѣ явленія быта, хотя и теперь еще напечатлѣны непосредственностію, претворились въ характерѣ своемъ, болѣе и болѣе стали указывать на торжественные случаи, ознаменованные идеей. Можно сказать, что большая часть такъ называемыхъ обрядовыхъ пѣсней, куда я отношу, кромѣ свадебныхъ и семейныхъ, еще хороводныя и вообще многія бытовыя, свидѣтельствовавъ прежде о внутренней жизни народовъ, теперь получили свое относительное значеніе. Они, хотя и измѣнены въ языкѣ, по духу своему принадлежатъ большею частію къ древнѣйшему времени. Всѣ обрядовыя пѣсни, которыми такъ богаты Словене, имѣли прежде, такъ сказать, свое общественное значеніе, обнимали собою все общество, были свидѣтельствомъ ихъ общихъ отношеній къ явленіямъ природы, (какъ напр. означающія времена года, коляды, веснянки, купальныя subotki, Rotuly, гаилки и прочія, пѣсни о Вилахъ, Русалкахъ, Моранѣ), или выражали общественныя и семейныя торжества (тризны, свадьбы). — Съ водвореніемъ христіанства, они стали сопровождать торжества откровенія идеи и сдѣлались прибавленіемъ въ семейныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ освященіе свыше играетъ первую роль. — Христіанство, какъ условіе владычества Германцевъ надъ Словенами, притязая на уничтоженіе ихъ, пробуждало всегда борьбу, и только въ этой борьбѣ мы находимъ памятники языческіе. На предѣлахъ Германцевъ и Словенъ развились враждебныя отношенія, выразившіяся въ словѣ. Замѣчательно, что самобытное водвореше христіанства всегда примиряло противорѣ-

чія безъ слѣдовъ даже борьбы. Словене и Булгары, Словене и Руссы, Словене и Чудь христіанствомъ сливались въ одну, безразличную цѣлость. Но тамъ, гдѣ являлись покорители съ даромъ истины, она не была понимаема, не была примирительницей, и часто даже послѣ вынужденнаго признанія ея отвергалась. Подъ условіемъ только этихъ отношеній развилась непримиримая вражда Полябскихъ Словенъ, кончившаяся ихъ совершеннымъ истребленіемъ, обнаруживалась приверженность къ язычеству у Чеховъ и Поляковъ.

Politische Abhängigkeit der Wenden und Zinsplichtigkeit war der Hauptzweck der Deutschen: *das Werk ihrer* Bekehrung nur ein eventuelles Mittel dazu. Lützow Gesch. v. Mecklenburg стр. 122 срв. Шлецеръ Nestor. Russ. An. стр. 180, 181.

Только по отношенію къ Германцамъ, водворителямъ христіанства, язычество, ослабленное, безъ внутренняго содержанія поднимало главу свою, тщетно воодушевляло обреченныя на погибель племена къ защитѣ призрака, дорогою по связи съ самобытностію. У западныхъ, сосѣднихъ Германцамъ, племенъ Словенскихъ развились богатыя историческимъ содержаніемъ сказанія, въ которыхъ выразилась вражда противъ притѣснителей, вѣковая брань за самостоятельность, замѣченныя преданіемъ и засвидѣтельствованныя исторіей.

Мы имѣемъ памятникъ сего въ одной пѣсни Краледворской ркп., сочиненной вѣроятно позже

по древнимъ историческимъ преданіямъ. Она представляетъ побѣду Забоя и Славоя надъ чужими (Нѣмцами и ихъ вождемъ Людекомъ), вторгшимися въ ихъ отчину (dedinu) и чужими словами повелѣвавшими, покланяться такимъ богамъ, какіе въ чужой странѣ и имъ приносить обѣты.

Отношенія Словенскихъ племенъ, между собою, ихъ враждованіе, ихъ усилія слиться въ отдѣльныя народы или поддержать мнимую свободу въ раздробленіи породили множество сказаній, которыми начинаются всѣ древнѣйшія лѣтописи и которыя безъ сомнѣнія долго еще носились въ пѣсняхъ или отдѣльныхъ повѣстяхъ. Всѣ они лежатъ внѣ круга христіанскаго, ибо съ нимъ вмѣстѣ появились отдѣльныя цѣлыя, составленныя изъ противоположныхъ племенъ и отмошенія этихъ цѣлыхъ народовъ переходятъ уже въ лѣтопись, исторію, получившую начало съ упроченіемъ просвѣщенія. Литература, созерцающая эти отношенія въ данномъ, въ словѣ, предоставляетъ исторической критикѣ поставить на видъ этотъ родъ сказанія. Ея долгъ изъ даннаго уже уразумѣть значеніе отношеній. Памятникомъ сихъ племенныхъ отношеній могутъ быть, составленная по древнѣйшимъ преданіямъ, пѣснь Краледв. Ркп. Честиміръ и Влаславъ и, кажется, совершенная X стол. пѣснь, Любуминъ Судъ.

Характеръ первой пѣсни можетъ служить образчикомъ всѣхъ пѣсенъ, утраченныхъ для литературы и выражавшихъ непобѣдимый духъ свободы, ограниченной мелкими племенами. Двое князей, Влас-

лавъ и Неклапъ враждуютъ. Воевода Неклана, Честиміръ, несетъ въ страну Власлава месть и гибель (pomstu i pahubu voi moi nan nessau) за обиду (pohanene) его князя и за раззореніе отчины (ktosezze dedinu, kto rozplaka wase klasy? Wlaslaw). Эта пѣснь весьма напоминаетъ Освету нынѣшнихъ Черногорцевъ. Въ Любушинѣ Судѣ, подлинность котораго поставлена нынѣ выше всякаго сомнѣнія, племенный раздоръ представленъ въ переходѣ къ общественной цѣлости. Два брата спорятъ за удѣлы; недовольные судомъ Любуши — порицаніемъ своимъ даютъ поводъ этой миѳической владычицѣ Чеховъ предложить имъ князя. Kraledw. Ruk. 1829 г. стр. 194 и 197, гдѣ раздѣлено это стихотвореніе на два.

Какъ бы ни разсматривали бытъ Словенъ, въ отдѣльномъ ли какомъ либо народѣ, или въ совокупности всѣхъ племенъ, нельзя не согласиться, что до конца X столѣтія, Словене представляли одно направленіе, стремились къ одной цѣли, не достигнутой по причинѣ отношеній, въ которыя поставлены были своимъ положеніемъ. Приготовленные натуралистическимъ своимъ развитіемъ къ принятію христіанства, они исподволь проникались имъ, но встрѣтившись на пути сего постепеннаго сознанія съ побѣдоносными Германцами, прикрывавшими религіей замыслы, гибельные для самобытности ихъ сосѣдей, Словене останавливались въ добровольномъ признаніи вѣчной истины, одни отталкивали ее, желая отвергнуть вліяніе Нѣмцевъ, увлечены были въ борьбу гибельную для нихъ, другіе, раньше проникнутые идеею покорились политической власти защитниковъ западнаго исповѣданія и въ то время, когда Словенское богослуженіе долж-

но было восторжествовать и быть первымъ признакомъ самобытности Словенъ и ихъ взаимной связи, увлеклись своими сосѣдями, разрознились съ своими соплеменниками и оставили на многія вѣка путь, по которому, казалось, должны были дружно слѣдовать, чтобы отвратить всѣ бѣдствія, какимъ впослѣдствіи подверглись. — Остановивъ вниманіе на значеніи эпохи перехода отъ натуралисма къ христіанству, мнѣ кажется, можно поставить слѣдующія положенія, какъ аксіомы оправдываемыя литературою этой эпохи.

1) Раздробленные Словене на многія отдѣльныя племена — съ христіанствомъ получили значеніе болѣе индивидуальное.

2) Возможность христіанства лежала глубоко въ самомъ характерѣ Словенъ, исполненіе ея облегчено вліяніемъ Грековъ.

3) Первымъ необходимымъ явленіемъ сознанія идеи христіанства было Словенское богослуженіе, и слѣдственно

4) съ Словенскимъ богослуженіемъ начинается литература какъ потребность уяснить себѣ идею, въ непосредственномъ ея памятникѣ, откровеніи.

5) Это Словенское богослуженіе обнимало всѣхъ христіанскихъ Словенъ.

6) Только тамъ, гдѣ не было добровольнаго принятія христіанства, тамъ язычество поставило себя враждебнымъ ему.

7) Притязанія Германскаго императора заставили Словенъ, однихъ упорствовать въ язычествѣ, другихъ, мало-по-малу оставить Словенское богослуженіе.

Слѣдствія сего послѣдняго увидимъ въ слѣдующей эпохѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

